

М. Г. Коротких

**СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА В РОССИИ
(СУЩНОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ
МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ)*
(Извлечения)**

Глава III

**Юридическая природа законопроектов Судебной реформы 1859–1861 гг.
и эволюция ее принципов и институтов**

§ 4. ПРОЕКТЫ ПРОГРАММЫ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ (1859 – сентябрь 1861 г.)

Обсуждение проекта основ гражданского судопроизводства в Государственном Совете продолжалось с 15 ноября 1857 по 23 сентября 1858 г.¹²⁰ В ходе дебатов были определены основы гражданско-процессуального законодательства, о чем составили специальную записку великому князю Константину Николаевичу. В ней отмечалось, что к маю в Государственном Совете устранено «всякое сомнение относительно необходимости и возможности коренных изменений в существующем порядке нашего гражданского судопроизводства», хотя «еще не так давно весьма многие сомневались в возможности и пользе применения» начал западноевропейского законодательства¹²¹. Среди этих начал: 1) введение состязательного процесса вместо следственного; 2) отделение судебной части от исполнительной; 3) введение гласности и уничтожение канцелярской тайны; 4) учреждение двух судебных инстанций и кассационного суда; 5) введение сокращенного словесного судопроизводства при рассмотрении простых и маловажных дел; 6) учреждение при судах постоянных присяжных поверенных. Остальные нововведения, содержащиеся в журналах соединенных департаментов, «суть не что иное, как последствия принятия вышеозначенных главных начал». Перечисленные начала принимались постепенно, и потому «весь проект, так сказать, склеивался». Отсюда «отсутствие во всем этом законодательном акте строгой последовательности и системы, от этого он в самом себе носит зародыш распада и едва ли в силах будет одолеть препятствия в борьбе с существующим порядком». Чтобы побороть рутину, существующую в судах, проект «должен рассчитывать на собственную свою крепость, на ясность проводимых им начал». Но этой силы он «не имеет и иметь не может, ибо он весь составлен из частей, не крепко между собой соединенных. Весь проект в том виде, в каком он ныне представлен, есть не что иное, как прекрасный материал для составления нового устава гражданского судопроизводства». Недостатки проекта основ гражданского судопроизводства «суть естественные последствия неправильного способа составления его». Далее говорилось о методе законодательных работ. Составляя закон, необходимо прежде всего «ясное сознание главных его оснований». От них зависят «вся система и все подробности труда». Теперь, когда приняты начала, «можно приступить к начертанию проекта», взяв за образец кодекс одного из иностранных государств¹²².

О результатах обсуждения проекта основ гражданского судопроизводства говорилось в докладе председателя Государственного Совета А. Ф. Орлова Александру II от 17 октября 1859 г. В нем констатировалось, что граф Д. Н. Блудов внес «в виде дополнения» к проекту основ гражданского судопроизводства положение о производстве дел гражданским порядком сокращенным, постановления о присяжных стряпчих, правила о порядке исполнения судебных решений по делам гражданским¹²³. Предлагалась программа законодательных работ, состоявшая в том, что следует приступить «немедленно и не ожидая окончательного

* Первая публикация данной работы: Коротких М. Г. Судебная реформа 1864 года в России (сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1994. 240 с.

утверждения Устава судопроизводства, к предначертанию проекта судоустройства», поскольку «новый устав судопроизводства не может быть приведен в действие без изменений в устройстве самих судов». Его подготовка должна осуществляться II отделением с. е. и. в. канцелярии. Здесь же официально говорилось о нетрадиционном для России методе подготовки проекта о судоустройстве, который состоял в предварительном создании «начал», являющихся стержнем будущего закона. Проект закона о судоустройстве следовало представить на обсуждение соединенных департаментов Государственного Совета. Затем «все работы департаментов разослать в печатных экземплярах членам Государственного Совета, которые на них должны сделать замечания... к 1 января 1860 г.». Из замечаний надо было подготовить свод и передать его на обсуждение общего собрания Государственного Совета. Проект Закона о судоустройстве предлагалось разрабатывать, «применяясь к основаниям, принятым соединенными департаментами в проекте устава судопроизводства». В процессе его создания следовало увеличить число членов судов, соединить магистраты, ратуши, надворные суды с уездными судами и палатами. При этом председатели судов не избирались, а назначались правительством. Необходимо было учредить судебных исполнительных приставов, назначить прокуроров при каждом судебном месте¹²⁴.

27 октября 1859 г. Александр II утвердил доклад Орлова.

12 ноября 1859 г. граф Д. Н. Блудов представил монарху «Проект положения о судоустройстве». В нем глава II отделения видел не только залог существенного улучшения в области юстиции, но и средство «разделения постановлений свода на законы, собственно так именуемые, и на **предписания и распоряжения**»¹²⁵. Без разграничения нормативных актов по признаку их юридической силы судебной реформе грозила опасность: ведомственное распоряжение могло свести на нет предписание закона. Граф Д. Н. Блудов предлагал выбрать из различных томов и частей свода законов Российской империи все правила о внутреннем устройстве судебных мест, о порядке делопроизводства, объединить их и систематизировать. «Эти правила указывали бы на формы и обряды, наиболее удобные при исполнении основных положений»¹²⁶.

14 ноября Александр II наложил на «Проекте» резолюцию: «С главными началами согласен»¹²⁷.

Законопроект предусматривал объединить палаты гражданского и уголовного суда, вместо низших судов создать суд уездный «для разных сословий»¹²⁸. Несколько уездных судов «могут быть соединены в окружной суд»¹²⁹. Уезд разделялся на мировые участки, в каждом из которых учреждался мировой суд, состоящий из одного судьи. При судебных палатах учреждались должности прокуроров для наблюдения за законностью следствия и представления заключений по гражданским и уголовным делам. Прокуроры палат назначались министром юстиции. Прокуроры уездных судов – прокурорами палат. «Для хождения по делам частных лиц при палатах и уездных судах» состояли присяжные поверенные. Дела рассматривались только в двух инстанциях. В судебных палатах назначался «верховой властью» главный губернский судья. Он координировал деятельность судов. В проекте имели место и архаические институты: Сенат, оставленный в неприкосновенности, первоприсутствующие судебных палат, избираемые дворянством, особая юрисдикция для чиновников и т.п. Основанный на доктрине «осторожных нововведений», «Проект положения о судоустройстве» объединял институты, известные западноевропейским странам (адвокатура, прокуратура, мировой суд, двухинстанционное разрешение дел), с феодальными судебно-процессуальными структурами России (привилегия дворянства в судах, неравенство перед законом, несамостоятельность органов юстиции и т.п.).

Охарактеризовав проект, остановимся подробнее на мировом суде – центральном институте судебной системы. Он остался, по сути, неизменным вплоть до принятия судебных уставов.

«Основанием предложений об учреждении судов или судей мировых, – писал граф Д. Н. Блудов, – были два важных обстоятельства: уничтожение крепостного состояния и решительное отделение власти судебной от административной. Доселе крестьяне помещичьи, составляющие почти половину всего народонаселения... не имели никаких дел

гражданских, и не было повода учреждать гражданские суды для разбирательства споров с незначительной ценой иска и маловажных преступлений и проступков, разрешаемых полицией. <...> Но когда в одно время предполагается не только освобождение крестьян от крепостной зависимости, но и устранение полиции от всякого вмешательства в дела судебные», ее судебные полномочия необходимо передать судам. Это будет гораздо полезнее, поскольку «оному можно верить и ведение маловажных гражданских дел»¹³⁰. К выводу о необходимости мирового суда граф Д. Н. Блудов пришел под влиянием выводов комиссий, готовивших реформы полиции и местного управления, теоретических исследований С. И. Зарудного¹³¹. Дополнительным импульсом послужили решения комиссии, учрежденной для рассмотрения отчета министерства внутренних дел за 1857 г. о маловажных преступлениях и проступках. Она констатировала, что большая часть маловажных дел, рассматриваемых в судах, подчиняется «всем обрядам и формам судопроизводства, коих соблюдение требует весьма продолжительного времени». Это является «причиной долговременного содержания под стражей». Комиссия признала необходимым пересмотреть порядок производства по делам о маловажных преступлениях¹³².

С учетом пожеланий комиссии граф Д. Н. Блудов представил предложения Александру II. Отмечалось следующее: «для отвращения указанных комиссией неудобств, без нарушения... утвержденных начал преобразования полиции, едва ли могут быть употреблены какие-либо истинно действительные средства, кроме установления в каждом уезде малых судов, более близких к месту, в коем совершены маловажные преступления и проступки, и введения в сих судах особенного сокращенного судопроизводства. К обязанностям сих судов можно было бы отнести и решения маловажных гражданских дел». Александр II одобрил идею¹³³.

Согласно проекту «Положения о судоустройстве» мировой суд избирался дворянством. Им рассматривались имущественные споры на сумму до 500 руб., дела по искам на сумму до 30 руб. решались окончательно. Что касается дел о преступлениях и проступках, то мировой судья рассматривал те, за которые по закону полагался выговор, штраф до 50 руб., кратковременный арест, 30 ударов розгами¹³⁴. Однако основная обязанность мировых судей состояла в том, чтобы мирить спорящих.

Против введения мирового суда выступил граф В. Н. Панин. В соображениях по поводу проекта он доказывал нереальность института, для которого не найти подходящих людей и денег на содержание. Поэтому необходимо «оставить в своей силе ныне существующий порядок рассмотрения маловажных и малоценных дел»¹³⁵. Позиция министра юстиции осталась без внимания. Необходимость мировых судов обуславливалась не только потребностями, связанными с крестьянской реформой, но и усугублявшимся кризисом правосудия. Об этом свидетельствовало письмо Управления московского военного генерал-губернатора министру внутренних дел от 14 марта 1860 г. В нем говорилось об увеличении количества «бесспорных дел, производящихся в полиции», жалоб на их решения. «Почти всякое бесспорное дело обращается в тяжёбное и переносится на рассмотрение судебного места, в котором уничтожается разбирательство полиции со всеми его последствиями». Поэтому предлагалось учредить комиссию, по опыту Петербурга, для разрешения споров между рабочими и нанимателями¹³⁶. Эта комиссия, в которой дела рассматривались в упрощенном порядке, наглядно демонстрировала целесообразность мирового суда в России. Положительные результаты ее работы подтверждались цифрами. Так, с 31 мая 1858 г. по 1 мая 1859 г. было получено 623 дела; осталось нерешенными – 163, 460 – решено миром¹³⁷. Если это «еще не доказывает выгоды словесного судопроизводства, то мы, – заявляла прогрессивная печать, – отказываемся верить, что дважды два четыре. Воюющие против словесного судопроизводства (потому что оно требует адвокатов, которых у нас нет, а на заготовление их требуются чуть ли не тысячи лет) могут утешиться тем, что комиссия имела возможность покончить дела даже без адвокатов. Особенно нас поразила цифра 460 дел, конченных миром. Вот вам весь русский человек! Вот вам вся необходимость в ложном крючкотворстве, которое разветвляется на бесконечные инстанции»¹³⁸.

Аналогичное сообщение опубликовал «Русский вестник». Одобрав гласность и устность в деятельности комиссии, он делает вывод: «Нельзя не пожелать, чтобы реформа, коснувшаяся гражданского процесса, не замедлит коснуться и уголовного, в котором справедливость и быстрота решений принесут обществу еще более драгоценные благодеяния: жизнь и честь еще дороже для человека, нежели имущество. Нельзя не пожелать также, чтобы реформа вполне признала начало гласности и устности. Это начало уже испытано повсюду в Европе»¹³⁹.

Защита судебной реформы со стороны влиятельных журналов характерна¹⁴⁰. Противники радикальных изменений судопроизводства и судоустройства оставались по-прежнему сильны. Либеральные бюрократы прибегли к социальному эксперименту. Князем Васильчиковым в виде опыта в Киеве в июле 1860 г. «часть судебная» была «совершенно отделена от административной»..., что было достигнуто путем соединения городских магистратов с уездными судами¹⁴¹, создания «для разбора маловажных случаев особого порядка, с отделением следственной части от распорядительной»¹⁴². В результате такой реформы, отмечал Васильчиков в письме к великому князю Константину Николаевичу, дела разрешались в два раза быстрее¹⁴³.

10 декабря 1859 г. граф Д. Н. Блудов представил последний крупный проект судебной реформы – «Проект устава судопроизводства по преступлениям и проступкам», который изменял уголовно-процессуальное право¹⁴⁴. В объяснительной записке глава II отделения считал несвоевременным переход от существующего инквизиционного судопроизводства к обвинительному или следственно-обвинительному. «Сколь ни желательно было бы воспользоваться вдруг всеми усовершенствованиями, до которых другие народы дошли путем долговременных постепенных преобразований, – писал он, – однако ж, прежде чем мы решимся на какое-либо коренное изменение, должно тщательно обозреть и взвесить имеющиеся к тому средства, дабы, предприняв слишком много, не повредить делу». Несмотря на преимущества обвинительной системы, она «до такой степени различается от существующего ныне порядка, что внезапное введение оной, без предварительного к тому приготовления и в народе и в самих правительственных установлениях легко может, вместо усовершенствования сей части, повести к столкновениям, запутанности и удалить нас от желаемой цели». По мнению Д. Н. Блудова, ввести обвинительный процесс невозможно, поскольку нет квалифицированных прокуроров, но если их и найти, то «надобно доставить и обвиняемым столь же надежных защитников», иначе неизбежен обвинительный уклон процесса. В России, бедной юридическими кадрами, отмечал Блудов, их не найти.

«Самое устройство судебных мест, особливо же личный состав оных», также препятствует введению состязательного судопроизводства. Немыслим, по мнению графа Д. Н. Блудова, в России и суд присяжных. «Легко представить себе действие такого суда, когда большая часть нашего народа не имеет еще не только юридического, но даже самого первоначального образования, когда понятия о праве, обязанностях и законе до того неразвиты и неясны, что нарушение чужих правил, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самым обыкновенным делом, иные преступления удальством, а преступники только несчастными. Допущение таких людей к решению важного, иногда чрезвычайно трудного вопроса о вине или невиновности подсудимого, угрожает... прямым беззаконием»¹⁴⁵. Основываясь на этих посылах, глава II отделения, не меняя процесс по существу, ограничился лишь представлением подсудимому возможности ознакомиться с материалами дела, обжаловать приговор, а родственникам и друзьям обвиняемого – быть приглашенными в судебное заседание. Из 15 родов особых судопроизводств оставалось три: по делам о преступлениях по должности, по государственным и религиозным делам¹⁴⁶.

Проект устава судопроизводства по преступлениям и проступкам был внесен в Государственный Совет 14 апреля 1860 г. для рассмотрения совместно с проектом о судоустройстве. В это время стали поступать отзывы на проекты основных начал гражданского судопроизводства и на «Положение о присяжных поверенных», разосланные по велению Александра II в конце 1859 г.¹⁴⁷ В них было отражено мнение высшей российской бюрократии относительно судебных преобразований, стремление отказаться от старой судеб-

но-процессуальной системы и создать новую на принципах состязательного процесса. Лишь в исключительных случаях отстаивались институты, предлагаемые в проекте графа Д. Н. Блудова. Его проект оценили как неприемлемый. Он «не вводит... ни одного живого начала», обеспечивающего его жизнеспособность – утверждалось в «Замечаниях»¹⁴⁸. Для независимости присяжных поверенных предлагалось создать выборный совет, призванный руководить их корпорацией. «Самая сущность отношений поверенных к суду требует полной независимости первых от последних». Зависимость адвокатов от суда, как предусматривалось в проекте, создаст такие условия для его работы, что он не выполнит своего назначения – «ограждения частных интересов»¹⁴⁹. В «Замечаниях» предлагалось учредить Верховный суд, надзирающий «за однообразным» применением закона и преследующий явное его нарушение». Таковым должен стать Сенат, получающий кассационные полномочия без решения дел по существу¹⁵⁰. Налицо стремление бюрократии создать институт мировых судей как основу судоустройства и крепкий «фундамент для будущего нового гражданского и уголовного процесса», обеспечить независимость мирового суда¹⁵¹.

Критические оценки проекта основных начал гражданского судопроизводства, «Положения о присяжных поверенных», неразрывно связанных с судоустройством и судопроизводством уголовным, ускорили обсуждение «Проекта устава судоустройства и судопроизводства по преступлениям и проступкам». Замечания поступили в 1860–1861 гг. В них отвергался сословный принцип избрания судей. Формирование мирового суда дворянством «могло бы возбудить в прочих сословиях недоверие к мировому суду, столь противное главной цели этого учреждения»¹⁵². Предлагалось расширить компетенцию мировых судей, обеспечить их независимость. Намекалось на необходимость суда присяжных, без которого нельзя разрешить вопросы квалификации преступления и установления вины подсудимого. Особой критике подвергли «Проект устава судоустройства и судопроизводства по преступлениям и проступкам». Панин критиковал проект «справа», полагая необходимым расширить власть уездных судов и Сената. Критики «слева» считали принципиально «неверной доктрину, положенную в основу проекта». Так, обер-прокурор Гольтгоер полагал, что личность обвиняемого оставалась незащищенной от произвола властей. Он писал: «При... безгласности суда и следствия, при недостаточности устанавливаемой проектом судебной защиты и при заочности окончательного (во второй инстанции) суда, подсудимый, имея против себя и доносителя, который, находясь на свободе, удобно изыскивает доказательства, и следователя, который очевидно не может в одном лице соединять с обязанностью открывателя преступления – обязанность защитника, и наконец, самого прокурора, на которого также возлагается преследование преступлений... вступает в слишком неравную борьбу». Оценив законопроект как неприемлемый, Гольтгоер подчеркнул необходимость для России «коренных преобразований, основанных на началах обвинительного процесса». Отвергая мнение графа Д. Н. Блудова о неподготовленности общества к состязательному судопроизводству, обер-прокурор заключил, что без «положения начала введения обвинительного процесса мы никогда к нему не приготовимся, и что без учреждения адвокатуры у нас никогда не будет хороших адвокатов»¹⁵³.

Государственная канцелярия, обобщив «Замечания», пришла к такому выводу: «во многих» из них «высказывается мысль, что бесполезно было бы останавливаться на полумерах», реформируя уголовный процесс; необходимо приступить «к коренным преобразованиям, т.е. к изменению самой системы нашего уголовного судопроизводства». Для большей убедительности Государственная канцелярия сослалась на авторитет Морского и Военного министерств, «понявших необходимость подобного преобразования», а также на многочисленные замечания на проект устава о военно-морском суде¹⁵⁴.

Противоречия во взглядах на судебную реформу, настроения бюрократии получили свое отражение в печати. «Русский вестник» осудил политику постепенного улучшения порядка судопроизводства и судоустройства, выступив за радикальную судебную реформу. Без этой реформы нельзя установить законность, а без нее «никакие начинания не могут быть успешны». Журнал призвал обеспечить независимость суда от административной власти, «поставив судью в такое положение, чтобы он был... применителем закона, а не

исполнителем предписаний со стороны». Судья «должен нести ответственность перед обществом посредством гласности». Необходимо ввести суд присяжных. «Без этих условий всевозможные частные улучшения не поведут ни к чему»¹⁵⁵. Газеты и журналы стали систематически публиковать материалы о суде и правосудии, обсуждать теоретические проблемы судостройства и судопроизводства¹⁵⁶. Журнал Министерства юстиции знакомил читателей с передовым западноевропейским законодательством¹⁵⁷. В № 4–8 за 1860 г. в нем опубликовали перевод книги И. Бентама, признанного авторитета в области судебного строительства¹⁵⁸. Автор обосновал структуру и институты буржуазного суда; наглядно показал невозможность ограничения взаимообусловленных преобразований судопроизводства и судостройства «требованиями гласности и устности», необходимость изменения сопредельных институтов¹⁵⁹.

В печати отчетливо проявлялась тенденция критического анализа законодательства России с конкретными предложениями по его совершенствованию¹⁶⁰. Так, известный либерал А. А. Головачев в газете «Наше время» от 31 июня 1860 г. опубликовал статью «О судебных следователях». Разделяя высокую оценку «Учреждения судебных следователей»¹⁶¹ и рассматривая законодательную новеллу как начало судебной реформы, он дал рекомендации в целях успешного ее завершения. В их числе: обеспечение гласности и публичности судопроизводства, независимости суда, адвокатуры, установление высоких должностных окладов судьям, гарантирующих их материальную независимость, «разделение двух сторон суда: суждение о виновности и постановлений приговора на основании закона», т.е. введение суда присяжных.

В защиту суда присяжных выступил Н. Г. Чернышевский. Главные достоинства этого института он видел в его беспристрастности, независимости от администрации. Н. Г. Чернышевский предлагал гарантии деятельности суда присяжных: 1) необходимо, чтобы присяжных назначали лица, от которых они независимы; 2) исполнять свои обязанности присяжные должны посредством жребия, «дозволяя отводы без объявления причин»; 3) исполнение обязанностей временно. Учрежденный на этих основаниях суд присяжных распространит «во всех массах общества чувство личной безопасности», уважение всех ко всем и, следовательно, народа к самому себе. В этой взаимной власти каждого над каждым заключается истинное равенство»¹⁶².

Институт суда присяжных поддержал и В. Ф. Одоевский, который считал, что «он наводит на осуществление идеи правосудия таких людей, которые и не подозревали необходимости такого осуществления. Суд присяжных воспитывает чувство правосудия...»¹⁶³.

Таким образом, в 1860–1861 гг. очевидно стремление общественной мысли (теоретической и публицистической) всесторонне влиять на судебную реформу, готовившуюся негласно¹⁶⁴. О результативности такого влияния свидетельствовали публичные лекции В. Д. Спасовича осенью 1860 г., опубликованные в печати. Они стали заметным явлением в общественной жизни России. После них теория формальных доказательств, составлявшая «центральный узел всей системы судопроизводства, душу всего уголовного процесса»¹⁶⁵ и предпосылку судостройства, «была отменена в сознании каждого образованного человека»¹⁶⁶. Спасович доказал, что без отмены теории формальных доказательств нельзя улучшить правосудие. Меняя ее на оценку доказательств по внутреннему убеждению, необходимо изменить систему судостройства и судопроизводства, иначе это будет «бумажная реформа». Однако реформа теории доказательств «сама, в свою очередь, зависит от множества иных коренных преобразований в судостройстве и судопроизводстве»¹⁶⁷. Ее плодотворное влияние должно обеспечиваться механизмом, построенным на принципах отделения судебной власти от исполнительной, гласности и устности судебного процесса, независимости суда от прокурора, наделенного обвинительной властью, адвокатской судебной защиты. Без адвокатуры «суд не будет суд», – развивал мысль Спасович, – а западня, куда вовлекаемый подсудимый обречен на неизбежное почти осуждение... Без адвокатов нет никакого равновесия между обвиняемым и защитой; не одинаковы шансы состязания между прокурором, снабженным могущественными средствами розыска, и подсудимым, который изолирован в обществе уже по самому падающему на него подозрению». Однако

адвокатура сможет выполнить назначение, будучи независимой от властей корпорацией, наделенной правом исключать из своих членов и заступаться «за всякого члена, несправедливо притесняемого судом». В. Д. Спасович привел дополнительные аргументы необходимости двухинстанционного разрешения дел, Верховного кассационного суда, нижнего единоличного суда для рассмотрения малозначительных дел. «С учреждением единоличных нижних судов отошла бы от высших судилищ страшная масса дел ничтожных, мало-важных», – констатировал он. Это позволило бы закрыть многие уездные суды. Спасович понимал необходимость ввести в состав судов представителей общества, поскольку «правосудие дело... больше совести, нежели ума». Однако считал невозможным суд присяжных в России¹⁶⁸.

Значение выступления В. Д. Спасовича состояло в том, что он впервые публично обосновал взаимосвязанность и взаимообусловленность институтов судостроительства и судопроизводства, смысл которых был заключен в их единстве.

Влияние печати на умонастроения беспокоило реакционеров, не желавших существенных изменений (колебания проявлял Александр II). Они всячески хотели ограничить возможности прессы обсуждать острые социальные вопросы. Так, на заседании 17 декабря 1860 г. в Главном управлении цензуры граф В. Ф. Адлерберг «обнаружил невообразимое незнание и непонимание самых простых вещей в умственной и государственной жизни. Ведь его считают здесь представителем государя и голос его – отголоском последнего. Неужели и так же думают и столько же знают? ...Мысль была следующая: не должно ничего позволять писать о предметах финансовых, политико-экономических, судебных, административных, потому что все это означает посягательство на права самодержавия и тогда даже, когда в сочинениях этого рода вопросы рассматриваются с общей точки зрения и притом не заключают в себе ни малейшего намека на желательность каких бы то ни было изменений. Если же у кого зародится мысль об улучшениях по разным общественным и государственным предметам, тот может от себя писать в то ведомство, которого касаются эти улучшения. Словом, в печати нельзя обсуждать ни одного вопроса общественного»¹⁶⁹.

Замечания чиновников на проекты и главные начала судопроизводства гражданского, проект о присяжных поверенных и судостроительства были рассмотрены соединенными департаментами Государственного Совета в мае, октябре 1860 г. и марте – июне 1861 г. В них внесли несущественные изменения¹⁷⁰, что объяснилось противодействием графа Д. Н. Блудова. Дорабатывая законопроекты, он по-прежнему настаивал на зависимости суда от администрации, адвокатуры – от суда и прокуратуры, сохранении в судопроизводстве привилегий дворянства и т.п. О нежелании изменить платформу глава II отделения заявил еще раз, подводя итог своей деятельности по подготовке судебной реформы в докладе от 12 декабря 1861 г. Александру II. Он писал, что при законодательных работах видел основную задачу «ввести в отдельных постановлениях одного такие улучшения, посредством коих можно было бы достигнуть, если не всех, то, по крайней мере, главнейших из тех выгод, которые доставляет обвинительный порядок судопроизводства, и таким образом поставить наше отечество, так сказать, в переходное к сему положение»¹⁷¹.

После принятия Положения 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права социальная потребность в судебной реформе обострилась¹⁷². Ее отражением явилось письмо некоего «В. С.» к графу Муравьеву-Амурскому от 26 мая 1861 г. В нем говорилось: «Теперь представляется удивительная аномалия: простой народ, видимо, пробудился, он возвращается к жизни и, получив дух жизни сверху, судит общество снизу. Скоро начнутся столкновения, – а в судах по-прежнему тайные законы не соблюдаются, – а в администрации произвол, понятия о праве каждого распространяются, а права еще нет»¹⁷³. Однако подготовка судебных преобразований зашла в тупик: непрекращавшаяся борьба направлений во взглядах на судебную реформу и отсутствие единой концепции среди реформаторов неизбежно вели к несогласованности принимаемых законопроектов. О кризисе в подготовке судебной реформы свидетельствовал доклад, представленный Александру II за подписью графа Д. Н. Блудова 19 октября 1861 г. В нем отмечалось, что соединенные департаменты, рассмотрев проект о судостроительстве в июне 1861 г., признали необходимым, «не приступая к

подробным рассуждениям о каждом из предложений, вошедших в сей проект... постановить предварительное общее заключение об основных началах всей системы судоустройства». Для этого необходимо разрешить «вопрос: какое направление следует дать оному для скорого и по возможности удовлетворительного его окончания». Определить направление особенно важно, поскольку «все подданные... убеждены в необходимости, коль можно скорее дать судебной части надлежащее образование, соответствующее потребностям государства, обстоятельствам и самому духу времени»¹⁷⁴. Изменилась программа работ по подготовке судебной реформы. Следовало «предоставить соединенным департаментам внести в общее собрание Государственного Совета объяснительную записку обо всем, что может быть признано относящимся к главным основным началам наших предположений для устройства судебной части в империи, так чтобы сия записка обнимала в возможной полноте и ясности все многообразные предметы, к сей части принадлежащие; именно: 1. Судоустройство. 2. Судопроизводство гражданское. 3. Судопроизводство уголовное, и наконец, 4. Нужные временные меры для перехода от порядка ныне существующего к предполагаемому новому». Составление записки предлагалось возложить на специальную комиссию из служащих Государственной канцелярии и Министерства юстиции под руководством государственного секретаря В. П. Буткова. Разработанные «Основные положения» следовало обсудить в Государственном Совете, после чего представить на утверждение монарха. С учетом «Основных положений» предлагалось разработать уставы судопроизводства и судоустройства¹⁷⁵. 23 октября Александр II одобрил доклад. Как видно, граф Д. Н. Блудов сам предлагал передать подготовку судебной реформы из II отделения с. е. и. в. канцелярии в Государственную канцелярию, т.е. отстранить его от преобразования правосудия. Это объяснялось преобладанием в правительственных кругах мнения, что руководство судебной реформой Блудова завело ее в тупик. Доклад организационно оформил предрешенное. Это подтвердилось тем, что он составлялся сотрудником не II отделения, а Государственной канцелярии С. И. Зарудным¹⁷⁶. Повеление Александра II представить доклад о том, «в каком положении находятся ныне... работы по устройству и преобразованию судебной части вообще»¹⁷⁷, передавалось через государственного секретаря В. П. Буткова, а не непосредственно. Доклад вручал монарху также Бутков¹⁷⁸. Показательна возросшая активность Государственного секретаря¹⁷⁹ в подготовке судебной реформы, не принимавшего в ней ранее участия. В этой связи необходимо учесть качества Буткова – типичного царедворца. Он, как свидетельствовал А. В. Головнин, следовал «своей всегдашней системе – действовать согласно желанию самого сильного... стараясь всячески узнать, кто самый сильный в настоящем случае, т.е. чье мнение разделяет государь, дабы действовать в пользу оно»¹⁸⁰.

Переход дела судебной реформы из II отделения в Государственную канцелярию явился переломным моментом в ее подготовке и свидетельствовал об окончательной потере влияния курса графа Д. Н. Блудова. Его отстранение от судебной реформы следует оценить как победу сторонников коренного изменения правосудия в России с отказом от «исторических начал». Любопытна характеристика главы II отделения с. е. и. в. канцелярии: «Высокое официальное положение графа Блудова, приобретенный им почти непререкаемый авторитет в делах законодательства и глубокое его образование придавали его мнению особенный вес, делали его серьезным и опасным противником»¹⁸¹.

Принятое 19 февраля 1861 г. положение об отмене крепостного права санкционировало телесные наказания в виде сечения розгами (до 20 ударов), вверяя право на их назначение волостному суду и мировому посреднику. Сохранение этого правомочия подтверждало, насколько укоренялась в общественном сознании мысль, что русский мужик «розгу любит».

Однако освобождение человека от многовекового рабства предполагало повышение социальной ценности личности, ее значимости для общества. Телесные наказания, унижавшие человеческое достоинство, стали очевидным анахронизмом. Проявлением осознания этого явилась записка князя Н. А. Орлова «Об уничтожении телесных наказаний в Российской империи и в царстве Польском», написанная в марте 1861 г. Идею о ее под-

готовке автору подсказал деятель крестьянской реформы, соратник М. М. Сперанского барон М. Корф. В письме к последнему от 18 июня 1861 г. Орлов писал: «В уроках Ваших Вы не раз говорили об ужасах телесных наказаний и Вы говорили, как спасти Россию от замаскированной смертной казни». Разговор «Ваш о том не был мною забыт и в марте нынешнего года я подал государю через князя Горчакова записку об уничтожении телесных наказаний. Записка эта была составлена (по секрету)»¹⁸². Вот ее содержание: «Телесные наказания... служат основанием всей исправительной и карательной системы» России, хотя в большинстве европейских государств давно уничтожены. Они «суть зло: в христианском, в нравственном и в общественном отношениях». В России «бьют всякого, кто только дает себя бить». Это поддерживает грубость нравов и сильно мешает правильному развитию человеческой личности. Отсюда, прежде всего, рождаются скрытость и лицемерие. Поговорите с незнакомым вам мужиком, с мещанином, с солдатом и увидите, как трудно узнать их чувства и мысли. Простолюдин пристально смотрит на вас и при малейшем несоглашении беспокойно озирается, опасаясь побоев. Писатель, гениально постигший дух русского народа (Ив. Сер. Тургенев), неоднократно говаривал мне, что самый обыкновенный разговор двух крестьян между собой внезапно принимает иной характер при появлении человека в немецком платье. Замечание это не относится к одним крепостным. Это признак общий, подтверждающий, «сколь сословия, подверженные побоям, недоверчиво смотрят на всех остальных». Телесные наказания «не только зло, но и великая опасность», поскольку могут привести к открытому сопротивлению истязуемого народа. Одобряя отмену крепостного права, автор осудил возможность назначения телесных наказаний «по законному распоряжению поставленных над ними правительственных и общественных властей» (ст. 25 Положения от 19 февраля). Это узаконивает произвол земской полиции». Свобода и право собственности (а именно социальный слой собственников желал создать правительство с отменой крепостного права. — М. К.) только тогда действительны, когда обладающий ими вполне огражден в своей части и личном достоинстве, — заключил автор. Необходимо уничтожить телесные наказания»¹⁸³.

По повелению монарха записку передали в апреле 1861 г. в департамент законов Государственного Совета и в Комитет при II отделении с. е. и. в. канцелярии, разрабатывавший проект нового воинского устава о наказаниях. В комитет вошли представители различных ведомств: сенаторы Р. М. Губе (председатель), И. Х. Капнер, от II отделения Малевский, Ф. Л. Брун, Г. С. Попов, Перетц; члены бывшей кодификационной комиссии Царства Польского — П. А. Плавский и Александрович. От морского министерства — Философов, П. Глебов, Н. Я. Яневич-Яневский. Следует отметить, что военно-морское и военное ведомства были первыми, кто начал модернизировать уголовное и судебно-процессуальное законодательство. Это было связано с необходимостью модернизации армии и флота, показавших несоостоятельность в Крымской войне 1853–1855 гг. Провести военные реформы без обновления законодательства оказывалось невозможным. Однако и упразднить на флоте и в армии телесные наказания, составлявшие основу уголовной политики самодержавия, было нельзя.

Комитет не решился высказать мнение по поводу предложений Н. А. Орлова, сделав запрос военному министру П. О. Сухозанету. При этом было заявлено, что вопрос об отмене телесных наказаний необходимо решать «особо по военному и гражданскому ведомству»¹⁸⁴. Сухозанет признал отмену телесных наказаний «решительно невозможною мерою», однако согласился уменьшить наказания без суда, по усмотрению начальства до 50 ударов, а по приговору военного суда — до 200. По его мнению, следовало бы также отменить наказание шпицрутенами, плетьюми и розгами перед высылкой в Сибирь, но в то же время увеличить срок каторжных работ. Взгляды Сухозанета отражали позицию реакционной части бюрократии, не желавшей существенных преобразований. Точку зрения военного министра и записку Орлова комитет представил главе морского министерства — великому князю Константину Николаевичу. От его имени генерал-аудитор П. Глебов поддержал в комитете основные положения записки Орлова, заявив, что телесные наказания — «зло, которое оставляет в народе самые вредные последствия, действуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу на мнения против установленных властей», и

связав само существование телесных наказаний с крепостным правом. Его отмена должна с неизбежностью привести к изменению «системы наказаний и взысканий», что необходимо не только для «предупреждения конечной порчи народной нравственности, но и для обеспечения спокойствия и общественного порядка в государстве». Глава морского министерства счел целесообразным полностью отменить телесные наказания, назначаемые по суду, как меру дополнительную, отменить шпицрутены, ограничить применение розог.

Изучив мнения, комитет пришел к выводу о целесообразности «отменить вовсе по гражданскому ведомству телесные наказания без всякой замены их какими-либо другими», однако высказался за оставление розог в связи с тем, что «в России нет достаточного числа исправительных заведений»¹⁸⁵.

Журнал комитета с проектом Воинского устава о наказаниях с запискою Орлова был разослан всем министрам и главноуправляющим. Ответы были получены только от 12 лиц¹⁸⁶. Восемь человек одобрили отмену телесных наказаний, среди них был министр государственных имуществ М. Н. Муравьев, министр императорского двора А. В. Адлерберг, министр народного просвещения Е. В. Путьтин и др. Наиболее интересны мнения министра внутренних дел П. А. Валуева и великого князя Константина. Валуев обосновал необходимость отмены добавочных телесных наказаний и равенства всех «пред уголовным законом» тем, что жители страны «уравнены уже перед законом гражданским». Цель наказания – «исправление виновного и предупреждение преступления на будущее время в других людях». Учитывая это, «положение человека, совершившего преступление, есть положение ненормальное, только не в физическом, а в нравственном отношении, а поэтому... исправление преступника должно быть не физическое, а нравственное». Телесные наказания не могут достичь этой цели. В то же время Валуев с сожалением констатировал, что в России нет достаточного количества мест лишения свободы, поэтому полностью упразднить телесные наказания невозможно.

Великий князь Константин Николаевич, развивая мысль о необходимости для «мирного развития страны... полной отмены телесных наказаний» в ближайшем будущем, тем не менее считал необходимым оставить сечение розгами мужчин из-за отсутствия нужного количества тюрем. Он выдвинул предложение, вошедшее затем в законодательство: «все вновь поступившие на военную службу» нижние чины «освобождаются от телесного наказания» до того времени, пока за порочное поведение они уже на службе не будут по суду лишены этого права и переведены в особый разряд нижних чинов». Великий князь считал возможным лишить полицию права несудебного применения телесных наказаний, подчеркнув также необходимость устранения «произвола при наложении наказаний вообще».

Главноуправляющий путей сообщения и публичными зданиями Х. В. Чевкин и министр юстиции Б. Н. Панин видели смысл в несущественном сокращении применения телесных наказаний. Панин предлагал отменить наказание плетьюми, но увеличить каторжные работы, женщинам назначать такие же телесные наказания, как и мужчинам, но в половинном размере. Любопытно обоснование такого решения. «Виды наказания, – писал он, – должны соответствовать степени развития народного образования и понятию о чести, а постепенность в переходе от мер жестокости к мерам более кротким необходима, чтобы не поколебать страха наказания за преступления в тех лицах, которых только телесное наказание как более для них вразумительное может страшить и потому предотвращать покушение на преступление». Отмена телесных наказаний нужна, так как они не соответствуют историческому развитию русского законодательства, «стремящегося постепенным смягчением жестокости телесных наказаний достичь окончательной отмены оных по достижении всеми сословиями необходимого образования и развития». Но поскольку народ темен, ему понятнее всего телесное наказание. Оно «в народном понятии единственное наказание, возбуждающее страх». Его упразднение «равносильно отмене всех уголовных наказаний».

Третья группа ответов отражала реакционные настроения дворянства. Государственный контролер Анненков утверждал: «Всякое изменение системы уголовных и исправи-

тельных наказаний совершенно несвоевременно; всякое заявление по этому предмету намерений правительства «опасно и вредно». Ему вторили представители православной церкви: Д. А. Толстой – обер-прокурор Святейшего синода и Московский митрополит Филарет. Рассуждения последнего не лишены мрачной оригинальности. «Полагают, – утверждал он, – что телесное наказание поражает в наказываемом всякое чувство чести», но «преступник убил в себе чувство чести тогда, когда решался на преступление. Некоторые полагали бы совсем уничтожить телесные наказания и заменить их тюремным заключением». Для этого потребовалось бы построить множество тюрем за счет налогообложения народа. «Итак, чтобы облегчить истинную или мнимую тяжесть виновных, надо положить новую тягость на невиновных». Это несправедливо.

Мнения высших сановников по велению Александра II были переданы для рассмотрения в комитет, разрабатывавший Воинский устав о наказаниях. Либеральная часть бюрократии в правительственных кругах предложила дополнительные аргументы целесообразности отмены телесных наказаний. Так, обер-прокурор Особого собрания Московских департаментов Сената Н. А. Буцковский подал записку, в которой, следуя учению Ч. Беккариа, доказал необходимость полной отмены телесных наказаний, гуманизации уголовной репрессии. «Наказание, – писал он, – как законное возмездие за сделанное преступлением зло должно причинять ему (преступнику. – М. К.) известное страдание, могущее служить искуплением этого деяния и удовлетворением нарушенных прав». Но оно должно быть и «средством исправления для преступника и внушать не один страх, а также и уважение к справедливости и непоколебимости законного возмездия». Жестокие наказания не исправляют преступника, а ожесточают его. «На людей, преклонных к злу, надо действовать не страхом жестоких наказаний, но страхом неминуемого обличения, за которым преступник не должен иметь в перспективе возможности увернуться от наказания». Этого можно добиться только судебной реформой. В заключение Н. А. Буцковский подчеркнул, что не следует наказывать телесно, но, арестовав преступника, привлекать его к общественно полезному труду. Мнение Буцковского разделял также в своей записке Д. А. Ровинский¹⁸⁷.

Рассмотрев мнение представителей высшей бюрократии, комитет пришел к выводу о необходимости частичной отмены телесных наказаний, не считая возможным их полное упразднение. Свое решение он мотивировал: а) недостаточным количеством исправительных тюрем; б) тем, что сечение розгами предусмотрено Положением от 19 февраля. Комитет считал, что отмена этого вида наказания должна последовать через внушение обществу, что провинившегося полезнее использовать на работах, чем наказывать телесно¹⁸⁸.

Таким образом, предложения либеральной бюрократии комитет воспринял. 23 ноября 1861 г. А. В. Головин писал великому князю Константину Николаевичу: «Дело об отмене телесных наказаний закончено вследствие настояния государя и передачи в комитет бумаг Н. Орлова»¹⁸⁹.

Глава IV

Воплощение принципов буржуазного судопроизводства и судоустройства в законопроектах государственной канцелярии. Борьба в государственном совете за их принятие

§ 1. ПОДГОТОВКА ПРОЕКТА «ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ В РОССИИ»

Во исполнение программы судебной реформы, содержащейся в утвержденном Александром II докладе от 19 октября 1861 г., была организована комиссия. В нее вошли крупнейшие юристы: сотрудник Государственной канцелярии А. П. Плавский, исполняющие обязанности статс-секретарей Государственного Совета И. И. Стояновский, С. И. Зарудный, помощники статс-секретарей П. А. Даневский, Д. П. Шубин, обер-прокурор общего собрания московских департаментов Сената Н. А. Буцковский, обер-секретарь общего собрания

московских департаментов Сената К. П. Победоносцев, московский губернский прокурор Д. А. Ровинский, экспедитор канцелярии А. П. Вилинбахов. С. И. Зарудный сформировал комиссию из своих единомышленников, чьи взгляды на судебную реформу были ему известны¹. Он же фактически возглавлял работу комиссии.

В задачу комиссии входило создание судебно-процессуальной конструкции, соответствовавшей капиталистическим базисным отношениям. «Как только экономический прогресс общества, – писал Ф. Энгельс, – поставил в порядке дня требование освобождения от феодальных оков и установления правового равенства путем устранения феодальных неравенств, это требование по необходимости должно было скоро принять более широкие размеры, хотя оно было выдвинуто в интересах промышленности и торговли, но того же равноправия приходилось требовать и для громадной массы крестьян»². Не осознавая этого, комиссия заботилась о жизнеспособности суда и правосудия, призванных обеспечить равенство в суде субъектов правоотношений, неприкосновенность личности и собственности, гарантировать, прежде всего, статус «крестьян-собственников, то есть того сословия, – по словам А. В. Головкина, – которое правительство желало создать»³.

Для разработки законопроектов о судоустройстве и судопроизводстве следовало определить концепцию законодательных работ. Российское правосудие, порицаемое всеми, не имело достойных внимания традиций и институтов. Поэтому при разработке законопроектов ориентировались на западные образцы. Именно они, по мнению реформаторов, воплотили «общечеловеческие начала», всесторонне обоснованные передовой юридической наукой Франции, Англии, Германии, Италии и других стран, и получили свое подтверждение на практике. Однако для последовательного воплощения этой доктрины в законодательстве следовало заручиться согласием высших сановников и, прежде всего, Александра II. Хотя «концепция исторических начал» потерпела фиаско, законопроекты II отделения не были отвергнуты.

Монарх, как писал князь П. П. Гагарин, повелел «определить общие фундаментальные принципы, на которых должны основываться судебные реформы»⁴. Их «следовало найти и выделить из законопроектов, подготовленных под руководством графа Д. Н. Блудова. С октября по декабрь 1861 г. комиссия занималась этой работой. Была подготовлена «Историческая записка с изложением прежних соображений соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета и II отделения с. е. и. в. канцелярии»⁵. В ней излагалась сущность нововведений «Основных начал судоустройства и судопроизводства гражданского и уголовного, извлеченных из проектов, составленных II отделением с. е. и. в. канцелярии, рассмотренных уже или еще не рассмотренных соединенными департаментами законов и гражданских дел Государственного Совета»⁶, с краткой аргументацией целесообразности этих нововведений, сделанной в форме выписок из объяснительных записок и решений Государственного Совета. «Основные начала» соединенные департаменты выводили, «не останавливаясь на теоретических изысканиях», смотря «на дело с практической точки зрения, и старались указать все существенные **недостатки** действующего ныне порядка, считая, что установление их определит вместе с тем и основные начала правильного судопроизводства в России»⁷. Такой подход неизбежно привел к несогласованности положений проекта судебных преобразований и положений «Основных начал». Как писал великий князь Константин Николаевич Александру II в своем докладе председательствующего Государственного Совета 9 апреля 1862 г., блудовские проекты создавались «в разное время без общего плана и без общей системы»⁸.

Члены комиссии понимали это, но из тактических соображений, желая наглядно продемонстрировать несостоятельность работ II отделения, предприняли попытку изыскать «Основные начала» в предшествующих законопроектах. Найденные «Основные начала» не представляли собой взаимосвязанных и взаимообусловленных принципов, исходя из которых следовало реформировать суд и правосудие. Они и не могли быть такими, поскольку отсутствовала последовательная доктрина судоустройства и судопроизводства, программа законодательных работ. Принимаемые стихийно, «по мере исправления недостатков», «Основные начала» не согласовались между собой, сохраняя печать непоследо-

вательности и половинчатости⁹. Так, провозглашался принцип: «все судятся в одних судах», но допускались исключения из этого правила для привилегированных сословий; отстаивались prerogative дворянства при формировании судов; запрещалась ревизия только гражданских дел; отменялась теория формальных доказательств, но не допускалась их оценка по внутреннему убеждению; гласность судопроизводства ограничивалась допуском на заседание суда сторон; адвокатура не была самостоятельна; оставались неопределенными структура и правовой статус Сената.

Вполне понятно, что, основываясь на началах, сформулированных в ходе предшествовавших законодательных работ, было невозможно вывести судебную реформу из тупика. Социально необходимой стала новая доктрина судебных преобразований, что становилось очевидным для реалистически мыслящей бюрократии.

В докладе секретаря Государственного Совета Б. П. Буткова 18 марта 1862 г. Александру II говорилось, что составленная комиссией юристов записка о «главных началах, принятых при составлении» проектов II отделения, «была кончена в январе 1862 г.»¹⁰, напечатана и разослана всем членам Государственного Совета для предварительного прочтения. В это время от юристов-практиков поступило «много замечаний» на проекты графа Д. Н. Блудова. «Государственная канцелярия с января 1862 г. приступила к составлению подробного свода всех сих замечаний». Однако назначенный с 1 января 1862 г. председателем департамента законов князь П. П. Гагарин, «усматривая, что сии замечания» относятся к сущности проектов, «что один простой свод их по статьям не принесет существенной пользы, только затруднит и замедлит рассмотрение дела в Государственном Совете», предложил комиссии изложить свои соображения о «тех главных началах, кои... действительно в настоящее время необходимы для преобразования судебной части». К этой работе приступили в конце января 1862 г.¹¹

Сделать столь ответственное распоряжение князь П. П. Гагарин мог только с согласия монарха. В его дневнике за 4–6 января 1862 г. содержалась запись об аудиенции у Александра II в связи с назначением Гагарина председателем департамента законов вместо графа Д. Н. Блудова. «Царь заговорил о судебной реформе»¹². Гагарин ответил, что пришли материалы комиссии, которые еще не было возможности изучить. «Но мне они достаточно известны, чтобы сделать вывод об отсутствии в них эффективного анализа работы, выводов из принятых «Основ», нет предложений по животрепещущим вопросам, нуждающимся в скорейшем разрешении». Обстоятельства диктуют скорейшую подготовку судебной реформы, но для этого «нужно предварительно обязать данную комиссию приготовить все, что я сказал. Без этого работа затянется». Гагарин попросил также отсрочить заседание Государственного Совета по рассмотрению законопроектов о судебной реформе и не начинать его до окончания работы комиссии¹³.

Александр II дал согласие, повелев, чтобы при разработке законопроектов прежде всего «в общих чертах **были изложены соображения Государственной канцелярии и прикомандированных к ней юристов** о тех главных началах, несомненное достоинство которых признано в настоящее время наукою и опытом европейских государств, по коим должна быть преобразована судебная часть в империи»¹⁴. Это повеление сняло преграды для принципиально нового подхода к судебной реформе в России. Предшествующие разработки законопроектов сводились к сбору обычного подготовительного материала. Комиссия, созданная для подготовки «Основных начал» судебной реформы, приступила, согласно докладу великого князя Константина Николаевича от 9 апреля 1862 г., «к сему новому и обширному труду в первых числах февраля 1862 г.»¹⁵. К 20 марта 1862 г.¹⁶ она подготовила «Соображения Государственной канцелярии об основных началах гражданского судопроизводства по проекту II отделения с. е. и. в. канцелярии, рассмотренному соединенными департаментами законов и гражданских дел Государственного Совета и по замечаниям, составленным на этот проект». Аналогичные «Соображения» подготовили об основных началах уголовного судопроизводства и судоустройства. В каждой записке излагалась суть проектов, поступивших на рассмотрение Государственного Совета, и замечаний на него. Затем шли соображения членов комиссии и, наконец, в виде особых параграфов или статей – «основные или главные положения будущего преобразования»¹⁷.

В «Соображениях» комиссия преследовала цель обеспечить неприкосновенность личности¹⁸. «Соображения» явились результатом коллективных усилий членов комиссии, готовивших «Основные начала». Они опирались на учения Монтескье, Беккариа, Бентама, Миттермайера, обосновавших буржуазное судопроизводство и судоустройство.

Российская юстиция, как уже говорилось, не имела достойных внимания традиций и институтов. Поэтому модель суда и процесса следовало конструировать, по выражению Победоносцева, из «отвлеченных начал теории»¹⁹, аккумулировавшей опыт западноевропейских государств.

Разрабатывая принципы судебной реформы, комиссия использовала положения блудовских законопроектов лишь в той их части, которая соответствовала взглядам членов комиссии. При этом демонстрировалось несоответствие теории и практики судебного строительства западных государств. Формулируя «Основные начала», юристы, входящие в комиссию, не механически заимствовали правовые институты, действующие в странах Европы, а отбирали те, которые соответствовали российской действительности, трансформировали их сообразно традиции страны. Существенные стороны судебных преобразований оценивались с теоретической и практической точек зрения. Основное внимание уделялось спорным вопросам. Разработкой институтов, вызывавших споры, занимался каждый из членов комиссии: Н. А. Буцковский – уголовным судопроизводством, К. П. Победоносцев – судоустройством, Н. И. Стояновский – предварительным расследованием, Д. А. Ровинский – судом присяжных и мировым судом. Руководил работой комиссии С. И. Зарудный, теоретические изыскания которого широко использовались. Проекты совместно обсуждались и принимались, после чего их включали в «Соображения» Государственной канцелярии. Между юристами существовали разногласия²⁰. Тем не менее все они являлись сторонниками «общечеловеческих начал» суда, воплощенных в законодательстве стран Запада.

Впервые в истории подготовки судебной реформы комиссия смотрела на законодательство о правосудии как на стройную систему с внутренними закономерностями взаимосвязи и взаимообусловленности норм, институтов, систему, построенную так, что если убрать или существенно изменить один из ее элементов, то может возникнуть опасность для системы в целом. Такой подход предполагал обоснование неизбежности введения всего комплекса институтов судопроизводства и судоустройства, существующего в законодательстве западноевропейских стран.

Целью судебно-процессуальной конструкции становилась гарантия, с одной стороны, беспрепятственной реализации правомочий субъектов отношений, с другой – создание таких условий, которые исключали возможность для злоупотреблений должностными лицами от юстиции. Без этого обеспечить неприкосновенность личности, собственности, т.е. реализовать задачи судебной реформы, оказалось невозможно.

Обосновывая единство институтов реформы, Н. А. Буцковский писал: «Четыре главных начала управляют уголовным правосудием: начало обвинительное, начало судебной защиты, начало свободного внутреннего убеждения судей и начало гласности и устности судопроизводства. Судья тогда только может держать непоколебимо весы правосудия, когда он непричастен никаким односторонним действиям обличения или защиты... Чтобы поставить судью в такое положение, необходимо, во-первых, учреждение независимой от суда обличительной власти... во-вторых, учреждение правильной судебной защиты, без которой не было бы никакого равновесия между обвинением и защитой», и суд стал бы «орудием произвола»²¹.

Цель уголовного судопроизводства, по мнению юристов, работающих в комиссии, должна состоять в обнаружении истины. Сообразно этому необходимо определить институты состязательного процесса, «которые, обеспечивая общество от безнаказанных преступлений, представляли бы подсудимому надлежащее ограждение от неправильного обвинения и привлечения к следствию и суду без достаточных оснований, а вместе с тем обеспечивали бы и правильность решения дел»²². Н. А. Буцковский, обосновывая уголовно-процессуальное законодательство, заботился, прежде всего, о процессуальных гарантиях ограждения обвиняемого на предварительном следствии. «Произвол следователя в

собрании доказательств, – писал он, – опаснее произвола судьи в определении их силы», поскольку он не может быть исправлен в связи с тем, что «доказательства со временем... уничтожаются»²³. Поэтому на прокурора необходимо возложить надзор за следствием. Право на защиту обвиняемого обеспечивалось возможностью отвода следователя, ознакомления по окончании следствия с материалами дела. «Для ограждения обвиняемого от неосновательного привлечения к суду» после окончания следствия вводился «обряд предания суду». На этой процессуальной стадии суд разрешал вопрос о том, «подлежит ли дело судебному рассмотрению» или прекращению.

Предание суду не могло осуществляться «ни следователем, ни судом без прокурора, ни прокурором без участия суда. В первом случае обвинительная власть не имела бы должного значения, а в последнем – прокурор имел бы возможность безотчетно, по одному личному своему усмотрению и без достаточных оснований возбуждать и прекращать следствие»²⁴. Материалы предварительного расследования проверялись в суде. «Состязательный процесс» и «правильное устройство судебной защиты», являвшейся стороной, равной обвинению, давали возможность, по мнению Н. А. Буцковского, осуществлять самую действенную проверку «следствия в суде, в присутствии и под контролем всех заинтересованных в деле лиц».

Пристальное внимание реформаторы уделяли теории доказательств, считая необходимым введение оценки доказательств по внутреннему убеждению. Без этого невозможно «никакое существенное улучшение»²⁵. От решения вопроса, какую теорию доказательств (формальную или по внутреннему убеждению) принять, «зависят, – говорилось в «Соображениях» Государственной канцелярии, – не только главные формы судопроизводства, но и самое устройство суда», гарантии прав подсудимого²⁶. В подготовленном законопроекте комиссия реализовала «точку зрения лучших европейских законопроектов, дошедших путем долговременного опыта до убеждения, что правила судебных доказательств не должны стеснять совести судьи»²⁷. Из признания «двух положений – проверки следствия на суде и решения дел по внутреннему убеждению – вытекает третье: введение суда присяжных. Без него реформа судопроизводства не состоится»²⁸.

Судопроизводству уголовному²⁹ соответствовала «система судоустройства», поскольку «судоустройство и судопроизводство гражданское и уголовное состоят в такой тесной между собой связи, что невозможно поставить что-либо основательное об одном, не имея в виду другого»³⁰. Конструируя аппарат юстиции, реформаторы стремились «самим устройством суда» обеспечить «наиболее ручательств в справедливом решении судебных дел»³¹. К. П. Победоносцев предлагал такую схему судоустройства: судом первой инстанции являлся окружной суд, второй – судебная палата. «Для верховного наблюдения за охранением всех существенных правил и обрядов судопроизводства» учреждался Сенат. В округе судебной палаты учреждался областной судья для проведения судебной реформы «и для надзора за успешным и правильным производством суда». Он назначался монархом. При судах (за исключением мирового) состояли прокуроры для наблюдения за «правильным исполнением закона и надзором за следствием. Им вверялась власть обвинительная», т.е. «обнаружение преступлений и преследование виновных»³². Однако «возбуждение уголовных дел не должно зависеть исключительно от одного прокурора» – считали члены комиссии³³. Это право необходимо предоставить следователю, но при условии незамедлительного сообщения прокурору о «начатии дела». Полиция при производстве дознания также подчинялась прокурору. В случае пререканий между прокурором и следователем или жалобы лица на притеснения со стороны этих лиц, спор решался судом. Прокурор должен получить право поддержания обвинения в суде как «для разъяснения дела суду, так и для облегчения самому подсудимому способов защиты»³⁴. Прокуроры назначались генерал-прокурором, являвшимся одновременно министром юстиции.

Мировой судья избирался всеми сословиями из кандидатов, имеющих высшее образование. Окружной суд состоял из советников и заседателей. Первые назначались главным областным судьей. Вторые избирались всеми сословиями и утверждались главным областным судьей. Сенаторы назначались монархом. Предлагая судебную организацию, К. П. По-

бедоносцев не усмотрел возможности для использования в России институтов передового западного судостройства. Так, он умолчал о присяжных заседателях, счел невозможным применить к «нашим обстоятельствам... начало несменяемости судей»³⁵. Да и учреждение областного суда как своеобразного наместника в аппарате юстиции с огромными правами свидетельствовало о недоверии к судостройству.

Неадекватное понимание некоторых правовых институтов, в частности института присяжных, Н. А. Буцковским и К. П. Победоносцевым свидетельствовало о разногласиях в комиссии, которые, в свою очередь, отражали расхождения в обществе по поводу судебных преобразований. Спорные институты предполагали специальные теоретические изыскания. И прежде всего, это относилось к институту присяжных заседателей. Его подробной разработкой занялись Д. А. Ровинский и С. И. Зарудный. Первый был «счастливым родоначальником суда присяжных», второй – его «теоретический обоснователь»³⁶. Они понимали, что у суда присяжных много противников, поэтому первоочередную задачу видели во всестороннем обосновании этого института.

Ровинский опроверг утверждение о «неподготовленности» русского народа к введению суда присяжных. Народные массы, писал он, «ни в одном государстве не могут еще похвастаться ни юридическим образованием... ни способностью к тонкому анализу». Образованные иностранцы, попав в Россию, начинают нарушать законы, «теряя юридическое образование... Причина этой грязи коренится гораздо глубже, в большинстве случаев человек осторожен, когда за поступками его следит общество, у которого есть возможность законным путем порицать и наказывать его»³⁷. Представителями общества в суде и являются присяжные. Таким образом, Д. А. Ровинский видел источник беззакония не в отсталости народа, а в системе правосудия, не способной обеспечить законность.

С. И. Зарудный обосновал целесообразность суда присяжных с теоретических позиций. Наряду с традиционными положениями буржуазной теории о судостройстве, он привел аргументы, отвечавшие особенностям российской действительности. Памятью о неуважении к законам и юстиции в России, он писал: «Цель судостройства в учреждении судебных мест на таком основании, чтобы судебные решения пользовались общим доверием»³⁸. Доверие обеспечит спокойствие в государстве, исполнение решений судов. Достигая указанной цели, следует ввести в суды представителей общества – присяжных. Они разрешают спор о событии преступления, а постоянные судьи только применяют закон. «Совокупность всех этих условий приводит» к беспристрастию суда. С. И. Зарудный доказывал неполитический характер суда присяжных, его безопасность для самодержавия. По мнению реформатора, суд присяжных «есть не что иное, как судебный метод, как особая форма организации суда, и что еще установление ни в каком случае не может и не должно быть смешиваемо с политическим устройством государства»³⁹. Оценивая опыт западных государств, С. И. Зарудный признавал нецелесообразность особого суда присяжных для рассмотрения дел о государственных преступлениях и преступлениях печати, поскольку он не будет пользоваться «тем доверием, которое необходимо для ограждения силы правительства». Такой суд станет объектом ненависти и презрения. Учреждение общего суда присяжных явится залогом спокойствия в стране⁴⁰.

Теоретические положения Д. А. Ровинского и С. И. Зарудного вошли в «Соображения государственной канцелярии о судопроизводстве гражданском, уголовном и судостройстве», в которых утверждалось, что, заменив формальную теорию доказательств инквизиционного судопроизводства оценкой по внутреннему убеждению, необходимо ввести суд присяжных. Без него «невозможно представить себе какое-либо существенное улучшение в уголовном судопроизводстве»⁴¹. Заботясь о гарантиях неприкосновенности личности, комиссия обосновала целесообразность введения суда присяжных по делам о политических преступлениях. Проводилась мысль о том, что в делах о государственных преступлениях коронный суд – государственный орган без представителей общества – присяжных, не способен вынести объективный приговор, поскольку «государство, преследующее преступление, есть вместе с тем и юридическое лицо, непосредственно оскорбленное или потерпевшее от преступления. Однако рассматривать государственные преступления должен

специальный суд присяжных «зрелых лет, имеющих обеспеченные средства к жизни». Они избирались представителями сословных управлений общества⁴². В этом усматривалось осторожное отношение комиссии к суду присяжных по делам политическим.

Признав суд присяжных наиболее соответствующим для рассмотрения дел по внутреннему убеждению⁴³, реформаторы пришли к выводу о необходимости изменений сопредельных институтов. Без этого он окажется нежизнеспособным. По просьбе комиссии П. Капнист составил записку «Об условиях, необходимых для хорошего действия присяжных судов»⁴⁴. Для того чтобы суд присяжных «являлся учреждением, вполне соответствующим своей цели, – писал автор, – законодательство должно осознать и провести основную мысль, что производство дел перед присяжными составляет сущность всего судопроизводства и что приговор должен быть основан исключительно на рассмотрении только тех доказательств, которые приводятся сторонами во время этой главной существенной части судопроизводства». Процесс должен быть простым и ясным, устным, гласным, независимость присяжных должна быть гарантирована⁴⁵.

Всесторонняя аргументация необходимости суда присяжных обуславливалась наличием сильнейших противников этого института. Не только реакционеры, но и либералы выступали против него. Так, Б. Н. Чичерин публично заявлял о невозможности присяжных для России⁴⁶. Известный юрист Е. Бреверн убеждал комиссию: «Покуда у нас не будет юридически образованных судей и адвокатов, ничего не поможет, ни суды через присяжных, ни гласность, ни публичность, а может быть еще окончательно спутают, и без того уже в довольно печальном состоянии находящееся наше судопроизводство». Суд присяжных, состоящий из невежественных судей, не может вынести правосудный приговор⁴⁷. Авторитетные ученые в области уголовно-процессуальной теории не находили условий для существования суда присяжных в России⁴⁸. Колебались и представители правительственных кругов.

Комиссия поддержала институт мирового юстиции, видя «великую важность... мирового судьи в устройстве суда и судебного управления... средство для разрешения пререканий о праве в делах, требующих прежде всего скорого решения на месте и наглядного знания местных обстоятельств и отношений, но вместе с тем и готового посредника для соглашения требований, которые весьма часто только в начале своем кажутся несогласованными, но, возникая из взаимных недоразумений при посредстве лица беспристрастного, известного обоим сторонам». Она восприняла мысль о функциях мирового суда как хранителя «общественного порядка и спокойствия», разрешителя «многочисленных дел о маловажных преступлениях и проступках, которые в интересах как частных лиц, так и самого общества требуют самого скорого решения в тех именно местах, где возникают». Предлагалось, чтобы мировые суды избирались населением «из местных землевладельцев более или менее известных»⁴⁹.

Д. А. Ровинский, разрабатывавший институт мирового суда, подготовил о нем несколько документов. В Записке «Вопросы по судоустройству» он наметил задачи, которые следовало решить для определения статуса мирового суда. К ним относились: порядок формирования мирового суда, его компетенция, ответственность⁵⁰. Мировой судья избирался всеми сословиями. Для вынесения объективных решений он «должен быть непременно независимым от избирателей, т.е. быть бессменным», иметь юридическое образование. Реформатор понимал, что в связи с отменой крепостного права и появлением 22 млн собственников неизбежно возрастает число разрешаемых мировым судьей дел. Но увеличить число мировых судей с одного «до пяти по крайней мере» на уезд невозможно: это приведет к таким же расходам, «сколько стоит содержание всего министерства юстиции»⁵¹. Поэтому для оперативного рассмотрения дел следовало упростить порядок их разрешения. Гласность деятельности мирового суда обеспечит законность его решений. В целях эффективности, полагал Д. А. Ровинский, необходимо «в каждом уездном городе поставить мирового судью для приема просьб во всякое время и изготовления дела к докладу». В установленное время «четыре раза в год» следует «открывать в уездных городах временные отделения суда I степени из мировых судей уезда, под председательством

члена постоянного суда»⁵². Д. А. Ровинский считал необходимым обособить мировой суд от общей судебной системы. Его аргументация сводилась к следующему: «Мы должны... желать, чтобы учреждение мировых судей, – писал он, – привлекло к ним лучших людей из местных землевладельцев, а достигнуть этой существенно важной в государственном деле цели нельзя иначе, как через представление органам мировой власти некоторой самостоятельности», но, само собой разумеется, что смешение «их деятельности с деятельностью окружных судов и подчинение их работы процессуальной форме «отклоняет означенную цель и отталкивает» от мирового суда достойных людей. Поэтому лучше ограничить компетенцию этого органа, но сделать его самостоятельным»⁵³.

На взгляды Д. А. Ровинского повлияло существование института мировых посредников, апелляционной инстанцией которого являлся съезд мировых посредников. «Общественное мнение видело в них будущих **общих** мировых судей, призываемых для разбора маловажных дел гражданских и уголовных»⁵⁴.

Комиссия не одобрила мысли Д. А. Ровинского о бессрочности полномочий мировых судей и наличии у них специального образования. Объяснялось это следующими опасениями. Во-первых, мировыми судьями могли стать случайные лица, которых при бессрочном характере полномочий нельзя сменить. Во-вторых, в стране оказалось недостаточно юридических кадров. Так, в России с 1840 по 1863 г. юридическое образование получили 3650 чел.⁵⁵ Такое количество не могло обеспечить потребности в юристах в условиях судебной реформы. Только мировых судей предполагалось не менее 1320 чел.⁵⁶

Не нашло поддержки и предложение Д. А. Ровинского об обособлении мировой юстиции от общей судебной системы. «Мировой судья, – говорилось в «Соображениях», – как основание всего судоустройства должен быть непременно в непосредственной связи с всеми судебными учреждениями». Выделить его означало «разрушить то **единство**, которое составляет главнейшее условие правильной судебной организации... Такого рода учреждения было бы особым государством вне **закона** – в государстве, где все другие учреждения должны действовать **по закону**»⁵⁷. Съездные суды принесли бы больше вреда, чем пользы⁵⁸.

Разрабатывая институт адвокатуры, реформаторы не обосновывали его теоретически. В этом не было необходимости. Ответы на спорные вопросы организации адвокатуры содержались в замечаниях юристов-практиков на проект Блудова «Положения о присяжных поверенных». На них и сослались члены комиссии. «Все без исключения замечания... направлены, – констатировал Е. Бреверн, – против представления права на хождение по делам» только адвокатам. Это объяснялось тем, что не хватало юристов, способных стать адвокатами. Однако там, где присяжных поверенных окажется достаточно, они получают монопольное право на хождения по делам. Предусматривались строгие условия приема в адвокаты, исключавшие проникновение в корпорацию «теперяшних ходатаев». Практики обращали особое внимание «на необходимость полной... независимости» адвокатов «от суда, к которому они приписаны», на корпоративность их организации»⁵⁹.

Особые усилия прилагались комиссией при разработке института Сената, который венчал судебную систему. Сенат приобретал право отмены решений без рассмотрения дел по существу. Эти правомочия – «основное начало всякого правильного судопроизводства», – писал С. И. Зарудный. Они направлены на ограничение произвола со стороны суда, возможности безнаказанного нарушения существующих правил и форм судопроизводства, на определение единства судебной практики⁶⁰. «Кассационный суд, – пояснял Н. А. Бундовский, – предоставляя судебным местам разыскание истины в фактах и толкований условий в договорах, подчиняет эти элементы решения силе закона и не дозволяет» отступить «от исполнения воли законодателя. Дозволять судебным местам преступить законы и обходить их исполнение – все равно, что уничтожить законодательную власть. В этом смысле кассационный суд – необходимая опора законодателя»⁶¹.

Прототипом высшей судебной инстанции России служил кассационный суд Франции. «Большинство комиссии при разработке этой части устройства, – вспоминал С. И. Зарудный, – употребляло все свои силы для того, чтобы придать этому (важному) учреждению

чисто русский характер и удержать за ним значение нашего древнего суда с головы»⁶². Однако члены комиссии не могли найти более удобную форму организации Верховного суда, чем французская. Для дополнительной аргументации целесообразности в России Сената с кассационными полномочиями (а следовательно, и коренной его перестройки), они использовали опыт судостройства Италии – в феврале 1862 г. там реформировали Верховный суд. С. И. Зарудный составил записку. В ней говорилось об аналогичности ситуаций, сложившихся в итальянском и русском обществах, где велись однотипные дискуссии о кассационном суде. Опыт Италии наглядно подтвердил, что «все без изъятия органы судебного ведомства должны действовать под надзором одного верховного судебного места... Многосложность, разнообразие, несогласие в деле суда разрушают естественное начало справедливости – начало равенства всех и каждого перед судом, ослабляют... власть правительства и, наконец, затрудняют и преграждают тот путь, следуя коему, Италия может стать наравне со всеми первоклассными державами Европы»⁶³.

Дискуссионным оказался вопрос о том, следует назначать или выбирать судей. Комиссия предпочла пожизненное назначение судей выбору, поскольку выборы связаны с словесными преимуществами, а также с зависимостью «судей от избирателей». К тому же «долговременный опыт убеждает, – констатировали реформаторы, – что выборы у нас проводятся под влиянием интриг, покровительства, при совокупном равнодушии общества к судебным должностям». Назначение судей «представляет во сто крат более ручательства в хорошем судостройстве, чем выборная система, которая никакими законодательными мерами не может быть приспособлена к правильной судебной организации, потому что не совместима ни с осмотрительностью избрания в судьи, ни с самостоятельностью их, ни с судебной карьерой, возможной только при назначении судей не на срочное время, а пожизненно»⁶⁴.

Исключение из правила о назначении судей представлял мировой суд и находящиеся при окружном суде присяжные судьи. Они избирались населением. Помимо назначаемости судей гарантию их независимости реформаторы усматривали в высоких должностных окладах «судебным чинам», способных «обеспечить им средства к жизни»... Судьи и прокуроры должны получать более содержания, чем соответствующие им члены других ведомств. Комиссия предвидела возражения со стороны противников судебной реформы, аргументы которых сводились к следующему: 1) общество не подготовлено к радикальным изменениям; 2) правительство не имеет денежных средств; 3) нет подготовленных юристов. «Если законодательные предположения правильны, – заключили реформаторы, – так они и благонамеренны... Трудно думать, чтоб люди, где-либо и когда-либо были приготовлены к дурному и не зрелы для хорошего... Разумный закон никогда не сделает зла». Бедность казны – следствие плачевного состояния юстиции, не способной гарантировать законность в области экономической жизни страны. Аргумент, «что денег нет, составляет не возражение против усовершенствований, а доказательство их необходимости». Найдутся и квалифицированные юристы, которых привлекут на службу «собственные преимущества судебного ведомства»⁶⁵.

Комиссия разработала переходные меры для проведения судебной реформы. Среди них: подбор кадров, устранение возможных трудностей при слиянии судебных мест, сбор статистических сведений, образование адвокатской корпорации⁶⁶.

Таким образом, цель судостройства, по мнению юристов, состояла в достижении истины. Путь к ней пролегал через внутреннее убеждение судей, свободно оценивавших доказательства. Для этого в судебном заседании проверялись материалы предварительного расследования. Во избежание злоупотреблений со стороны чиновников, дознание вверялось полиции, проводившей первоначальные следственные действия, задерживавшей преступника. Расследование проводил следователь, подчинявшийся ведомству министерства юстиции. Надзирал за дознанием и следствием прокурор. Его предписания были обязательны для следователя и дознавателя. Однако прокурор не имел права самостоятельно проводить следственные действия. Споры между следователем и прокурором разрешал суд. В стадии предания суду судья в присутствии прокурора, дававшего заклю-

чение по делу, оценивал материалы предварительного расследования и решал вопрос о том, есть ли основания для предания обвиняемого суду. Прокурор – представитель власти обвинительной и адвокат – представитель независимой корпорации, в процессуальном отношении были равны. Суд являлся органом, чья независимость гарантировалась несменяемостью назначаемых пожизненно судей и избранием временных присяжных заседателей. Рассматривалось дело в суде гласно, при устном судопроизводстве. Кассационной инстанцией являлся Сенат.

Эта система предполагала невозможность функционирования одного института без другого. Она не позволяла, по мнению комиссии, избавлять от ответственности виновного или наказывать невиновного, а должностному лицу – выносить заведомо неправосудное решение. В противном случае следовало связать единым умыслом несколько участников процесса. Сделать это было очень сложно, поскольку дознаватель, следователь, прокурор, судья являлись независимыми в реализации своих полномочий от исполнительной власти, друг от друга и в то же время властные полномочия одного из них как бы уравновешивались полномочиями другого. Это предполагало взаимное сдерживание от возможных злоупотреблений. Так, материалы дознания не считались обязательными для свидетелей, подчинявшихся иному ведомству, чем полиция. Прокурор контролировал дознание и следствие, но не мог без них расследовать преступление. Коронный суд, имевший власть независимую, перепроверял материалы следствия. При этом решение суда присяжных о виновности или невиновности считалось окончательным. Гласность судопроизводства обеспечивала общественный контроль за деятельностью суда. Сенат заботился о едином понимании закона, направлял судебную практику.

Комиссия опасалась оппозиции в Государственном Совете в лице приверженцев «исторических начал», которые могли отвергнуть разработанную систему суда и правосудия. Поэтому ее члены стремились всеми средствами доказать, что единственно возможный вариант судебной реформы для России сформулирован в проекте «Основных начал». Очевидно было ее желание убедить в невозможности альтернативы. Для этого приводились всесторонние аргументы из новейшей теории судостроительства и судопроизводства со ссылками на авторитеты ученых-юристов (И. Бентама, К. Миттермайера и др.), западноевропейское законодательство, историю России. Немало внимания уделялось историческому методу доказывания целесообразности некоторых особо спорных правовых институтов, поиску их истоков в далеком и близком прошлом страны. Так, для обоснования необходимости суда присяжных, независимой адвокатуры их прототипы искали в прошлом страны, проводя параллели преемственности, порой с явной натяжкой. В частности, безгласных сословных депутатов дореформенных судов представляли как будущих присяжных заседателей.

§ 2. ОБСУЖДЕНИЕ И ПРИНЯТИЕ «ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ»

«Основные положения», разработанные комиссией, как следует из донесения В. Н. Буткова Александру II от 30 апреля 1862 г., «были представлены монарху в апреле месяце» и по его «повелению переданы на рассмотрение соединенных департаментов законов и гражданского Государственного Совета»⁶⁷. То есть, по сути, молчаливо одобрены. После этого «записки государственной канцелярии напечатаны и 19 апреля разосланы ко всем членам Государственного Совета», где были встречены довольно критически. Для того чтобы сгладить (если не устранить) противоречия в оценках «Основных положений», способных отрицательно повлиять при их обсуждении в Государственном Совете, великий князь Константин Николаевич, глава либеральной фракции бюрократии, решил провести «генеральную репетицию» – неофициальное обсуждение проекта. Так, в письме к Д. А. Ровинскому от 27 апреля 1862 г. Д. Г. Шубин писал: «Великий князь собирается позвать к себе составителей записок с тем, чтобы они в его присутствии имели бы совещание и диспут о тех вопросах, о которых разногласия. Предполагают разбирать вопросы: 1) Возможно ли у нас введение присяжных... 2) Следует ввести систему постоянных или съездных судов. 3) Каким порядком вводить новые уставы... и т.д.»⁶⁸. За два дня до этого, 20 апреля, Д. А. Ро-

винский получил письмо князя Д. А. Оболенского, в котором говорилось: «Великий князь желает, чтобы мы собрались у него для диспута по разным спорным вопросам по проектам судопроизводства и судоустройства... Мне нужно доложить великому князю, что мы готовы явиться по его требованию, а для этого мне нужно знать, будешь ли ты»⁶⁹.

Поддерживая подготовленный комиссией проект, великий князь Константин Николаевич как председатель Государственного Совета встретился с князем П. П. Гагариным, назначенным председательствующим при обсуждении «Основных положений» в соединенных департаментах. От него, считал великий князь, зависел «весь успех рассмотрения этого важного дела». Поэтому он склонял Гагарина, как следует из доклада от 9 апреля 1862 г. Александру II, «употребить все зависящие от него старания к скорому окончанию дела в соединенных департаментах»⁷⁰, т.е. принять основные институты проекта без существенных изменений⁷¹.

Великий князь, желая оперативного утверждения «Основных положений», добился от Александра II письменного распоряжения, чтобы заседания соединенных департаментов «проходили два раза в неделю с четким обозначением повестки дня работы». Это позволяло избежать волокиты в рассмотрении законопроекта (проекты II отделения с. е. и. в. канцелярии обсуждались четыре года, с 1857 по 1861 г.).

В канун работы соединенных департаментов состоялось неофициальное обсуждение проекта (с 22 по 25 апреля). Подтверждение тому запись, сделанная князем П. П. Гагариным. «Сегодня в 8 у нас было первое заседание законодательное, – писал он, – все мнения столкнулись. Панин готовит контрпроект. Корф острую критику того, что мы будем принимать»⁷².

«Основные положения», подготовленные комиссией, рассматривались в соединенных департаментах законов и гражданских дел Государственного Совета, а затем в его расширенном заседании с 28 апреля по 30 июля и со 2 по 4 сентября 1862 г. Членами соединенных департаментов являлись П. П. Гагарин, Ф. П. Литке, И. М. Толстой, А. В. Кочубей, А. С. Норов, А. Л. Гофман, М. А. Корф, И. А. Муханов. По особому повелению присутствовали министр юстиции В. Н. Панин, П. И. Бахтин. Также были приглашены в качестве экспертов составители проекта, высшие сановники, интересы чьих ведомств затрагивались принятием тех или иных институтов. М. А. Корф пытался сорвать обсуждение проекта. Для этого он инспирировал написание чиновником II отделения с. е. и. в. канцелярии К. Бунге записки⁷³, содержащей «в себе критику на работу государственной канцелярии»⁷⁴. Корф получил разрешение Александра II рассмотреть этот документ на заседаниях. 26 апреля К. П. Победоносцев свидетельствовал: «Вечером у Дм[итрия] Обол[енского]... Зарудный приносит записку Бунге с возражениями против начал Гражданского] судопроизводства]. Ее выпустил бар[он] Корф, который явно хочет опорочить наше дело и перевести его в свои руки»⁷⁵.

28 апреля состоялось первое заседание соединенных департаментов. Подробная его запись сделана К. П. Победоносцевым. Князь П. П. Гагарин «стал говорить о порядке обсуждения проектов и начал читать свою записку об этом предмете... у него предполагается приступить сначала к гражданскому. Корф стал было перебивать, но до[лжен] бы[л] выслушать до конца. Потом стал возражать запискою Бунге... Ему хотелось доказать, что проект гражданского судопроизводства необходимо обсудить вместе с запискою Бунге. Записка Бунге еще не читалась всеми и поэтому следовало начать с уголовного и на месте разбить проект, чтобы передвинуть дело во II отделение. Для этой цели надо было раздуть всячески значение записки Бунге... но уловка была слишком груба и не удалась. Гагарин возражал. Панин, недавний вояка⁷⁶, качал головой, выражая согласие с Гагариным. Корф был побежден. Решили начать с обсуждения проекта гражданского»⁷⁷.

Оппозиция Корфа объяснялась честолюбивыми соображениями, желанием взять «дело в свои руки», сосредоточить подготовку судебной реформы во II отделении с. е. и. в. канцелярии, главой которой он являлся. О принципиальных соображениях речи не было. Гагарину Корф заявил, что проекты судебной реформы он готов поддержать «двумя руками»⁷⁸. И это были не просто слова. В последующих заседаниях совета он выступал сторонником радикальной реформы правосудия. Корф был царедворцем и поддерживал

начинания наиболее влиятельных придворных, прежде всего царя⁷⁹. В этом же заседании Гагарин «возбудил другие вопросы по запискам Морского министерства и Военного: 1. О согласовании всех преобразований по различным ведомствам на одних началах. 2. Об ограничении подсудности гражданских лиц суду военному».

Следующее заседание состоялось 2 мая. «Рассуждали много, – записал К. П. Победоносцев, – об основных положениях, особенно в части инстанций, о неограниченности суда. Зарудный б[ыл] докладчиком... Я д[олжен] бы [л]... иногда поддерживать его – вставал сам и говорил долго-долго. Из числа членов говорили – кроме председателя Гагарина – Бахтин, гр. Па[нин] и бар. Корф... Мировые съезды нашли себе сторонников в лице принца (Ольденбургского. – М. К.), Панина, Гагарина. Вообще заседание б[ыло] живо – говорилось хорошо: такими против[ни]ками, как Панин и Бахтин, нельзя пренебрегать»⁴⁰. Здесь столкнулись два полярных мнения об апелляционных инстанциях для решения мировых судов. Сторонники одного (Ольденбургский, Панин, Гагарин) полагали, что право пересмотра решений мировых судов следует предоставить съезду мировых судей. Представители другого (Кочубей, Корф, Литке, Бахтин, Норов, Гофман, Толстой, Муханов) считали целесообразным уполномочить для этого окружной суд, сделав его вышестоящей инстанцией для суда мирового. Аргументы защитников первого мнения сводились к тому, что если подчинить мировой суд окружному, то «едва ли можно достигнуть цели» судебной реформы – «дарования большинству населения скорого, близкого, дешевого и возможно справедливого суда», поскольку «неисчислимым благоденствия такого суда скорее всего могли быть ему предоставлены приспособлением к делам всякого рода и распространением на все условия мировых по крестьянским делам учреждений». То есть это исключило бы возможность слияния института мировых посредников с мировым судом, в которых реформаторы усматривали родственное начало. К тому же если апелляционной инстанцией поставить окружной суд, то замедлится рассмотрение дел, поскольку в мировом суде (согласно его предназначению мирить спорящих) будут решать дела по совести, а в окружном суде – по нормам права.

Но если вменить в обязанность мировому судье разрешать дела по закону, то следует потребовать от него и юридического образования, что невозможно, поскольку страна была бедна юристами. Смешение мирового разбирательства с общим судебным может колебать доверие народа к мировому суду, в котором усматривался успех судебной реформы. Следовало «отделить мировое разбирательство от общего судебного и учредить для окончательного решения дел по жалобам на решения мировых судей особую мировую инстанцию».

Противники автономии мировой юстиции, стремившиеся видеть апелляционной инстанцией судов мировых окружной суд, полагали, что, во-первых, апелляционный суд должен обсуждать дела в большем составе, чем суд первой инстанции; во-вторых, он должен состоять «из лучших юристов», чем суд первой инстанции; в-третьих, в «постановлении приговоров по апелляции на решение судов первой степени не должен принимать участие никто из судей, участвовавших в постановлении рассматриваемого по апелляции решения».

Ни одному из этих требований не соответствовал съезд мировых судей в качестве второй инстанции. К тому же апелляционная инстанция в лице съездов потребует «прибавить... по два мировых судьи на уезд», увеличить тем самым расходы на содержание судей на 5 млн руб. Мировой суд станет влиять на решение апелляционного суда, поскольку вторая инстанция состоит из тех же судей. Окончательное решение принято не было⁸¹.

Бурным оказалось заседание 12 мая. Дебатировались число инстанций для прохождения дел, порядок рассмотрения дел в суде, связанных с собственностью императорской фамилии. Победоносцев свидетельствовал: «Гагарин⁸² снова поднял вопрос о двух инстанциях: он, очевидно, благоприятствует проекту», которым предусматривалось двухинстанционное рассмотрение дел, «и заставил каждого из нас говорить в защиту – против говорили Бахтин с Паниным. Но защита была слаба. Я выразился, между прочим, что у нас до сих пор судьи сами не судят. Панин как будто обиделся этим и протестовал против этого...

с явным неудовлетворением. Однако же Гагарин вступился в защиту моего мнения. Вообще Гагарин держал себя отлично как председатель и говорил хорошо и с жаром в защиту мнения о 2 инстанциях. Результатом было то, что на нашей стороне оказалось все-таки большинство: 6 голосов»⁸³. Гагарин передал настроения так: «Я очень озабочен злобной оппозицией Панина. В настоящее время он настаивает, чтобы поддержать несколько инстанций, рассматриваемые нами как упраздненные, делает оговорки, обещая их пояснить впоследствии» на общем собрании Государственного Совета. «Чем больше об этом думаю, тем больше повороты мысли мне кажутся достойными сожаления»⁸⁴.

В. П. Панин выступил против предусмотренного проектом равенства субъектов гражданско-процессуальных отношений, настаивая на особых правах императорской фамилии. Его поддержал только Муханов. По оценке Гагарина, заседание прошло «очень трудно».

16 мая приступили к обсуждению уголовного судопроизводства. Граф Панин и принц Г. П. Ольденбургский⁸⁵ не соглашались со статьей проекта, предусматривавшей, что наказания за преступления и проступки, «подлежащие ведомству судебных мест», могут назначаться только судом. По их мнению, следовало предоставить административной власти право «подвергать аресту, заключению в тюрьме, смирительном доме или крепости» в случае, если «оставление подозреваемого на свободе может быть опасно для общества», а «власти не имеют возможности представить юридических доказательств вины подозреваемого, или когда собрание сих доказательств требует многочисленных розысканий, кои по свойству дела не могут быть предметом формального исследования, прежде обнаружения достаточных улик»⁸⁶. Предложение Панина и Ольденбургского отвергли, поскольку оно посягало на основополагающий принцип отделения власти судебной от исполнительной, существующей «для возможного ограничения одной из них другой». При смешении этих властей «обвиняемые не могут иметь никаких ограждений от неправильного преследования их». Любое «наказание, назначенное без суда, представляется произволом власти, возбуждающим ропот»⁸⁷. По ст. 29 обсуждаемого в Государственном Совете проекта предусматривались одинаковые наказания для всех сословий по окончательному приговору мировых судей за мелкие правонарушения. Панин предложил наказывать в зависимости от сословной принадлежности: «Лицам податного сословия арест от 7 дней или наказание розгами до 20 ударов». С привилегированных сословий только штраф до 5 руб. Тем самым Панин стремился протолкнуть в законодательство феодальный принцип неравенства перед законом. Выступивший «Гагарин объявил, что «редакторы «проекта» имели в виду равный суд для всех»⁸⁸. Предложение Панина не нашло поддержки. Огласили замечание сенатора К. Н. Лебедева от 3 мая 1862 г. на обсуждаемый проект. «Спешная эта работа, – писал автор, – должна показать, как недостаточны источники и материалы наших законодательных работ и как мало элементов в нашем обществе для усвоения ему учреждений европейских». Лебедевым отвергался суд присяжных в связи с его политическим характером и угрозой самодержавию, неразвитостью народа и отсутствием среды, «из которой могли бы быть избираемы присяжные». Мировой суд не мог «получить независимое положение», «Слишком далеко» проведено «обвинительное начало» с предоставлением больших прав прокурору на предварительном следствии. «Следствие по европейскому праву, – аргументировал К. Лебедев, – есть существенная часть суда и трудно понять, каким образом редакторы с весьма ясным стремлением к постановлению личных ограждений решились отдать ему личность в самый трудный период дела исключительно прокурорской власти». Невозможно в условиях России разделить власть судебную от исполнительной. Для этого «нет ни средств, ни готовности в народе». Гласность в судопроизводстве нецелесообразна. Она «при обвинительном процессе, начинаемом представителем государства, дает почти всякому делу интерес политического события и нередко приводит правительства в затруднения, возбуждая ропот, если процесс выигран, и ставя в ложное положение, если он проигран»⁸⁹.

Записка К. П. Лебедева свидетельствовала о сильной оппозиции намеченным преобразованиям. Высказанные Лебедевым соображения не дебатировались, воспринята была только мысль о целесообразности гласного рассмотрения дел и прежде всего в Сенате.

Ольденбургский заявил: «Я считаю» гласность «политическим завоеванием». Она «плохо действ[ует]»⁹⁰. Панин продолжал, «что гласность не м(ожет) б[ыть] допущена в Сенат, как в судилище, близкое к престолу». Бахтин, наоборот, полагал начать с гласности в Сенате⁹¹.

В этом же заседании рассматривался институт присяжных – один из самых спорных. «Наконец, дошли до присяжных, – передавал происходившее Победоносцев. – К удивлению, все хорошо, за мою похвалу присяжным». М. Корф заявил: «Жалуются к правительству по поводу судов – и так кажется время снять обузу с прави[тельства] и сказать: судите себя сами». На это Ф. Литке возразил: «Трудно у нас поставить такой суд присяжных, который бы пользовался доверием по разобщенности сословий». Корф опять сказал фразу: «Я смею думать, что всякий суд присяжных будет заслуживать более доверия, чем пр[очий]». На недоверие к суду присяжных намекнул Панин. «Против суда присяжных, – сказал он, – можно привести другое основание более убедительное: люди, не имеющие ни то что юридического, а никакого образования, могут ли отправлять правосудие. Я думаю... опытов этих было много, и мы видели, что там, где эти опыты не удались, суд прис[яжных] б[ыл] отменен. И у нас де тоже можно сделать. Однако и Панин кончил тем, – продолжал Победоносцев, – что в настоящее время я вижу в этом лучшее средство к улучшению судов наших. Смысл его слов был: пожалуй, попробуем. Панин выразил еще такую мысль, что недоверие народа к судам, которое указывал бар. Корф, происходит главнейше от незнания: сторона обвинения всегда осуждается. Бахтин против этого возразил, что недоверие к судам происходит не от незнания, а скорее от хорошего знания, что такое наш суд. Итак, – заключил Победоносцев, – вожаки решили – быть суду присяжных – остальные молчали»⁹².

10 мая рассмотрели 30–43 статьи проекта уголовного судопроизводства. По поводу споров этого дня Победоносцев записал: «Гр. Панин беспрерывно закатывает свои особые мнения в том или ином вопросе. – Он, очевидно, имеет сильные замечания против проекта – сильно стоит за депутатов»⁹³. Панин потребовал сохранения на предварительном следствии депутатов от сословий, призванных гарантировать права подсудимого⁹⁴, однако не нашел поддержки.

Рассмотрение проекта уголовного судопроизводства завершилось 23 и 26 мая.

21 мая Государственный Совет рассмотрел и принял закон об отмене телесных наказаний в России. Было обсуждено мнение Филарета о телесных наказаниях. А. С. Норов заявил: «Нам нельзя пройти молчалием и не обсудить возражения митрополита Московского, чьими устами говорила российская церковь. Он цитирует нам принципы Ветхого Завета». Барон М. Корф, возглавлявший II отделение и составлявший обсуждаемый законопроект, сказал: «Я не разделяю ни одного мнения Филарета... Комитет не считал возможным голос церкви разбирать»⁹⁵. Панин и Норов стали говорить о целесообразности рассмотреть мнение митрополита, но Гагарин проигнорировал их слова, заметив: «Приступим к делу». Против ст. 1 законопроекта, отменявшей телесные наказания как меру дополнительную в случае осуждения к лишению прав состояния и ссылке в каторжные работы, отдаче в испытательные арестантские роты и т.п., высказался Панин: «Когда я представ[ил] мнение, то задался вопросом, – рассуждал он, – можно ли уничтож[ить] телесн[ые] наказания или его облегчить?». Когда отменили битье кнутом, оставив плети, то они «по слабости своей испортили все дело». Необходимо, чтобы «сохранялась разница наказ[аний] для сословий», но надо уменьшить телесные наказания наполовину⁹⁶. Завершая аргументацию, министр юстиции добавил: «Смягчение д[олжно] иметь большое влияние на народ, но смягчение слишком строгих: а иначе смягчение всех наказаний поведет к безнаказанности»⁹⁷. Отставивая проект, выступил М. Корф. Он подчеркнул важность для исторической судьбы России обсуждаемого проекта. При этом он ссылаясь на требования общественного мнения, на великого князя Константина Николаевича, министра внутренних дел. Панин парировал: «Плети у нас д[олжны] б[ыть], ибо нет смертной казни – о разн[ом] я не разделяю мнение генерал-адмирала и проч[их] членов»⁹⁸. При голосовании все заседавшие поддержали проект, за исключением Панина. Министр юстиции высказался против освобождения женщин от всех телесных наказаний. Он не считал необходимым при замене женщинам и старикам каторжных работ более мягкими наказаниями соответственно увеличивать сроки

последних. Осудил Панин и предложение о сокращении сроков лишения свободы, предусмотренных Уложением о наказаниях 1845 г. Однако реакционная позиция министра юстиции, отстаивавшего интересы крепостников, не нашла поддержки⁹⁹.

Дебаты возникли и при обсуждении вопроса о том, наделять ли мирового судью правом назначать телесные наказания. Гагарин подчеркнул, что если такими правами наделять мировые суды, то это «оставит ропот в народе», поскольку эти наказания позорны, а позор не следует «класть в основу» уголовного репрессии. Его мнение было одобрено. Соединенные департаменты пришли к выводу о необходимости отменить жестокие телесные наказания на флоте и в армии.

24 мая в Совете министров рассмотрели записку барона М. А. Корфа «Об отделении в законодательстве собственно законов от распоряжений администрации». Разграничение нормативных актов по юридической силе диктовалось объективной необходимостью. Без этого судебной реформе угрожала опасность: ведомственное распоряжение могло зачеркнуть положения судебного устава. Не случайно «в Государственном Совете при рассмотрении представлений разных министерств и главных управлений возникал неоднократно вопрос об отделении **закона от инструкции**»¹⁰⁰. По мнению М. Корфа, «впредь **законами** должны считаться только те законоположения, которые будут утверждены государем императором по предварительном рассмотрении в назначаемом для того учреждении, то есть в Государственном Совете», изменять или отменять их можно только законами, принимаемыми в установленном порядке. Все прочие, «не подходящие под эту категорию указы и повеления... относятся к разряду постановлений или распоряжений административных». Александр II 24 мая 1862 г. утвердил это мнение¹⁰¹. Государственный Совет признал целесообразным регулировать внутренний распорядок судебных мест, способы исполнения законов специальным наказом: общим, принимаемым в законодательном порядке, и особенным, составляемым местными судебными учреждениями¹⁰².

26 мая приступили к обсуждению судостройства. «В это утро мы должны будем закончить уголовно-процессуальный закон» – записал в тот же день Гагарин, – который «вызвал больше разногласий, чем все остальные. Корф выразил недоверие проекту, который он патронировал». Среди авторов проекта также «нет согласия»¹⁰³.

Заговорили об условиях для суда присяжных. Гагарин заявил: «Если мы скажем, быть присяжным, но не создадим им условий деятельности, то мысль о присяжных подлежит сомнению, ибо при публичности заседания» они «должны быть подготовлены». И подчеркивая важность надлежащей организации суда присяжных, высказался: «Все или ничего». Здесь проявилась позиция Гагарина, смотревшего на законодательство о правосудии как на стройную систему, центральным и необходимым компонентом которой являлся суд присяжных. Отстаивая институт, Гагарин задал вопрос: «Нужны присяжные?». Панин ответил: «Я полагаю, что мы уже приняли присяжных. – Гагар[ин]: «Я пришел к этому теперь, когда рассматривался вопрос о присяжных...» Панин: ...сравнение: если меня пригласят на обед, я не обязываюсь отведать каждого кушанья»¹⁰⁴. Намек был прозрачен. Реакционер Панин вынужденно согласился с судом присяжных, не приемля его по убеждению.

Для ограждения сословных прерогатив дворянства Панин предлагал рассматривать дела о преступлениях, за которые по закону допускалось лишение прав состояния, в судебной палате, а не в окружных судах, как предусматривалось проектом. Второй инстанцией в этом случае становится Сенат. «Для большего ограждения правильности суда и для руководства прениями по делам, подлежащим решению присяжных заседателей», – считал Панин, – следовало командировать членов судебных палат в «окружные суды для председательства»¹⁰⁵.

Отрицал Панин и предоставленное проектом право подсудимого отвести шесть присяжных без объяснения причин. Подготовительная комиссия ввела это положение, по словам Зарудного, для того, чтобы «предоставить подсудимому больше свободы». Панин заявил: «Я согласился на присяжных, не думая, что мы дойдем до пределов конечных». Предложил отводить «по 2 из каждого сословия», ввести ценз грамотности для присяжных¹⁰⁶.

Дебаты разгорелись и по ст. 10 проекта, предусматривавшей, что приговоры, лишаящие права состояния в отношении дворянства, прежде их исполнения обращаются на рассмотрение царя, если суд ходатайствовал о смягчении наказания, выходящего за пределы его власти¹⁰⁷. Этой нормой упразднялось феодальное право дворянства, предусматривавшее лишение его привилегий только монархом. Государственный секретарь В. П. Бутков недоумевал, как суд может лишить дворянина исключительных прав, даруемых «на основании дворянских грамот» монархом. Панин предложил утверждать приговоры судов о лишении прав состояния царем. В этом он усмотрел двойное ограждение прав дворянства. Гагарин выступил за последовательное проведение принципа равенства всех перед судом, считая необходимым расширить права монарха миловать преступника, но не предоставлять ему права утверждения приговоров. Его поддержал Корф. Панин настаивал, считая необходимым соблюдать преемственность феодальных институтов, а следовательно, и сохранение феодальных прав. Он добавил: «Я на присяжных согласился потому, что они составляют продолжение кандидатов из сословий»¹⁰⁸.

Поползновения Панина не нашли поддержки. Знаменательна аргументация: «Это (равенство дворянства в суде. – М. К.) имеет некоторое отношение к сословным привилегиям. Но когда правительство, в сознании насущной потребности государства и общего желаяния всех сословий, а в том числе и дворянского, предпринимает по судебному устройству коренное преобразование, проникнутое духом равенства всех перед судом, – нужен суд равный»¹⁰⁹.

30 мая начали рассмотрение проекта судоустройства. Вновь возникли разногласия о кассационной инстанции. Панин настаивал сохранить Сенат в неприкосновенности: определяя его компетенцию, следует «поступать с крайней осмотрительностью. В Москве и Петербурге есть особые Департ[аменты]. Я полагаю, продолжал он, что надо их на долгое время оставить в том же положении»¹¹⁰. Окончательное решение о Сенате принято не было.

При обсуждении вопроса о том, как формировать институт мировых судей, Панин предложил не избирать мировых судей на местах на определенный срок, как предусматривалось проектом, а назначать лиц юридически образованных.

Предложение Панина отвергли потому, что назначение мировых судей противоречит задачам института. Его цель «удовлетворить насущным потребностям народа в суде по совести: высшее качество его правосудия – примирение». Поэтому «мировой судья должен пользоваться особым доверием местных жителей». Отсюда мировые судьи должны избираться из тех, кого они знают. Для усиления влияния дворянства на мировые суды ввели наряду с участковыми мировыми судьями почетных, которыми становились «дворяне, живущие в соответствующих местах или имеющие там собственность»¹¹¹.

2 июня разногласия вызвал порядок формирования института присяжных. Панин предложил, чтобы списки присяжных согласно проекту препровождались «к начальнику губернии». Он «избирает нужное для каждого заседания число присяжных заседателей». Участие губернатора здесь необходимо, поскольку «назначение присяжных заседателей должно быть иметь в виду не одно ограждение подсудимых, но и охранение общественного порядка»¹¹². Д. А. Ровинский передал впечатления от этого предложения: «Зарудн[ый]: Это худо; Кочубей: полезно присмотреть... Бахтин говорил о том, что судеб [ная] власть д[олжна] б[ыть] отделена от административной... Я разделяю мнение редакцион[ной] комиссии... если же губернатор б[удет] назна[чать]... присяжных лишат почета... Я полагаю, что администрац[ия] весьма сильна... что судебная власть должна ограничить ее произвол». Панин возразил: «Я не могу думать, что присяжные будут против почета, потому что назначаются губернатор [ом]. – Бахтин: Но ведь м[ожет] б[ыть] назначен чиновник, котор[ый] и по совести б[удет] судить, как прикажет губернатор»¹¹³.

При голосовании девять из десяти проголосовали против Панина. Аргументы сводились к следующему: «Губернаторы потому именно, что они суть первые в губерниях блюстители пользы государства и общественного порядка, должны принимать сколь возможно менее участия в избрании присяжных, дабы не подать никакого повода к подозрению, что

суд присяжных составлен в односторонних видах обвинения, из агентов административной власти, и не подорвать тем доверие к этому учреждению». Иначе присяжные заседатели обратятся «в губернских комиссаров, которые пользовались бы не большим, но несравненно меньшим доверием, чем постоянные судьи, поставленные новыми начальниками судеустройства в независимости от местной губернской власти»¹¹⁴.

Вновь возник «спор о Сенате и департаментах»¹¹⁵. Папин предложил, чтобы Сенат исполнял функции Верховного суда, рассматривая дела по существу и в кассационном порядке, отменяя приговоры и решения судов. Для этого нужно в дополнение к старым судебным департаментам организовать новые. «Уголовные департаменты Сената должны, как и ныне, – подчеркнул Панин, – рассматривать дела, по коим дворяне присуждаются к лишению всех прав состояния». Оставление за Сенатом одних «обязанностей кассационного суда умаляет его значение как высшего судебного места империи»¹¹⁶. Панина поддержали Бахтин и Гофман. М. Корф высказал мысль о целесообразности создать департамент «для рассмотрения просьб» и еще «два... гражд[данский] и уголов[ный]»; Гагарин возражал: «Этого 1-го Департ[амента] вовсе не надо», поскольку будет много просьб». В подтверждение целесообразности Сената с полномочиями кассационной инстанции Гагарин «читал объяснение Сардинского министра»¹¹⁷. В нем излагались аргументы за введение Верховного суда только с кассационными полномочиями. Выступали члены комиссии, подготовившие проект. Они объясняли необходимость наделения Верховного суда исключительно кассационными полномочиями, поскольку это доказано мировой практикой, является гарантией равенства всех перед законом, результативности правосудия.

Аргументация оказалась убедительной, и большинство участников сочли необходимым реорганизовать судебные департаменты правительствующего Сената гражданские и уголовные в «департаменты кассационные», которые составят Верховный кассационный суд. Интересны доводы в этой связи: «До настоящего времени правительство не могло предпринять мер к замещению всех судебных должностей лицами, к званию судей приготовленными, с одной стороны, потому, что лица с специальным юридическим образованием встречались редко, с другой стороны, потому, что прежние практики, заменявшие юридическое образование судебною рутинною, не имели таких качеств, чтобы им можно было вверить самостоятельные и важные должности не только высших, но даже и низших судей». Они не имели нужных познаний, избирались, а не назначались согласно Жалованной Грамоте российскому дворянству 1785 года. С учетом затруднений, встречаемых необразованными судьями, законодательство устанавливало: «чтобы секретари и обер-секретари под личную ответственность указывали в докладных записках, какие законы... необходимо применять для разрешения дел. К тому же стряпчие и прокуроры под покровом формализма и канцелярской тайны могли контролировать разделение дел и влиять на них. Это вело к упадку значения судов, на которые смотрели как на орудие секретарей – более сведущих в законах. Судьи, занимавшие должности временно по выбору, фактически зависели от более опытных секретарей, занимавших должности постоянно. Влияние секретарей «совершенно уронило значение... судей». Низкий профессиональный уровень судей, зависящих от бюрократии, предполагал централизованный контроль за законностью решений и приговоров. Его выражением был ревизионный порядок разрешения судебных дел, на вершине которого стоял Сенат. Поскольку «одной из главных задач предстоящего судебного преобразования должно быть доставление самим устройством суда наиболее ручательств в справедливом решении судебных дел, вне всякого стороннего на них влияния», Сенат должен стать «кассационною инстанцией без полномочий решения дел по существу»¹¹⁸.

Хотя большинство отвергло мнение Панина, опасения за Верховный суд не исчезли. 2 июня П. П. Гагарин записал в дневнике: «Заседание длилось 4 с половиной часа. Прийти к единогласию было невозможно. Все усилия, прилагаемые мной к его достижению, оказались тщетны. Нужно решение императора. Лица, к нему приближенные, будут иметь большое влияние. Панин, чье мнение спрашивается чаще других, имеет большое влияние. И если его мнение, состоящее в поддержке всех инстанций, будет преобладать, вся реформа, вся огромная работа ценой таких усилий окажется мертворожденной». И в заключение

пессимистически добавил: «Поскольку я никогда не был у господина (царя.– М. К.), мое влияние не существует. Я действую сознательно, но почти без надежды, несмотря на явное большинство в мою пользу»¹¹⁹.

Особое отношение к Сенату объяснялось его важностью. Он являлся высшим органом судебного управления России, «имея возможность воспрепятствовать судебной реформе. В старом Сенате Панин считался полновластным владыкой»¹²⁰.

На заседании 6 июня 1862 г. Панин повторил попытку оставить Сенат в неприкосновенности, но успеха не имел. Бутков сказал, что окончательное решение должен вынести Александр II¹²¹. 23 июня рассмотрели судопроизводство по делам о государственных преступлениях. По проекту предполагалось ввести суд присяжных и по этой категории дел. Эту идею активно поддержали Корф, Бахтин, Литке. Панин не согласился, предложив ведение следствия по государственным преступлениям двумя сенаторами: «Госуда[рственные] преступники должны судиться Сенатом». А такие преступления, как «восстание, подстрекательство к оному... бунт подлежат военн[ому] суду... По запискам, – продолжал министр юстиции, – признается полезность суда присяжных в политических д[елах]» для гарантии подсудимых. Но гарантии «необход[имы] и для общест[ва]». В них «осторожно» намекается, что «против правительства – присяжные не имеют качеств для сохранен[ия] обществ[енного] порядка»¹²².

На заседании 27 июня продолжалось обсуждение необходимости суда присяжных по делам политическим. «Заседание бурное», – констатировал Ровинский, – «хорошо гов[орил]» за присяжных Зарудный. Бутков счел иначе: «крайне не хотелось по политическим делам»¹²³. В итоге большинство проголосовало против. 30 июня ратовавшие за присяжных по государственным преступлениям, отказались от своих мнений. Бахтин сказал знаменательную фразу: «Кажется, мы страдали тем, что наговорили своих мнений, – поэтому три проекта уже брошены – теперь весь проект, к которому мы все, однако, клонились, – и этот бросят». Он хотел подчеркнуть, что из-за «своих мнений» может пострадать судебная реформа¹²⁴. Изменчивость позиций объяснялась просто: Александр II осудил суд присяжных по политическим преступлениям, о чем стало известно в Государственном Совете¹²⁵.

Вместо суда присяжных по политическим делам учредили суд сословных представителей. В обоснование такого решения, на которое повлияла позиция монарха, проглядывало недоверие к обществу. Обосновывалось, что государственные преступления «гораздо важнее и опаснее всех других преступлений, но по особому свойству своему не всегда и не во всех членах общества возбуждают» должное отношение. «Для многих людей, имеющих неправильные понятия о долге гражданина и отношениях его к правительству, самые преступные дела представляются совсем в ином виде, получают совсем иное значение и вместо строгого, вполне заслуженного осуждения встречают сочувствие... При таких воззрениях представить присяжным, избранным обществом, разрешение вопроса о преступности или не преступности... действий, превратно толкуемых и неверно понимаемых многими иногда даже добросовестными членами общества, значило бы оставить государство, общество и власть без всякой защиты». Поэтому государственные преступления нельзя доверить рассмотрению присяжных, «избираемых общим порядком», а «должно организовать так, чтобы высокое общественное положение судей служило ручательством в строгом, но справедливом преследовании ими всякого рода государственного преступления»¹²⁶.

После окончания работы соединенных департаментов 17 августа 1862 г. Гагарин представил монарху подробный доклад о статье проекта «Основных положений», вызвавших разногласия. Александр II, ознакомившись, написал 19 августа 1862 г. резолюцию: «Прочел с большим любопытством. Для своего окончательного решения буду ожидать мемории общего журнала соединенных департаментов и «Основные положения» оставил у себя. Дай Бог, чтобы важная эта работа привела к давно желаемой цели»¹²⁷.

Проект «Основных положений», принятый в соединенных департаментах, передали на рассмотрение общего собрания Государственного Совета. Первое заседание состоялось 27 августа 1862 г. Обсуждали основы гражданского судопроизводства. «Главные вопросы были о мировых съездах... и об инстанциях»¹²⁸. Участники заседания считали мировой суд

важнейшим институтом судебной реформы. Так, Бахтин заявлял: «Самое лучшее, что мы делаем, это мировые суды»¹²⁹. Большинство участников (Д. А. Милютин, барон М. Корф, А. В. Головнин и др.) не разделяли славянофильского взгляда на мировые суды, заявив, что мировой судья «должен делать по совести только лишь оценку представленных сторонами доказательств, а самые права спорящих сторон он обязан разрешать не иначе, как по правилам закона». Поэтому мировой суд следует рассматривать «как одну из ступеней общего суда», отличающегося «только сокращением общего судопроизводства»¹³⁰. Меньшинство (князь П. П. Гагарин, великий князь Константин Николаевич и др.) отстаивали самобытность мировой юстиции. При обсуждении статуса мирового суда высказывали мнения представители высшей бюрократии, стремившиеся видеть в мировом суде не только хранителя мира, но и проводника дворянского влияния. Министр внутренних дел П. А. Валуев с недоверием отнесся к демократическому порядку формирования мирового суда, избравшегося «только что проснувшимися» сословиями¹³¹, стремясь надежно обеспечить правительственное влияние на этот орган, его полнейшую подчиненность дворянству¹³². Поэтому участковые мировые судьи «должны избираться, а почетные назначаться... бессрочно правительством»¹³³. Князь П. П. Гагарин, памятуя о теории и практике судебного строительства государств Европы, усматривавший гарантии независимости суда в его несменяемости, поддержал предложение о бессрочности пребывания на посту мировых судей, но только не по назначению, а по выбору. К. В. Чевкин, учитывая опыт мирового суда, чье действие «испытали в западном крае», высказал опасение по поводу несменяемости почетного мирового судьи, если он «б[удет] враждебен провинциям». Панин заявил, что в случае назначения мировых судей «невозможно людей набрать». Поэтому условия формирования «мировых судей почетных и участковых должны быть выборные»¹³⁴. Решение избирать мировой суд на определенный срок Государственный Совет объяснял его новизной в России. «И потому было бы неудобно устанавливать эту судебную должность на первое время бессрочному выбору, что могло бы иметь вредные последствия... когда выбор мировых судей... не оправдывает своего назначения». Учреждались и почетные мировые судьи из «лучших людей общества», то есть дворян¹³⁵.

В тот же день Гагарин доложил Александру II о возникших разногласиях. Наиболее существенные из них: 1) об апелляционной инстанции на решения мировых судей: 15 членов за апелляционную инстанцию в лице окружного суда, а 12 полагают «для рассмотрения подобных жалоб иметь по уездам съезды мировых судей»; 2) допустить ли гласность в Сенате: все «за», исключая Панина; 3) «сохранить ли в Сенате судебные департаменты сверх департаментов кассационных»: 9 членов полагали оставить в Сенате сверх департаментов кассационных и департаменты апелляционные, а 18 находили нужным «апелляционные департаменты Сената заменить судебными палатами, составленными из опытных юристов, затем в Сенате учредить взамен департаментов апелляционных департаменты кассационные»; 4) «вносить ли залоги при решении об отмене решений?»: Панин «за», все «против»; 5) предоставлять ли особый правовой режим имуществу императорской фамилии?: Панин «за», все «против»¹³⁶.

Как видно, разногласия возникли по тем же вопросам, что и в соединенных департаментах. Аргументация сторонников и противников рассматриваемых институтов оставалась почти неизменной. Однако налицо эволюция взглядов на их природу, назначение. Так, большинство членов Государственного Совета смотрели на мирового судью уже не как на патриархального арбитра спорящих, а как на лицо, разрешающее «права спорящих сторон... не иначе, как по правилам закона»¹³⁷.

3 сентября 1862 г. рассматривались основные начала уголовного судопроизводства. Принципиальный спор возник по ст. 1, в которой закреплялось, что наказывать за преступления и проступки может только суд. Панин потребовал предоставления «Мин[истерству] внут[ренних] дел и 3-му отделению [права] забирать в тюрьму и подвергать надзору в виде предупреждения преступления». Это относилось к «политическ[ому] преступн[ику], когда... доказать нельзя, что он опасное делает. Его нельзя... судить, а достав[ить]... в тюрьму целесообразно». Министра юстиции поддержал Анненков, сказавши: «Могут быть и беспо-

рядки, и нельзя б[удет] посадить под арест человека, причиняющего беспорядки (безо всякого повода)». Им возразил Корф, заявив, «что случаи наказания без суда на осно[вании] усмо[трения] б[удут] исключены». И оговорился: «Конечно, как предупредит[ельная] мера м[ожет] б[ыть] допущена»¹³⁸. Здесь Панин стремился расширить права административной власти, объективно открыть дорогу произволу. Корф понимал опасность этого, но, памятуя об отношении монарха к политическим преступлениям, уступил.

Решили утвердить ст. 1, в которой содержались гарантии неприкосновенности личности, введя оговорку: «Административная власть принимает в установленном законом порядке меры предупреждения и пресечения преступлений и проступков». В этом просматривалось колебание правительственных сфер, понимавших необходимость независимости личности для обеспечения законности в стране и в то же время опасавшихся этого.

Панин продолжал отстаивать целесообразность утверждения царем приговоров судов, сопряженных с лишением дворянства, чинов, орденов и т.п. «Это нарушение привилегий и огорчит дворянство», – воскликнул он, когда большинство осудило его, – поскольку «вопрос сей тесно связан с вопросом о сословных привилегиях, основанных на высочайше дарованных грамотах, не подлежащих ныне рассмотрению Государственного Совета». К Панину присоединились Адлерберг, Анненков, Долгоруков и др. (всего 7 человек). В пользу сохранения дворянских привилегий приводились различные доводы. В частности, Анненков сказал:

«Это нарушение связи, которая остается в немногих чертах с монархом, это нарушение монархической власти (глупо дрожащим голосом)... Высшее право монарха б[удет] не жаловать дворянство». Корф сказал: «Лучше расширить право помилования монарха». Его поддержал Гагарин: «Мы хотим одного суда для всех – привилегий им в этом способе обсуждения не видим – теперь пусть же до него дойдут одни молитвы»¹³⁹.

Большинство (17) членов проголосовало за равенство дворянства перед судом.

Настаивал Панин и на том, чтобы судить военным судом лиц «в случае восстания и сопротивления распоряжениям правительства». Требовал присутствия депутатов на предварительном следствии, негласном рассмотрении дел в Сенате, командирования членов судебной палаты для руководства присяжными заседателями и т.д. Но поддержки не нашел.

Государственный Совет утвердил институт присяжных без дискуссий. «Никто не возражал о присяжных, – констатировал Победоносцев, – хотя многие и, знаю, против: еще третьего дня гр[аф] Строганов с негодованием говорил о невозможности присяжных в России. Что же – неужели все они грешат?»¹⁴⁰.

Подводя итоги заседания Государственного Совета 3 сентября, князь П. П. Гагарин написал: «Организация уголовного процесса была предметом наиболее тяжелых дискуссий сегодня, так как за исключением Корфа, пришедшего на помощь, мне пришлось одному бороться против частых атак»¹⁴¹.

4 сентября рассматривались «Основные начала судоустройства». Вновь вспыхнула полемика вокруг мирового суда, свидетельствовавшая об особом отношении бюрократии к этому институту. В нем усматривали проводника дворянского влияния. Министр внутренних дел Валуев высказал недоверие к демократическому порядку формирования мирового суда. Чевкин заявил: «Это учрежд[ение] чрезвычайно важное» и, если назначить мировых судей бессрочно, то в случае, когда «мировой судья б[удет] враждебен провинциям», его нельзя «сместить», что приведет к нежелаемым последствиям. Выступившие Гагарин и Корф подчеркнули, что «мировые судьи д[олжны] б[ыть] доверенные от местных жителей и потому... выборные и срочные»¹⁴². Эта мысль оказалась наиболее приемлемой. «По окончании всего (заседания. – М. К.) возбудили вопрос о том, в какой форме обнародовать статьи по утверждению их и допускать ли рассуждения и критику в журналах»¹⁴³. Постановка вопроса свидетельствовала о желании гласности судебной реформы. Эта мера являлась нетрадиционной в России, где законодательство разрабатывалось втайне. Поэтому, по словам Гагарина, «кипели страсти». М. Корф предложил не публиковать принятые «Основные положения», а сообщить об их одобрении. Обосновал он это тем, что бесцельно публико-

вать акт, который нельзя обсуждать, поскольку он утвержден высшей монархической властью. «Тайная цель Корфа», – считал Гагарин, – была спровоцировать пересмотр работы с литературной точки зрения». М. Корф «считался лучшим редактором русских законов»¹⁴⁴, и ему, вероятно, хотелось быть причастным к судебной реформе.

Отказ от гласности в подготовке судебной реформы противоречил взглядам либеральной фракции заседания, видевшей в обнародовании «Основных положений» важнейшее средство их стабильности, своеобразный тактический прием. Гагарин писал: «Поскольку основы, по крайней мере, четыре раза переделывались, для меня представляется невозможным принять это предложение, равносильное предложению взять эту работу и бросить в огонь»¹⁴⁵.

Благодаря настойчивости П. П. Гагарина, Д. А. Милютина, С. И. Зарудного¹⁴⁶, приняли решение опубликовать «Основные положения» в печати. В этот же день председательствовавший в Государственном Совете Гагарин подал Александру II доклад о результатах заседания. Монарх наложил резолюцию: «Искренне благодарю, что вы повели это важное дело, как я желал. Дай Бог, чтобы результаты соответствовали моим ожиданиям»¹⁴⁷.

Борьба за сущность судебной реформы не закончилась. При рассмотрении Александром II материалов Государственного Совета Панин убедил монарха оставить в неприкосновенности Сенат. Неорганизованный Сенат сводил на нет усилия по созданию жизнеспособной организации. Гагарин записал в дневнике: «Император поддержал Сенат, и это делает остальное невозможным... Вся работа, переделанная в несколько месяцев, впитавшая все новые улучшения европейских кодексов, будет потеряна, «если монарх не изменит своего мнения». Панин, работая «с нами с первого шага, хотел парализовать все, что было сделано»¹⁴⁸.

Победоносцев 12 сентября записал: «У Зарудного – на новой квартире – новость – Государь согласился с Гагариным по вопросу о съездах, с Паниным – по вопросу о Сенате, по прочим разногласиям – с большинством. – Зарудный сконфужен. Что сказать, – съезды будут неживым учреждением, если не разработаем смутной мысли... Гагарина. Сегодня у Зарудного собираются все – судить, нельзя ли еще поправить решение о Сенате, подкрепив мнение кн. Гагарина. А Бутков... полагает, что вследствие этих резолюций надо подвергнуть все дело новому обсуждению соединенных департаментов».

Спустя три дня, 15 сентября, комиссия собралась в Государственном Совете. «Толковали часа 2 о том, как быть с решением государевым о Сенате», – писал Победоносцев. Стало известно, что Гагарин успел остановить решение и подает государю записку. Толкуем о ее редакции»¹⁴⁹. Аудиенция у монарха, подтверждал П. А. Валуев, «была испрошена для контрбалансирования конфиденциальных записок гр. Панина, имевших влияние на решение е. величества по разногласиям в Совете... о судопроизводстве и судоустройстве»¹⁵⁰.

Материалы работы Государственного Совета передали Александру II на утверждение. В письме 18 сентября 1862 г. великому князю Константину Николаевичу он писал: «Дело судопроизводства и судоустройства рассмотрено в Гос[ударственном] Сов[ете] и мне предстоит теперь трудная задача решения разногласий, довольно многочисленных. Поступлю, как всегда, по совести и по лучшему моему разумению»¹⁵¹.

19 сентября Гагарин явился к монарху с запиской, написанной Победоносцевым¹⁵². В ней говорилось: «Государственный Совет единогласно признал, что судопроизводству нашему необходимо усвоить общепринятое начало 2-х судебных инстанций, то есть то начало, по которому никакое дело не должно проходить более двух судебных инстанций». Если же предоставить судебным департаментам Сената рассматривать дела по существу, то нарушится этот принцип. Последует неизбежно «установление для двух судебных инстанций трех разрядов судебных мест (окружных судов, судебных палат и судебных департаментов Сената... Одно это обстоятельство разрушает все надежды на успех предпринимаемого судебного преобразования». Вывод: «Без преобразования Сената никакие существенные улучшения по этой (судебной. – М. К.) части невозможны»¹⁵³.

Монарх согласился с аргументами. 20 сентября Победоносцев писал Ровинскому: «Сегодня, по особому докладу кн. Гагарина, это первоначальное мнение (о сенате. – М. К.)

государю разъяснялось и положено оставить судебные деп[артаменты] Сената только до окончательного образования судебных палат»¹⁵⁴.

29 сентября «Основные положения преобразования судебной части в России» были утверждены монархом с предписанием опубликовать в печати. Обнародование программы судебной реформы подтверждало политику гласности в государственных преобразованиях¹⁵⁵ и означало, что правительство брало на себя обязательство подготовки судебной реформы, исходя из прогрессивных принципов.

§ 3. «ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ В РОССИИ» – ПРОГРАММА СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

«Основные положения преобразования судебной части в России» состояли из трех частей: 1) судоустройство; 2) уголовное судопроизводство; 3) гражданское судопроизводство. Каждая из этих частей имела разную степень разработанности. Объяснялось это тем, что их авторы «считались с реальными или воображаемыми противниками и выдвигали на центральное место те пункты, которые могли встретить по своей новизне или по противоречию с прошлым наиболее серьезные сомнения и возражения»¹⁵⁶.

В судоустройстве провозглашалось отделение власти судебной от исполнительной и законодательной (ст. 1)¹⁵⁷. Основным звеном судебной системы закреплялся мировой суд. Он учреждался: в составе одного судьи по уездам и городам для разрешения гражданских и уголовных дел «меньшей важности». Уезд составлял мировой округ, подразделяемый на мировые участки (ст. 10). В округе допускалось несколько мировых судей – участковых и почетных (ст. 12). Они избирались «всеми сословиями в совокупности на три года» и утверждались Сенатом, имели равные права.

Мировыми судьями могли становиться «местные жители, имеющие не менее 25 лет от роду, не опороченные по суду или общественному приговору, не состоящие под следствием или под судом, владеющие, хотя бы в разных местах, недвижимую собственность, приносящей чистый годовой доход в размере, законом определенным, и имеющие высшее или среднее образование или же прослужившие, преимущественно по судебной части, не менее трех лет» (ст. 14). Список кандидатов в мировые судьи составлялся «по каждому губернскому округу» и проверялся губернатором (ст. 15). Однако умалчивалось, кто же составлял такие списки. Ничего не говорилось о размере имущественного ценза и о порядке обжалования решений мировых судей. Только констатировалось: «Мировые судьи каждого мирового округа как участковые, так и почетные собираются в назначенные сроки на съезды мировых судей для окончательного решения дел, подлежащих мировому разбирательству. Председателя сего съезда мировые судьи избирают из среды себя» (ст. 21). Пробел объяснялся внезапным решением монарха обособить мировую юстицию от общей судебной системы.

Судом первой инстанции для дел уголовных и гражданских являлся окружной суд. Он состоял из председателя и членов, назначаемых монархом (ст. 22–23). Судебные следователи входили в состав суда. Уголовные дела рассматривались с участием присяжных заседателей. Они формировались из всех сословий. Условия для внесения в списки присяжных сводились к внешним и внутренним. К первым относились возраст не моложе 25 и не старше 70 лет, «жительство в продолжении известного времени в том округе, где присяжные созываются», владение имуществом. Ко вторым – образование, «заслуженное доверие, добрая нравственность» (ст. 29–31). Списки лиц, из которых избирались присяжные, предполагались двух видов: общие и очередные. В общие включались все лица, соединяющие «в себе внешние качества» (ст. 33). Губернатор проверял соответствие списков требованиям закона. После этого списки публиковались. Особые местные комиссии (кто в них входил – умалчивалось) составляли очередные списки присяжных, которые должны участвовать в заседаниях (ст. 35–36).

Высшей инстанцией считались судебные палаты, состоящие из департаментов. Их члены назначались (ст. 39). Кассационной инстанцией был Сенат, члены которого так

же назначались монархом (ст. 42–46). При окружном суде и судебной палате состояли прокуроры, а при кассационном департаменте Сената и при общем их собрании – обер-прокуроры. «Верховный надзор за всеми прокурорами и обер-прокурорами» осуществлял министр юстиции (ст. 50).

Статус прокурора соответствовал состязательному судопроизводству, при котором он являлся стороной процесса. Прокурор следил за точным применением закона, поддерживал обвинение перед судом, давал заключения по делам (ст. 51).

Замещать должности коронных судей, судебных следователей, прокуроров могли лица с юридическим образованием, в чем усматривалась дополнительная гарантия качественного отправления правосудия. Однако малочисленность юристов в стране обусловила допуск на эти должности лиц, подтверждавших на «службе свои познания по судебной части» (ст. 66). Для независимости судей смещение с должности допускалось только с их согласия. Уволить судью можно было не «иначе как с преданием суду» (ст. 67).

Судебные решения исполнялись судебными приставами, назначаемыми председателем суда и состоящими при судах (ст. 71). Одно из центральных мест отводилось присяжным поверенным. Ими могли стать лица, «неопороченные судом и не моложе 25 лет» с высшим юридическим образованием, прослужившие «по судебному ведомству не менее пяти лет», или занимавшиеся «в течение этого времени судебную практикой под руководством присяжных поверенных, в качестве их помощников» (ст. 76). Усложненные условия для адвокатской деятельности преследовали цель воспрепятствовать проникновению в присяжные поверенные случайных лиц, компрометирующих этот институт. Поскольку лиц, способных стать адвокатами, в России было недостаточно¹⁵⁸, тяжущимся предоставлялось право самостоятельно либо через представителей выступать в суде. Узаконивая по необходимости институт ходатаев, «Положение» предписывало, что в «городах, где имеет жительство достаточное число присяжных поверенных», истец и ответчик могут доверять представительство только им. Такие города определялись в специальных табелях (ст. 78). Знаменательна аргументация такого решения: «Без ограничения права тяжущихся избирать поверенных или защитников исключительно из среды присяжных поверенных в тех городах, в которых находится на жительство достаточное число, не может образоваться и самое его сословие, ибо никто не станет стеснять себя припискою к нему и ограничивать свои права определенными в законе условиями, когда и без того он может быть поверенным, где и когда захочет, не подчиняясь никаким условиям»¹⁵⁹. Адвокаты избирали из своей среды совет, состоявший при судебной палате. Совет надзирал за адвокатами. Он мог наказывать присяжных поверенных вплоть до исключения из сословия и предания суду (ст. 80).

Учреждался нотариат, заведовавший «совершением актов о сделках» (ст. 91).

В **уголовном судопроизводстве** закреплялись исключительное право суда назначать наказания за преступления и отделение власти судебной от исполнительной (ст. 1–5). Приговор выносился на основе внутреннего убеждения в публичном заседании (ст. 7). Отменялась формальная теория доказательств (ст. 8). «Приговор может быть только или осуждающий, или оправдывающий подсудимого. Оставление в подозрении не допускается» – гласила ст. 9¹⁶⁰. Дело разрешалось не более чем в двух инстанциях (ст. 11). По делам о правонарушениях, предусматривавших наказания, сопряженные с лишением прав состояния или с потерю особенных прав и преимуществ, определение вины подсудимого вверялось присяжным заседателям (ст. 10).

Отменялись ревизионный порядок рассмотрения дел, различия подсудности по условиям (ст. 13, 17). «Основные положения» определяли пределы подсудности мирового суда. Статья 19 констатировала: «Мировым судьям подсудны: 1) дела о менее важных преступлениях и проступках, за которые законом устанавливались наказания: выговоры, замечания, внушения, штрафы до 300 рублей, арест до трех месяцев; 2) дела о преступлениях и проступках, «о коих производство, начинаясь не иначе как по жалобам лиц обиженных или потерпевших вред, может быть прекращено примирением; 3) дела о кражах, мошенничестве, лесных порубках, присвоении найденных вещей и других преступлениях

сего рода, совершенных лицами, подлежащими за эти противозаконные деяния заключению в рабочем доме». Обозначив четко компетенцию мирового суда (без ясности которой он попал бы в затруднительное положение), реформаторы столкнулись с необходимостью создания особого устава о преступлениях, рассматриваемых мировым судом. Об этом, как писал С. И. Зарудный, говорили при обсуждении «Основных положений». Без такого устава «не только полицейские места, обязанные передавать одни исследования судебным следователям и прокурорам, а другие мировым судьям, но и они последние неминуемо будут встречать большие затруднения в точном определении подсудности дела, тем более, что основанием для чего, в большей части случаев, принимается по необходимости не свойство и род преступления или проступка, а следующее за ним наказание»¹⁶¹.

Все дела, не подпадавшие под юрисдикцию мирового суда, рассматривались окружным судом (ст. 21). Судебная палата разрешала жалобы и протесты на приговоры окружного суда, рассматривала по первой инстанции дела о государственных преступлениях и преступлениях должности (ст. 22). Сенат ведал делами «по жалобам и протестам на явные нарушения... прямого смысла закона» (ст. 14).

Определялись основания рассмотрения дел мировым судьей. К ним относились жалобы, личное усмотрение судьи и др. Мировой судья выступал примирителем только по жалобам частных лиц в делах, которые могут заканчиваться примирением (ст. 24–25). Приговоры о внушениях, выговорах, замечаниях, штрафах до 15 руб., арест до 3 дней, считались окончательными (ст. 30). Остальные в случае обжалования разрешались съездами мировых судей (ст. 27). Все дела мировой судья рассматривал словесно.

Подробно регулировалось судопроизводство в общих судах. Полиция проводила дознание, судебный следователь – следствие. Исчерпывающих оснований для возбуждения дела в законе не приводилось, в чем усматривались элементы розыскного процесса с обширными правами органов следствия. Понимая это, авторы «Основных положений», исключая злоупотребления следователя, поставили его под контроль прокурора. Он имел право давать обязательные для исполнения распоряжения «к исследованию преступления и к собранию доказательств», требовать изменить меру пресечения (ст. 49–52). Допускался отвод следователя, задержанный допрашивался в течение суток (ст. 41–45).

На основании материалов предварительного расследования прокурор составлял акт обвинения, с которым знакомился подсудимый (ст. 58–60).

Доказательства, собранные на предварительном следствии, проверялись в судебном заседании. В нем «прокурору, как обвинителю» противопоставлялся защитник подсудимого (ст. 68). Руководил заседанием председатель суда. После прений сторон он «излагал вкратце существо дела и представленные в пользу и против обвиняемого доказательства». Для вынесения приговора следовало выяснить вопросы: 1) о действительности события, подавшего повод к обвинению; 2) о виновности или невиновности подсудимого... 3) о применении к его вине законов о наказаниях и 4) возмещение вреда, причиненного преступлением (ст. 76).

Для разрешения дел с участием присяжных требовалось не менее 30 присяжных. Обвинению и защите разрешалось отвести 12 из них без объяснения причин. Остальным 18 бросали жребий: 12 участвовали в судебном заседании, двое были запасными (ст. 85). Учитывая низкий образовательный уровень присяжных, «Основные положения» вменяли в обязанность председателя после прений сторон объяснить правила «о силе доказательств, приведенных в пользу и против обвиняемого, и законы, относящиеся «к определению свойства рассматриваемого преступления» (ст. 87). Присяжные разрешали вопросы: 1) о действительности события, подавшего повод к обвинению; 2) о вине или невиновности подсудимого (ст. 88). Из содержания статьи следовало, что констатация события преступления и совершение его лицом не являлись основанием обвинительного приговора. Такой взгляд не был типичен для западноевропейского законодательства. Здесь сказались славянофильская концепция о «правде внутренней», т.е. здравом смысле, морали, которыми следует руководствоваться в судебной практике, предпочитая их «правде внешней», т.е. закону¹⁶².

При положительном ответе присяжных коронный суд назначал наказание. Приговор, вынесенный с участием присяжных, обжалованию не подлежал.

Основаниями к отмене приговора в кассационном порядке Сенатом являлось: 1) нарушение существенных форм и обрядов судопроизводства; 2) явное нарушение прямого смысла закона и неправильное его толкование при квалификации преступления и назначения наказания; 3) вновь открывшиеся обстоятельства, обнаруживающие невиновность осужденного (ст. 104). Решения Сената об отмене приговоров публиковались «во всеобщее сведение, для руководства к единообразному истолкованию и применению закона» (ст. 110).

Некоторые приговоры утверждались монархом, в чем усматривался отход от принципов равенства всех сословий перед законом. К их числу относились приговоры, сопряженные с лишением или ограничением прав состояния чиновников, священнослужителей (ст. 112).

Допускались изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства по государственным, должностным и религиозным преступлениям (ст. 21). Государственные преступления расследовались членом судебной палаты, рассматривались без присяжных заседателей составом членов уголовного департамента судебной палаты и сословных представителей: губернского предводителя дворянства, городского головы, волостного головы или старшин (ст. 126). О недоверии к «народному элементу» свидетельствовало то, что «коронный элемент» имел численное преимущество. Члены особого присутствия совместно определяли вину или невиновность подсудимого, назначали наказание (ст. 128). Для сословных представителей, не имевших юридической подготовки, это являлось заведомо непосильной задачей. Они шли на поводу у коронных судей. «Суды с сословными представителями», – заключил Даневский, – еще в большей степени **являются теми же коронными судами, но притом искаженными**¹⁶³. Мировая практика не знала такой формы суда по государственным преступлениям.

По делам о преступлениях и проступках по гражданской службе судебное производство может быть начато после «постановления надлежащего начальства о предании суду обвиняемого в преступлении должности» – говорилось в ст. 132. Предварительное расследование в этом случае проводило «начальство обвиняемого» (ст. 133). Судебный иммунитет чиновничества, существовавший в дореформенном законодательстве, как видно, был оставлен. Это объяснялось силой административной власти в России, уступать которой приходилось из-за опасения конфронтации с ее стороны, способной свести на нет судебную реформу¹⁶⁴.

Основная часть дел по должностным преступлениям была подведомственна судебной палате (ст. 142–143). В этом также проявлялась тенденция изъять из общей юрисдикции дела, по которым обвинялись чиновники. Подобная элитарность противоречила равенству перед судом, провозглашенному в «Основных положениях».

В **гражданском судопроизводстве** «Основными положениями преобразования судебной части в России» определялась компетенция мирового суда. Он разрешал в устном и публичном судопроизводстве иски до 500 руб. Из них до 30 руб. окончательно. Мировой судья мирил предварительно спорящих и только «в случае неуспеха» принимал иск (ст. 6). Показательно умолчание об основаниях вынесения мировым судьей решения по делу: «по совести» или по закону. Это свидетельствовало о неразрешенных противоречиях в среде реформаторов.

Дела, не входившие в компетенцию мирового суда, разрешались судом окружным. Всякое дело рассматривалось не более как в двух инстанциях. Сенат отменял решение, если нарушался смысл закона или существенные формы судопроизводства (ст. 13).

Провозглашался состязательный процесс (ст. 7). Спорящие должны были лично или через поверенных участвовать в судопроизводстве. Могли знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства. Разбирательство в суде проходило гласно (ст. 19–22). Исковое производство начиналось по инициативе одной стороны. Суд считался арбитром спорящих без права самостоятельного изыскания доказательств. Статья 46 гласила: «Суд может тре-

бовать предъявления тех только доказательств, на которые сами тяжущиеся ссылаются, и проверять лишь те, по которым объявлен спор лицами, против коих оные представлены». Прокурор давал заключение по рассматриваемому делу. Стороны состязались свободно. Решение провозглашалось публично (ст. 65).

«Основные положения» закрепили принципы судебной реформы. Решающими, по характеристике С. И. Зарудного, были: 1) отделение судебной власти от исполнительной, административной и законодательной в уголовном судопроизводстве, а в гражданском – «отделение власти судебной от обвинительной»; 2) начало гласности «в гражданском и уголовном процессе»; 3) несменяемость судей; 4) устройство самостоятельной мировой юстиции для «маловажных дел» отдельно от общих судов; 5) организация прокурорского надзора; 6) введение суда присяжных поверенных и их советов; 7) учреждение института присяжных заседателей; 8) отмена теории формальных доказательств в уголовном процессе; 9) учреждение кассационного суда; 10) создание нотариата.

Новеллы подтверждали, что реформаторы, «не прибегая к полумерам, которые объективно не приносят пользы, решились пересадить на русскую почву, в силу преемственности прогресса, европейский суд со всеми его превосходными формами, гарантирующими правильное отправление правосудия». «Основные положения» заложили «прочный фундамент, на котором потом было воздвигнуто стройное здание судебных уставов»¹⁶⁵.

Таким образом, программа судебной реформы имела последовательный буржуазный характер¹⁶⁶. В ней реализовались взгляды либерального дворянства, объективно выражавшего чаяния русской буржуазии. Эту мысль А. В. Никитенко формулировал так: «В трудах по поводу судопроизводства преобладала и преобладает здравая либеральная партия»¹⁶⁷.

Возникает вопрос, почему российское самодержавие решилось осуществить судебную реформу на передовых принципах буржуазного правосудия, уступив либеральному течению? В дореволюционной русской и современной буржуазной историографии все лавры отдавались «могучей кучке юристов» – членов комиссии, ставших «отцами» судебной реформы. Но не следует забывать, что они являлись лишь исполнителями (пусть талантливо подсказывавшими правительству) политических решений, принимаемых в высших сферах. К тому же взгляды деятелей судебной реформы (да и самого Александра II)¹⁶⁸ существенно эволюционировали в процессе подготовки судебных преобразований. Причины либерального характера судебной реформы¹⁶⁹ кроются в тогдашней обстановке.

Акт 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права был направлен на создание массовой социальной группы собственников, формировавшихся из освобождавшихся крестьян и дворянства. На это указывал сам Александр II, выступая в Государственном Совете по поводу отмены крепостного права¹⁷⁰. Создать собственников можно, лишь гарантируя неприкосновенность собственности¹⁷¹, личности, частно-предпринимательской деятельности. Без аппарата юстиции такие гарантии были невозможны. На невозможность реализации программ отмены крепостного права без судебной реформы обращало внимание и дворянство¹⁷², считавшее преобразование правосудия гарантом проведения крестьянской реформы. Возникновению собственников противодействовали крепостники. Один из их лидеров князь А. С. Мельников видел в выкупе земель «скрытую цель привести дворян как сословие в ничтожность, а крестьян... обратить в независимое сословие собственников, которое волновать можно будет по произволению коноводами демократов»¹⁷³. Неполную дворянскую собственность реакционеры выдавали за социализм¹⁷⁴. Исключить притязания помещиков – бывших владельцев земли, переданной крестьянам за выкуп, следовательно, и опасность срыва проведения крестьянской реформы – значило обеспечить права собственников. На новый аппарат юстиции можно было опереться и в случае отказа исполнять Положение 19 февраля, что было весьма вероятно. Так, А. В. Головнин писал великому князю Константину Николаевичу 12 августа 1860 г.: «Полтавский губер[натор] равно и Воронежский полагают, что первое последствие нового крестьянского положения на народ будет неисполнение оно и помещиками и крестьянами»¹⁷⁵.

В потенциальной защите прав собственности нуждались и помещики, переходившие на положение собственников.

Говоря о значении для судебной реформы решения наделить крестьян землей, С. И. Зарудный писал: «Если бы в 1861 году не было, не состоялось освобождение крестьян с землею, то ни в каком случае не было бы и судебной реформы... Сначала у нас были рабы, подлые люди... Они сделались простыми людьми... им нужен суд, скорый и необходимый»¹⁷⁶.

В судебной реформе в совокупности с другими преобразованиями видели превентивную меру от грозящей революции¹⁷⁷. В письме от 29 августа 1858 г. к великому князю Константину Николаевичу А. В. Головин указывал, что консерваторы, охраняя все старое и препятствуя реформам, «непременно приведут Россию к переворотам, от которых дети наши пострадают». Необходимо предупредить революцию, «издавая законы и делая распоряжения, которые дали бы народу то, что ему нужно, чем пользуются другие народы и что народ со временем возьмет, если правительство заблаговременно не даст ему. Эти блага следующие: хорошие суды с гласностью и адвокатами, хорошая полиция, освобождение от крепостного «права», свобода промышленных предприятий»¹⁷⁸. Эту мысль он подтвердил и в письме 30 марта 1862 г., сведя смысл реформы «к борьбе с приближающейся революцией»¹⁷⁹.

При создании новой юстиции необходим был образец. Русское дореформенное правосудие, порицаемое всеми, не имело достойных традиций. Экспериментировать же, создавая неизвестные мировой юриспруденции, «свои» модели правосудия, основанные на «исторических началах», означало бы противоречить потребностям момента. К тому же дальновидная бюрократия учитывала и опыт неудавшихся попыток судебных преобразований XVI–XIX вв. в России, основанных на частных изменениях институтов судопроизводства и судоустройства без радикальной ломки механизма правосудия.

Правительство небезосновательно опасалось за исход крестьянской реформы, встретившей сильнейшую оппозицию большинства дворянства¹⁸⁰. Самодержавие спешно нуждалось в хорошо отлаженной юстиции, на которую можно было опереться в реализации Положения от 19 февраля 1861 г. Для судебной реформы требовалась модель, доказавшая состоятельность на практике. Таковой оказалась система правосудия, существовавшая в Западной Европе, построенная на принципах буржуазного судопроизводства и судоустройства и всесторонне обоснованная в правовой теории. Отойти от этих единственных известных практике судебного строительства, «работающих» в строгой системе взаимосвязи и взаимообусловленности институтов без риска ослабить правосудие и законность, а следовательно, поставить под сомнение успех крестьянской реформы, оказалось невозможно.

Оценивая характер судебной реформы, необходимо учесть и влияние готовившихся преобразований армии и военно-морского флота, в модернизации которых самодержавие видело средство укрепить свой авторитет внутри страны и на международной арене, поколебленные в Крымской войне. Перестройка вооруженных сил по западноевропейским образцам диктовала и соответствующие реформы военной юстиции. Подготовленный проект реформы военно-морского правосудия не мог быть введен обособленно от общегражданского¹⁸¹. Реформа сухопутной армии предполагала модернизацию военной юстиции. Осуществить ее предполагалось на тех же принципах, что и морскую.

В передовой реформе суда самодержавие усматривало вспомогательное средство политической консолидации в Польше. 28 ноября 1862 г. великий князь Константин Николаевич писал Александру II: «Вообще я крепко убежден, что скорейшее приведение в исполнение утвержденных тобою и уже опубликованных основных начал как судебного переустройства, так и земских учреждений будет лучшим способом удовлетворения тех нужд и потребностей развития жизни в провинциях, которое везде так сильно ощущается. Тогда, я убежден, сами собой прекратятся те глупые попытки, как Каменец-Подольская и Минская, – прекратятся потому, что эти реформы коснутся и западных губерний. И эти губернии воспользуются этими благодеяниями не потому, что они составляют Литву и Украину и во времена оно были в соединении с Польшею, а напротив того, потому, что они суть русские губернии, как Тульская, Рязанская и всякая другая, и равно с ними будут пользоваться теми благодеяниями... как они уже воспользовались равно с ними освобождением крестьян»¹⁸².

Характеризуя судебную реформу как последовательную буржуазную, нельзя не указать на правовые атавизмы, имевшие феодальные черты. Так, провозглашенный принцип равенства перед судом имел многочисленные изъятия. Чиновники, совершившие преступления по службе, привлекались к ответственности только с разрешения своего начальства. По государственным преступлениям суд присяжных заменялся судом сословных представителей. Усеченной оказалась юрисдикция новых судов.

§ 4. ПЕЧАТЬ ОБ «ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ В РОССИИ» 1862 ГОДА

«Основные положения» были опубликованы в газетах 3 октября 1862 г. Пресса незамедлительно откликнулась на это событие. Оценивая печать, выражавшую общественное мнение, нельзя игнорировать два обстоятельства: 1. В России не было традиции оппозиционного выступления печати против правительства; 2. Пресса зависела от цензуры. Поэтому в официальной печати не могло появиться материалов, прямо осуждавших судебную реформу, санкционированную монархом. С учетом сказанного, интерес могут представлять малейшие нюансы выступлений, их тональность.

Отклики, появившиеся вплоть до принятия судебных уставов 1864 г., можно разделить на три категории: а) полностью одобрявшие программу судебной реформы; б) отрицавшие отдельные ее институты: здесь усматривалась критика «справа» и «слева», содержались предложения о развитии институтов; в) комментирующие нововведения с целью разъяснить их преимущества, опереться на общественное мнение.

Не все социальные слои положительно восприняли судебную реформу. Об этом говорит, в частности, записка барона Торнау, представленная Александру II 13 сентября 1862 г. В ней осуждались гласность, устность судопроизводства, другие либеральные институты¹⁸³. Однако на большинство населения «Основные положения» произвели «самое отрадное впечатление»¹⁸⁴. Об этом говорилось в секретных сообщениях от начальников губерний, присланных Н. А. Валуеву. Уже 3 октября 1861 г. газета «Сын Отечества» восторженно отзывалась о судебной реформе. «Правильное отправление правосудия, – писала она, – есть одна из настоятельных, одна из существенных потребностей каждого сколько-нибудь разумного общества. Основания этого правильного правосудия выработаны всем человечеством и не составляют ничего исключительно собственного». Тем самым оправдывалась программа судебных преобразований, разрывавшая с «историческими началами» законодательства страны. «Библиотека для чтения» (1862. № 12), высоко оценив «Основные положения», заключила: «Судебная реформа еще не составляет предела наших желаний, за которым ничего не оставалось бы давать» (с. 167). Высоко оценили судебную реформу и «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 257). Одобрил преобразования К. Кавелин, заявив, что их реализация станет делом «крайне трудным, почти невозможным», пока законы не будут «строго различны от правительственных распоряжений»¹⁸⁵.

Газета «Новое время» 11 ноября 1862 г. (статья Ф. Дмитриева о судебной реформе) писала: «Из всех мер последнего времени ни одна не была встречена таким единодушным сочувствием, как преобразование судебной части. Эта важная реформа, переноса в Россию один из лучших плодов европейской мысли и гражданственности, удовлетворяет целому русскому обществу сверху донизу и отвечает его коренной исторической потребности». Далее автор, проанализировав два возможных пути преобразования юстиции (на основании «исторических начал» и «общечеловеческих»), по которому пошли создатели «Основных положений»), доказывал преимущество последнего. В этом либеральном издании 3 октября выступил Б. Чичерин. Он одобрил «начала публичности и гласности судопроизводства», в которых увидел «якорь спасения». Однако критиковал «справа» институты несменяемости судей и присяжных заседателей, считая их неприемлемыми для России. «Что если при неудачных назначениях, при невозможности на первый раз найти людей, суды наши наполняются бессменными судьями, не вполне достойными этого звания? Их уже нет возможности заменить другими. Бессменный судья никого не боится». Несменя-

емость судей «тогда только получит настоящее свое значение, когда судебное сословие приобретет крепкий запас общественных сил, когда оно будет носить в себе предания и общественный дух, когда чувство сословности и нравственной атмосферы, окружающая судью... не позволяет ему ни на минуту отклоняться от прямого пути». Суд присяжных, состоящий из неграмотных, не достигнет цели. От подготовленных судей, заключал Чичерин, зависит успех реформы. «А откуда их взять, когда они не подготовлены жизнью? ...Создать из ничего судебное сословие – это подвиг, перед которым невольно останавливаешься в изумлении. Пессимизмом окрашены слова либерала: «Начертать закон – дело сравнительно легкое. Но найти людей, направить их к благой цели, вдохнуть в них дух правды и чести, установить правосудие на пространство огромного государства, которое доселе его не знало, вот задача, с которой едва ли что может сравниться».

С недоверием к возможности найти кадры судей отнеслась и «Современная летопись». 2 января 1863 г. она писала: «Наша новая машина будет иметь такое топкое деликатное устройство, что незнающий и неопытный работник с нею не справится». Найдутся ли люди «для такого дела? Кто они? Много ли их и как их расставить? Вот вопросы, которых никаким конем не объедешь, о которых забыть невозможно». Если в новом судопроизводстве «деятели останутся старые», тогда несменяемость «будет ложью». Высоко отзывались об «Основных положениях» «Отечественные записки» (1862. № 10). «Все, что стоит вне всякого правительства, – писали они, – как-то: гражданские иски и чисто уголовные дела частных лиц, – окружено гарантиями, против которых немного может возразить самый взыскательный критик». О судоустройстве «и говорить нечего, все что можно придумать лучшего, все принято в соображение и во внимание проектом. Ни один полезный совет, преподанный по этой части литературой, не остался отвергнутым» (с. 57, 67). В этом же издании (№ 11) похвалили судебную реформу Б. И. Утин. Он оценил ее, как «обеспечение частных прав, то есть ограждение прав имущественных и... личных прав». Одобрил независимость суда, гласность, суд присяжных. Критические суждения вызвала исключительная юрисдикция для чиновников. Утин считал необходимым, чтобы административная власть уважала закон: целесообразно «в случае нарушения должностным лицом прав частного лица, последнему... приносить жалобу не по начальству должностного лица, а в общий законный суд» (с. 2, 4). Одобрил программу судебных преобразований «Современник» (1863. № 1), в котором выступил А. М. Унковский. Положительным было, на его взгляд, введение суда присяжных, гласности. Одна она «может служить верным залогом в том, что наше будущее судопроизводство поведет к постепенному улучшению не только судебной части, но и всех других сторон общественного быта» (с. 401). В то же время либерал осудил «слева» «удержание прежнего порядка предания суду должностных административных лиц. Это может стать большим препятствием к водворению... полного владычества закона... Непосредственная ответственность перед судебной властью в нарушении законов составляет для каждого лица самое важное и самое драгоценное право, отсутствие которого противоречит понятию о человеческом достоинстве» (с. 407).

Недвусмысленно осудили принципы судебной реформы славянофилы. Их газета «День» писала еще в 1861 г. (9 дек.): «Мы считаем совершенно бессмысленным и праздным требование... о перемене судопроизводства, о введении суда присяжных и т.п.». Судопроизводство «так тесно связано со всем общественным бытием, что не может быть сочинено вдруг, особенно в России, без предварительного изучения народных юридических понятий и требований». В следующем номере (16 дек.) содержалось предписание определить свойственные России «юридические начала». Это требовалось сделать перед созданием кодексов. По мнению славянофилов, не следует «прилагать к быту миллионов людей теоремы римского права, возникшего на совершенно иных основах». При таких взглядах на право логична оценка славянофилами «Основных положений»: они не связаны «ни с преданиями древней допетровской Руси, ни с современным народным созерцанием, ни даже с прежним отставляемым порядком. При всех относительных достоинствах проекта в нем вообще слабо слышится присутствие народной мысли и даже мысли народности о ее бытовых воззрениях и требованиях»¹⁸⁶.

Взгляды славянофилов перекликались с концепцией «исторических начал». Ее сторонники, не одобряя реформу¹⁸⁷, однако, не могли открыто осуждать политику правительства. Как писал анонимный автор, «умы боязливые испугались радикализма этой реформы¹⁸⁸, обрекающей на забвение все старинные заблуждения судебного управления, завещанные Екатериной II... Мысль, что Россия может руками и ногами ухватиться за простые теории демократического кодекса Наполеона, кажется этим трусливым натурам какой-то безмерной дерзостью, делом несбыточным, способным породить страшные беспорядки в общественной экономике России»¹⁸⁹. Симптоматично появление исследования Н. Соловьева, продолжавшего настаивать, «что основания наших законов и судопроизводства превосходны, если бы пересмотреть их вновь и изложить согласно настоящему требованию обстоятельств»¹⁹⁰. Неодобрение судебной реформы косвенно выразили и «Московские ведомости» М. А. Каткова, хранившие полнейшее молчание об «Основных положениях» почти пять месяцев. Только 14 февраля 1863 г. появилась первая статья на эту тему – «Будущее мировых судей». В ней критиковался «краеугольный камень» судебной реформы, сведенный, по мнению газеты, до уровня «второстепенного института». Только «соединение в одном лице земских прав и обязанностей с правом местного суда и расправы может соответствовать современным потребностям, нравственным и умственным силам нашего общества». Здесь просматривался образ реакционных земских начальников, заменивших в 1889 г. мировой суд. Следующая публикация 17 апреля по судебной реформе также посвящалась мировому суду. Пристальное внимание к этому институту объяснялось его важностью. «Московские ведомости» видели «будущее мировой юстиции в почетных мировых судьях по сути дворянского института». Их учреждение – «вот искомое начало нашего будущего самоуправления»¹⁹¹. Аналогичные мысли высказала «Весть» (1864. № 7): «В будущем институте почетных мировых судей мы видим главный источник и силу истинного самоуправления, гораздо более, чем в самих земских учреждениях. Будущий институт мировых почетных судей избавит нас от недостатков, которыми страдает местная администрация, и водворит истинное благоустройство в нашей деревне» (с. 9). «Библиотека для чтения», наоборот, критиковала мировой суд за слишком большую компетенцию, видя в ней «право делать безответственно все то, что даже теперешние становые и исправники делали под угрозой ответственности»¹⁹². О судьбах института мировой юстиции рассуждал П. Ткачев. Он полагал, что характер этого института (демократический или аристократический) определится имущественным цензом кандидатов в мировые судьи, не урегулированным в «Основных положениях». Если ценз будет велик, то мировой суд станет аристократическим учреждением, если незначителен – демократическим. «Допустить до избрания в мировые судьи, – заключил Ткачев, – только или, по крайней мере почти только, одних помещиков, да еще и многоземельных, значит убить в начале, в самом зародыше наши мировые учреждения, сделать мировой суд непопулярным, ненавистным для народа, уничтожить в народе всякое к нему доверие, а мировой суд без доверия... худшая нелепость из всех нелепостей»¹⁹³.

Высоко оценила судебную реформу иностранная печать, осведомленная о ней, несмотря на подготовку «келейным образом». Вместе с тем было выражено сомнение, что правительство воплотит реформу в жизнь¹⁹⁴.

Особый интерес представляли публикации, пояснявшие программу судебных преобразований, нацеленные на завоевание общественного мнения. Их анонимные авторы – члены комиссии¹⁹⁵, готовившей «Основные положения», поясняли мотивы введения институтов. Увидели свет работы С. И. Зарудного «О реформе судопроизводства в Италии»¹⁹⁶, Н. А. Буцковского «О доказательствах в уголовном судопроизводстве»¹⁹⁷. Авторы аргументировали центральные новеллы реформ: Сенат с кассационными полномочиями и теория доказательств, основанная на внутреннем убеждении. С. И. Зарудный поместил обширные статьи, разъяснявшие судебные преобразования, в либеральной газете «Голос»¹⁹⁸. Нельзя умолчать и о статье «По поводу судебной реформы»¹⁹⁹, подготовленной, по-видимому, тоже С. И. Зарудным. Отстаивая радикализм преобразований, он заявлял: «Полумеры не могли привести ни к чему. Здание новой юстиции должно быть построено на слишком

прочных основаниях, чтобы его не разрушила та болотистая почва, на которой его нужно было строить». При этом «отцы» реформы опасались, «что многие формы были бы преждевременны для наших общественных и судебных нравов», поэтому избежали «излишне широкого развития частного обвинения в уголовном процессе». Суд присяжных имел в России не политическое, а «одно юридическое значение». Авторы «Основных положений» стремились в конечном счете дать «процессуальным формам именно такую организацию, которая наиболее сообразна с сокращенными общественными отношениями и которая поэтому может дать этим формам наибольшую силу. Так, гласность²⁰⁰ на предварительном следствии может быть установлена у нас, не иначе как подвергая слишком большой опасности интерес общества, интерес уголовного преследования». Народ, освободившийся от крепостной зависимости, считал автор, сер и запуган, не верит в юстицию, а «интерес общественный слишком важен для того, чтобы можно было оправдать грубое нарушение равновесия между обвинением и защитой в пользу последней»²⁰¹. Понимая, что «монополярная адвокатура представляет многие недостатки», С. И. Зарудный²⁰² полагал отказ от нее еще большим «злом».

Для установления свободной адвокатуры и неразрывной с ней равноправности присяжных и частных поверенных законодателю пришлось бы или открыть широкое поле произволу суда, «дав ему недоступное точному определению право устранять от ходатайства неблагонадежных людей, или же стеснить материальные права защиты для того, чтобы гарантировать суд от недобросовестных адвокатов, то есть лишить защиту тех условий, без которых она будет пустым призраком»²⁰³.

§ 5. РАЗВИТИЕ СУДЕБНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ В СУДЕБНЫХ УСТАВАХ 1864 ГОДА

27 сентября 1862 г. Александр II утвердил доклад Государственного секретаря В. П. Буткова, планировавшего дальнейшие законодательные работы. Судебные уставы следовало разработать в Государственной канцелярии комиссии под руководством Государственного секретаря. В нее должны были войти чиновники II отделения с. е. и. в. канцелярии, Государственной канцелярии и министерства юстиции по выбору Буткова. Он мог приглашать и иных лиц. Законопроекты следовало подготовить к 15 января 1863 г., затем сообщить II отделению и министерству юстиции, которые обязаны представить замечания в шестимесячный срок, «дабы Государственный Совет мог приступить к их рассмотрению и обсуждению»²⁰⁴. Столь короткий срок всех «конфузит... не знают, что делать», – писал в этой связи К. П. Победоносцев²⁰⁵. Поспешность, с которой самодержавие стремилось к судебным уставам, свидетельствовала о потребности в судебных преобразованиях.

В комиссию вошли авторы проекта «Основных положений», «лучшие силы почти из всех ведомств, преимущественного судебного, и со всех концов России». Среди членов комиссии были: В. П. Бутков – председатель, А. М. Плавский – зам. председателя, А. П. Вилинбахов – экспедитор Государственной канцелярии, исполняющий обязанности делопроизводителя комиссии; С. И. Зарудный и П. А. Зубов – статс-секретари Государственного Совета; Д. П. Шубин, Я. Г. Есипович, М. С. Волконский; А. С. Любимов – помощники статс-секретаря Государственного Совета; А. Д. Желтухин – секретарь председателя департамента законов Государственного Совета; Б. И. Утин – магистр права; П. Н. Даневский, Е. А. Перетц, Е. И. Бреверн, А. Ф. Бычков – сотрудники II отделения с. е. и. в. канцелярии; Н. А. Буцковский – обер-прокурор общего собрания московских департаментов Правительствующего сената; К. П. Победоносцев – обер-секретарь общего собрания Сената; П. П. Крейтерн; О. И. Квист; Г. К. Репинский; Е. В. Врангель – директор департамента министерства юстиции; Н. В. Калачев – член консультации министерства юстиции; А. А. Книрим, Н. И. Розанов – вице-директор медицинского департамента министерства внутренних дел; М. И. Зарудный – сотрудник того же министерства; М. Е. Ковалевский – председатель Петербургской уголовной палаты; С. Н. Щечков – председатель Курской гражданской палаты; В. И. Боршевский – товарищ председателя Черниговской гражданской палаты; В. И. Гурий – това-

рищ председателя Екатеринославской гражданской палаты; Д. А. Ровинский – московский губернский прокурор; Н. Г. Принтц – Симбирский губернский прокурор; А. П. Попов – Могилевский губернский прокурор.

Комиссия разделилась на три отделения: 1. Судоустройства в составе: А. М. Плавского – председателя и членов – А. Д. Желтухина, П. П. Крейтерна, барона Е. В. Врангеля, П. Н. Даневого, Н. Г. Принтца, Д. А. Ровинского; 2. Уголовного судопроизводства в составе: Н. А. Буцковского – председателя и членов – Б. И. Утина, П. А. Зубова, М. И. Зарудного, Е. И. Бреверна, Я. Г. Есиповича, М. Е. Ковалевского, А. С. Любимова, А. П. Попова, Е. А. Перетца, А. И. Розова, Н. Г. Принтца; 3. Гражданского под председательством С. И. Зарудного и членов – А. А. Книрима, А. Ф. Бычкова, А. П. Вилинбахова, Н. В. Калачева, О. И. Квиста, В. И. Гурина, кн. М. С. Волконского, К. П. Победоносцева, Г. К. Репинского, Д. П. Шубина, С. П. Шечкова.

Отделения комиссии разрабатывали и обсуждали на своих заседаниях соответствующие нормы и институты проектов судебных уставов. В необходимых случаях собирались вместе на общее собрание. Кроме постоянного состава в ней участвовали различные специалисты, «начиная от профессоров университета и кончая полицейскими чиновниками»²⁰⁶. Представительный и компетентный состав не исключал трудностей. Комиссия, сообщив 15 января 1863 г. Бутков в докладе «О положении в Государственной канцелярии работ по составлению судопроизводства и судоустройства», осознала, что ей недостает многих данных для развития «Положений» сообразно местным обстоятельствам и особенностям разных частей обширной и разнообразной империи. «Для пополнения... сего недостатка» комиссия решила обратиться через газеты «ко всем вообще желающим содействовать успеху преобразований реформ» с просьбой дать замечания и соображения «относительно развития основных положений в применении оных к разным местностям нашего отечества»²⁰⁷.

Как видно, реформаторы оценили пользу гласности и обратились к общественности²⁰⁸.

Два члена комиссии – М. Е. Ковалевский и Д. А. Ровинский – командировались для сбора сведений на местах с целью облегчить осуществление судебной реформы. Первый – в Санкт-Петербургскую, Псковскую, Олонецкую, Новгородскую, Архангельскую губернии. Второй – в Московскую, Тверскую, Владимирскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Ярославскую²⁰⁹. 8 октября 1862 г. разослали 1400 экземпляров «Основных положений» различным ведомствам и лицам с тем, чтобы к 1 декабря 1862 г. они представили заключения.

Было получено 395 отзывов. Большинство (306) от чиновников, к которым обращались с предписанием дать замечания. Немногочисленные (89) – добровольные отклики. Недоверчивое отношение широкой общественности²¹⁰ к судебной реформе отражало низкий уровень общественного сознания, пассивное отношение к общественным интересам, сформированное многовековым отсутствием правовой законности, крепостническими отношениями. О неразвитости правосознания свидетельствовала пестрота отзывов²¹¹. Никто не отрицал преобразований. Предложения сводились к тому, как лучше обеспечить посредством судебно-процессуальных новшеств правовую законность в России. Например, следовало лишить губернаторов прав проверять списки кандидатов в присяжные поверенные и мировые судьи, что дополнительно гарантирует невмешательство административной власти в судебные дела. В предложении «отстранить полицию от производства дознания» проглядывало недоверие к исправительной власти. Заявления об отстранении депутатов от сословий при производстве следствия, публичности следственных действий являлись реакцией на злоупотребления следователей в старом суде. Немало голосов раздавалось за демократизацию института присяжных: «исключить условие о владении недвижимую или движимую собственностью для занесения в списки присяжных заседателей», распространить суд присяжных на дела по государственным преступлениям. Одобрение вызвали гласность и публичность суда. Центральное место в отзывах отводилось мировому суду. За предложениями изменить принцип выборности мировых судей, их назначением правительством «на бессрочное время» виделось желание последовательно осуществить принципы буржуазного судопроизводства, считавшего несменяемость судей гарантией их

независимости. Стабильным было желание допустить в мировые судьи и не владеющих недвижимой собственностью. Высказывалось сомнение в организации съезда мировых судей как второй инстанции мировой юстиции²¹².

Замечания учитывались составителями судебных уставов, но не оказали на уставы существенного влияния.

«В течение двух лет, вспоминал член комиссии Шубин, – работа в комиссии кипела: было написано и напечатано многое, множество материалов и проектов по всем частям». Работы обсуждались на совещаниях, «переделывались, вновь печатались и обсуждались... Для заседаний не щадили ни времени, ни трудов; работающие собирались днем и по вечерам. Споров между ними было множество. Выступали ораторы всякого рода: и скромные, и задорные, и уклончивые»²¹³. Фактически руководил работами С. И. Зарудный. Он свидетельствовал: «При составлении проектов гражданского и уголовного судопроизводства почти все иностранные кодексы были под руками членов комиссии, но не для подражания, а в видах разъяснения общих вопросов с теоретической точки зрения, и возникавшие о введении той или иной статьи иностранных кодексов предложения, обсуждались подробно и по большей части отвергались»²¹⁴.

Острые разногласия в комиссии возникли при обсуждении статуса мировой юстиции. Волновал имущественный ценз. 20 членов (Шубин, Зарудный и др.) считали необходимым снизить ценз для кандидатов в мировые судьи до 100 руб. Иначе «произошел бы недостаток в мировых судьях»²¹⁵. 8 членов (Буцковский, Ровинский, Даневский и др.) полагали увеличить его до 500 руб., поскольку доход в 100 руб. «слишком недостаточен для мировых судей... в должности которых правительство надеется видеть лучших земских людей – всеми уважаемых земских землевладельцев. Снижение ценза в пять раз по сути упразднит его. Ценз установлен для авторитета мирового института, сохранения его независимости»²¹⁶. Буцковский предложил снизить ценз до 300 руб. Плавский и Утин – не требовать «от лиц, окончивших вуз, никакой недвижимой собственности»²¹⁷. Дискутировали о порядке формирования мировых судей. Инициатива избирать мировых судей по каждому участку путем расширения избирательных прав жителей не нашла поддержки. Большинство (21 против 7) решили избирать мировых судей на земских собраниях²¹⁸. Зарудный и Ровинский предложили избирать участковых и почетных мировых судей. К ним присоединилось шесть человек. Избранные утверждались монархом. В конце каждого трехлетия I департамент Сената составлял «новый список мировых судей на следующее трехлетие, который утверждается и публикуется». Внесенные в этот список считались утвержденными на новый срок, «а не внесенные в оный, выбывшими». На вакантные места избирались кандидаты. Дополнительный список вновь избранных мировых судей утверждался монархом²¹⁹.

В этом усложненном порядке формирования основного звена судоустройства – мировой юстиции усматривался поиск такой ее формы, которая исключила бы неудобство выборов судей, поставила их в зависимость от избирателей. 20 членов (Буцковский, Плавский и др.) не приняли это предложение, поскольку общество лишится «права контроля за избранием судей», перестанет ему доверять²²⁰.

Члены комиссии – авторы «Основных положений» настаивали на их неизменности²²¹. Поэтому отвергли институт кандидатов в мировые судьи, не предусмотренный ранее²²².

Соединенные департаменты разрешили окончательно вопрос о том, что мировой судья в своей деятельности должен руководствоваться законом, а не обычаем. В этой связи они констатировали: «Чтобы устанавливаемые для мирового судопроизводства правила получили правильное применение и чтобы мировой судья с самого начала усвоил себе тот характер деятельности, который предназначался ему по мысли законодателя, необходимо точнее выразить в проекте, что оценка представляющихся в деле доказательств производится им по совести и что лишь разрешение юридического вопроса в деле не может противоречить закону». Местные обычаи можно применять мировому судье «лишь в тех случаях, когда применение их дозволяется законом, или в случаях, не разрешенных в законе»²²³. Используя обычай в решении дела, судья не обязан для его подтверждения приглашать местных жителей (как это предусматривалось проектом устава), поскольку, по

мнению Соединенных департаментов, такая процессуальная гарантия неизбежно замедлит и усложнит судопроизводство в мировых судах²²⁴.

Государственный Совет окончательно постановил, что жалобы на решения мирового суда подаются в адрес мирового съезда. Апелляция на решения последнего – в Сенат. Тем самым были сняты разногласия, возникшие в комиссии при подготовке проекта устава гражданского судопроизводства. Часть ее членов выступала за подачу апелляций в Сенат, другая – в судебную палату. Соединенные департаменты, считая Сенат лучшей апелляционной инстанцией, исходили из того, что палаты так же удалены от населения, как и Сенат, но в нем – лучшие юристы, и он направляет практику²²⁵. К тому же согласно «Основным положениям» преобразования судебной части отмена решений и приговоров суда вверялась только кассационным департаментам Сената, учрежденного «с тою именно целью, чтобы охранять правильное и единообразное применение законов всеми судебными местами империи. Предоставить отмену приговоров мировых судов судебным палатам – значило бы уклониться от этой цели и допустить столько же различных толкований закона, сколько будет палат». Отмена «судебных решений составляет столь важное в государственном отношении право, – заключили соединенные департаменты, – что оно может быть вверено лишь верховному месту судебного управления» – Сенату²²⁶.

Четко были означены основания для отмены решений мировых судей. Среди них: а) когда мировой судья решит дело, ему не подсудное, или не удовлетворит ходатайство о справедливом отводе; б) когда судья приговорит кого-либо к наказанию без вызова обвиняемого в суд; в) когда он определит наказание за такое деяние, которое по закону не признается преступным или погашено давностью, примирением или вошедшим в силу судебным решением; г) когда в приговоре нет оснований и законов, «по которым он постановляется»; д) если судья назначит меру наказания выше означенной в законе²²⁷.

Последовательно проводя принципы состязательного судопроизводства, соединенные департаменты допустили следующее положение: «Во время словесного состязания тяжущихся» они вправе «приводить новые доводы и доказательства, не помещенные в поданных ими в суде бумагах». Но при этом стороны не могли выдвигать новые требования.

Государственный совет не согласился с мнением комиссии, считавшей, что если одна из спорящих сторон явится, а другая – нет, то «суд не приступает к постановлению решения, а производит вторичный вызов тяжущихся». По его мнению, правило это поведет к промедлению производства и к стеснению явившихся ответчиков. Поэтому в Устав гражданского судопроизводства были введены статьи, предоставлявшие право ответчику принести апелляцию судебной палате уже после принятия решения судом (ст. 573, 574) и др.²²⁸

С оригинальным предложением выступил в соединенных департаментах министр внутренних дел П. А. Валувев. Он предложил «одно из двух: или возложить производство» дознаний и предварительных расследований незначительных преступлений, за совершение которых не предусматривалось лишение или ограничение прав состояния, на полицию (остальные дела «большой важности» расследует судебный следователь), или же «существующее учреждение судебных следователей вовсе упразднить с тем, чтобы все обязанности, которые возлагаются проектом на судебных следователей, были отнесены к мировым судьям»²²⁹.

Предложение Валувева явилось своеобразной реакцией на ограничение судебными преобразованиями полицейской (административной) власти. Это поняли реформаторы²³⁰, отвергнув его. Хотя позиция министра внутренних дел противоречила «Основным положениям преобразования судебной части в России», и уже поэтому была несостоятельна, решили обсудить его аргументацию. Вопрос имел принципиальное значение. Соединенные департаменты признали недостаточную эффективность деятельности судебных следователей. Но этот институт находился в неблагоприятных условиях, поскольку сопредельные органы и институты не были реформированы. Судебные следователи, резюмировали соединенные департаменты, содержат множество «зачатков к более правильному развитию в то время, когда оно поставлено будет в органическую связь с правильною системою судопроизводства». Если возложить расследование менее важных дел на полицию, то «неминуе-

мо обнаружались бы все те капитальные недостатки следствия, которые побудили законодательную власть к безотлагательному учреждению судебных следователей, не выжидая преобразования других частей судоустройства и судопроизводства.

При расследовании тяжких преступлений следователи не могли бы качественно соединить сыск и следствие, утратив неизбежно «характер беспристрастных судей – как в дознании и розыске никто не может заменить полицию, которая находится в непосредственном соприкосновении с населением и при самом исполнении своих многообразных обязанностей по полицейской части открывает преступления и проступки, так и судебной части никто не может заменить судью и тем не менее может занять его место полицейский чиновник, как низший орган обвинительной власти, от соединения которой с судебной властью в руках одного следователя нельзя ожидать беспристрастных с его стороны действий».

Если вменить в обязанность мирового судьи расследовать преступление, то он лишится независимости, поскольку за следствием наблюдает прокурор. «Должность мирового судьи делается столь зависимою и беспокойною, что никто из людей самостоятельных и достойных не пожелает быть мировым судьей»²³¹.

Оберегая независимость мировой юстиции, соединенные департаменты отклонили содержащееся в проекте предложение о том, что если полиция бездействует, то мировой судья самостоятельно совершает следственные действия. Подобное право поставит его в зависимость от прокурора.

Не нашло поддержки в Государственном Совете и предложение П. А. Валуева оставить за полицейским начальством «наложение дисциплинарных взысканий на полицейские чины за упущения и беспорядки по исполнению следственных действий». Оно было отвергнуто на том основании, что только судебная власть способна квалифицированно определить характер упущений полиции. Именно наложение взысканий на чиновников полицейского ведомства начальством «за неправильные их действия по следственной части было главною причиною равнодушия сих чинов» к исполнению следственных действий, которые «начальство их, не без основания, всегда считало побочным для себя делом, и потому оказывалось снисходительно даже тогда, когда судебные места находили самые важные упущения и беспорядки». Без добросовестного исполнения полицией, дисциплинарно ответственной перед судебными местами, своих обязанностей, подчеркнули соединенные департаменты, – «невозможно ожидать никакого успеха по следственной части, и тщетны будут все другие улучшения устава уголовного судопроизводства»²³². Взыскание на полицейского должно возлагаться окружным судом по представлению прокурора, надзирающего за следствием.

Не могли прийти к единому мнению при обсуждении статуса присяжных поверенных. 13 членов комиссии во главе с С. И. Зарудным настаивали на праве каждого адвоката заниматься правозащитничеством по всей стране. Большинство (18 человек) осудили это, поскольку «1) в большинстве наших (российских. – М. К.) городов, в которых будут окружные суды, не образуется достаточного числа присяжных поверенных²³³ и 2) что по недостаточному числу их тяжущие и подсудимые должны будут обращаться к нынешним ходатаям по делам, тогда как при дозволении обращаться с просьбою о словесной защите к присяжным поверенным, живущим в больших центрах населения, у нынешних ходатаев по делам останетя только одна письменная подготовка процессов»²³⁴. Это неизбежно приведет к усилению роли неофициальных ходатаев по делам. По поводу возникших разногласий Победоносцев 23 декабря 1862 г. записал: «Заседание комиссии. Партия стряпчих, т.е. Книрим и Репинский торжествуют по вопросу об избрании местожительства в городе. Зарудный в отчаянии»²³⁵.

Отвергли соединенные департаменты предложение о допуске на предварительное следствие адвоката. Мотивировка сводилась к следующему: «При предварительном следствии весьма трудно поставить такого защитника в надлежащие границы и нельзя не опасаться, что он сочтет своею обязанностью противодействовать собранию обвинительных доказательств и способствовать обвиняемому в сокрытии следов преступления. В этих

видах «Основными положениями» не только не установлено назначения защитников при предварительном следствии, но и отменены депутаты от сословий. Это сделано потому, что они могли преждевременно разглашать материалы следствия и воспрепятствовать тем самым изобличению виновного». Как видно, реформаторы заботились об эффективности обвинительной власти²³⁶.

Неоднозначно решался вопрос о том, можно ли доверить хождение по делу и не адвокату. Большинство (Плавский, Зарудный, Ровинский и др.) осудили такую практику, поскольку судебная реформа предполагала «вызвать к жизни класс сведущих и добросовестных поверенных». Таковыми могли стать лица, имеющие высшее юридическое образование, объединенные в корпорацию²³⁷.

Проекты судебных уставов рассматривались в Государственном Совете в мае – июле 1864 г. В заседаниях очевидна тенденция усилить административное влияние на юстицию. Так, министр внутренних дел П. А. Валуев предлагал лишить прокурора права привлекать к ответственности полицейских, ибо наказание за «противозаконные действия по следствию должно зависеть непосредственно от надлежащего начальства»²³⁸. Предложение отвергли, поскольку «такой порядок наложения взысканий» был «главную причину равнодушия» полицейских чиновников к своим обязанностям. Было также высказано, что при рассмотрении в судах должностных преступлений целесообразно присоединить к «составу суда депутатов от местного высшего начальства подсудимого»²³⁹. Это предложение также отвергли, поскольку оно противоречило «Основным положениям»²⁴⁰.

Пристальное внимание уделялось независимости адвокатуры. При обсуждении статуса присяжных поверенных отвергли предложение предоставить право профессорам юридических факультетов заниматься адвокатской деятельностью. Приведенные в этой связи аргументы знаменательны: «По проекту в число присяжных поверенных не допускаются вообще лица, состоящие на службе», поскольку «от них как подчиненных по роду их службы различным начальствам и несущих разные обязанности нельзя ожидать ни той независимости, которая признается необходимою для присяжных поверенных, ни той свободы располагать своим временем, без которой невозможно исполнить многочисленные обязанности, соединенные с званием присяжного поверенного. Все эти причины существуют в отношении профессоров точно так же, как и в отношении лиц, состоящих на государственной службе; профессора так же, как и прочие чиновники, подчинены своему начальству»²⁴¹.

Осудил Валуев и установленный проектом низкий ценз в 100 р. для кандидатов в мировые судьи, поскольку он не соответствовал высокому имущественному цензу для избрания гласных в земские учреждения²⁴². Соединенные департаменты согласились с замечанием министра внутренних дел, под формальной аргументацией которого маскировалось нежелание демократизации мирового суда. Здесь Валуев выражал взгляды консервативного дворянства, видевшего в низком имущественном цензе демократические тенденции, за которыми «может скрываться серьезная опасность»²⁴³. Эта опасность виделась²⁴⁴ в переходе мировой юстиции не «в руки местных землевладельцев», а «либерально-демократического чиновничества из осколков петербургского умственного пролетариата», что приведет к «просвещенной диктатуре над местным населением». Избежать этого можно, сохраняя «власть на местах в руках поземельного дворянства»²⁴⁵.

Соединенные департаменты исключали возможность участия адвоката на предварительном следствии. Суть аргументов сводилась к следующему: «При предварительном следствии трудно поставить защитника в надлежащие границы и ...нельзя не опасаться, что он сочтет своей обязанностью противодействовать обвиняемому в сокрытии следов преступления»²⁴⁶.

17 апреля 1863 г. был утвержден царем и опубликован принятый ранее Государственным Советом²⁴⁷ закон об отмене телесных наказаний. Он состоял из трех самостоятельных разделов. Первый изменял систему наказаний уголовных и исправительных «по гражданскому ведомству», второй – по военно-сухопутному, третий – по военно-морскому²⁴⁸. Конс-

татировалось, что к гражданским и военным чинам, которые за совершение преступления должны подвергаться основным наказаниям (каторжным работам, направлениям в арестантские роты и т.п.) и дополнительным телесным, последние впредь не применять. Упразднялось клеймение осужденных. Женщины освобождались от всех телесных наказаний. Сокращались сроки работ в исправительных арестантских ротах в три раза – с 12 до 4 лет. Однако допускалось сечение розгами. Статья VIII гласила: «Когда в законе определяется за какое-либо преступление или проступок заключение в тюрьме, или в смирительном, или рабочем доме, или же кратковременный арест, или обращение в общественные работы – назначать сии карательные меры, не заменяя оных розгами и для виновных, не изъяты от телесных наказаний, кроме тех лишь случаев, в коих предстается явная невозможность определить одну из вышеупомянутых мер». Поскольку в России специальных мест заключения было недостаточно, разгул розги был неизбежен. Расширялась однако категория лиц, не подлежащих телесным наказаниям. К ним относились: духовенство нехристианских исповеданий, учителя школ, получившие среднее и высшее образование, крестьяне, занимающие выборные общественные должности.

В сухопутной армии и на флоте отменялись прогнание сквозь строй, шпицрутены и «кошки». Однако за преступления, за которые ранее предусматривались эти наказания, допускалось сечение розгами до 200 ударов. Содержалась оговорка, что подобная мера временная, существующая «впредь до устройства специальных мест лишения свободы». На флоте допускалось во время плавания наказание «нижних чинов» линьками (до 100 ударов). Начальство получало право назначать сечение розгами до 50 ударов солдат и матросов, тех из них, кто переведен в «разряд штрафных». Такой перевод мог осуществляться приговором суда с санкции полкового командира. Для ограничения произвола офицеров закон перечислял нарушения, за которые назначались телесные наказания.

Совершенно очевидно, что Закон о реформе телесных наказаний от 17 апреля 1863 г. был непоследовательным и во многом противоречивым. Наряду с прогрессивными институтами, смягчающими и отменяющими жесткие санкции уголовно-правовых норм, уживались и архаичные. Причины этого коренились в своеобразии социально-экономических процессов, происходивших в России. Отмена крепостного права открывала путь капиталистическому развитию страны, предполагавшему равенство субъектов правоотношений. На идее такого равенства основывалась реформа. Изменяя судопроизводство и судоустройство в соответствии с буржуазными принципами, нельзя было оставлять феодальную систему наказаний. Например, то, что мировой суд – «краеугольный камень» судебной реформы – должен был в составе одного судьи назначать наказания за маловажные преступления и проступки. Негуманная система уголовной репрессии, которую должны были применять мировые судьи, с неизбежностью дискредитировала в глазах населения институт мировой юстиции. Такая опасность побуждала реформаторов отменить телесные наказания, реформа которых в широком смысле может считаться составной частью судебных преобразований. Далеко не случайно обсуждение в Государственном Совете законопроекта об отмене телесных наказаний в мае 1862 г. совпало с рассмотрением «Основных положений преобразования судебной части в России». Более того, оба законопроекта принимались одним и тем же составом соединенных департаментов.

Буржуазная по своей направленности реформа телесных наказаний готовилась и осуществлялась дворянской бюрократией в условиях самодержавной государственности. По своей классовой сущности эта социальная сила не могла последовательно реализовать буржуазные принципы. Отсюда половинчатость и непоследовательность реформы телесных наказаний.

И тем не менее реформа телесных наказаний 1863 г. имела прогрессивное значение, составив, по выражению А. В. Никитенко, «эпоху в истории русского народа»²⁴⁹. Она отменила веками существовавшую систему изуверских истязаний, способствовала утверждению статуса неприкосновенности личности, осознанию человеком своей социальной ценности, воспитанию уважения к его достоинству.

Судебные уставы, принятые Государственным Советом, были утверждены 20 ноября 1864 г. и опубликованы²⁵⁰. В Указе Правительствующего сената говорилось по этому поводу: «Водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние, и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого от высшего до низшего»²⁵¹.

Уставы состояли из четырех книг: 1) Устав гражданского судопроизводства; 2) Устав уголовного судопроизводства; 3) Учреждение судебных установлений; 4) Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Уставы воспроизводили «Основные положения преобразования судебной части в России», развивали их.

Учреждением судебных установлений закреплялась судебная система. Очевидные изменения по сравнению с программой судебной реформы получил мировой суд, что явилось результатом столкновения взглядов на его природу. Так, ст. 19 Устава представляла возможность баллотировки в мировые судьи не только имевшим собственность (как это предусматривалось «Основными положениями»), но и тем, чьи родители, жена владели «хотя бы и в разных местах» землей «вдвое против того, которое определено для непосредственного участия в избрании гласных в уездные земские собрания... или недвижимым имуществом ценою не ниже 15 тысяч рублей». Земское собрание, на котором выбирались мировые судьи, получало право «предоставить звание мирового судьи и таким лицам», которые хотя и не соответствуют цензам, «но приобрели общественное доверие и уважение своими заслугами и полезною деятельностью» (ст. 34). Избрание считалось состоявшимся только при единогласном решении. Уездный предводитель дворянства по соглашению с городским головою составлял список кандидатур в мировые судьи, которые утверждались Сенатом (ст. 87). Мировые судьи, участковые и почетные, избирались на три года. Они считались равными в правах, хотя почетные судьи не получали содержания, а их юрисдикция распространялась на «пространство всего мирового округа» (ст. 47–50). Мировые судьи получили право решать дела по искам до 500 руб., искам о личных обидах и оскорблениях, малозначительные уголовные дела и некоторые другие. Вынося решение, они могли назначить штраф до 300 руб., объявить выговор, замечание и внушение, подвергнуть аресту сроком до 3 месяцев, заключить в тюрьму сроком до 1 года. Приговор мирового судьи мог быть обжалован на съезде мировых судей, который выступал как кассационная инстанция и собирался по мере необходимости «для окончательного решения дел, подлежащих мировому разбирательству» (ст. 51). Помимо этого, съезд мировых судей осуществлял «непосредственный надзор за мировыми судьями» округа. Высший надзор за всеми вообще мировыми судьями, так же как и за их съездами, сосредотачивался в кассационном департаменте Сената и в лице министра юстиции» (ст. 64)²⁵².

Анализируя статус мировой юстиции, нельзя не обратить внимания на то, что мировой суд, с одной стороны, был обособлен от общей судебной системы, а с другой – подчинен высшему судебному органу – Сенату. Такое противоречие объяснялось отсутствием единой концепции мировой юстиции среди реформаторов судебной системы России. Славянофильские воззрения, доминировавшие первоначально, отступили перед традиционными взглядами на суд как орган, призванный разрешать споры на основании закона.

Следует отметить, что организация мировой юстиции с обособлением от общей судебной системы не имела аналогов в мировой практике и не была похожа на свои прототипы ни в Англии, ни во Франции²⁵³.

Для избрания присяжных заседателей предполагался имущественный ценз: не менее 100 десятин земли или иное недвижимое имущество ценою от 2,0 тысяч до 500 руб., или «жалование, или доход от своего капитала, занятия, ремесла или промысла» в сумме от 200 до 500 руб. В этом довольно высоком имущественном цензе реформаторы видели гарантию деятельности суда присяжных для сохранения правосудия. «Имущественный ценз, – заявляли они, – должен быть... довольно высок; иначе в присяжные поступали бы лица

бедные, не имеющие достаточного образования и недовольно развитые» для исполнения своих обязанностей. Высокий имущественный ценз – гарантия «заботливости в сохранении общественной и частной собственности и законного порядка»²⁵⁴.

Судебными уставами вводился также служебный ценз, представляющий право быть присяжным без учета имущественного положения. Такая новелла не знала аналогов в мировой практике. В общие списки включались «все состоящие в государственной гражданской службе по определению от правительства, в должности пятого и ниже классов... все состоящие на местной службе по выборам дворянских и городских обществ», крестьяне, занимавшие не менее трех лет выборные должности сельских старост, старшин и др. (ст. 84).

Имевшие право быть присяжными вносились в общие списки особыми временными комиссиями, назначаемыми в уездах земскими собраниями, а в столицах соединенными департаментами общих городских дум и местных уездных земских собраний. Комиссии ежегодно и дополняли списки. Последние представлялись губернатору, который проверял соблюдение закона при их составлении. Он имел право исключать неправильно внесенных туда лиц с указанием причин. «Недовольные исключением, сделанным губернатором», могли жаловаться в Сенат. На основании общих списков составлялись очередные. Их составляли упомянутые комиссии, но «под председательством уездных предводителей дворянства и при участии одного из мировых судей уездного города» (ст. 85–108).

Очередные списки публиковались в губернской газете. Присяжные обязаны были явиться в суд для рассмотрения уголовных дел. Перед началом процесса отбиралось 30 человек. Стороны (обвинение и защита) могли отвести из этого состава по 6 присяжных без объяснения причин, «из числа неотведенных назначаются по жребию, – говорилось в ст. 653 устава уголовного судопроизводства, – для решения дела 12 комплектных и двое запасных присяжных заседателей». Они решали вопрос в виновности подсудимого, коронный суд назначал наказание.

Подробно регулировалось положение прокуратуры, признанной властью обвинительной для лиц, совершивших преступления, она же способствовала объективному разрешению дел посредством заключений по конкретным делам.

Главы «О внутреннем устройстве судебных мест» и «О наказании судебным местам», «О порядке сношения судебных мест и должностных лиц судебного ведомства» регулировали организационно-распорядительную деятельность должностных лиц юстиции. Подробно определялись прием, увольнение и передвижение должностных лиц судебного ведомства. В их четкой организации усматривали гарантии независимости в деятельности чиновников юстиции, законность выносимых ими решений. Так, констатировалось, что председатели, товарищи председателей, члены судебных мест, включая следователей, назначаются монархом по представлению министра юстиции (ст. 212, 243). Они не могут быть ни увольняемы без прошений... ни переводимы из одной местности в другую без их согласия»²⁵⁵. Судебные следователи переводились «из одного участка в другой» по «постановлению общего собрания отделений окружного суда, с представления прокурора сего суда, утвержденного министром юстиции»²⁵⁶. Для замещения судебных должностей определялись жесткие условия. В частности, членами окружного суда могли назначаться лица, прослужившие по судебной части не менее трех лет в званиях, «не ниже секретаря окружного суда» (ст. 203), присяжные поверенные со стажем не менее десяти лет, имевшие «свидетельство судебных мест, при которых они состояли, о ...безукоризненном отношении к своим обязанностям» (ст. 204). В столь жестких условиях проглядывало недоверие к адвокатуре.

Существенное развитие получил надзор за должностными лицами судебного ведомства. «Общий надзор за судебными установлениями и должностными лицами судебного ведомства сосредоточивается в лице министра юстиции как генерал-прокурора» – говорилось в ст. 254. Он имел широкие права ревизовать судебные места, налагать дисциплинарные взыскания (ст. 261–296). Современник в этой связи справедливо заметил: «Судебное сословие не получило предположенных исключительности и независимости, и министр со-

храняет значительную степень влияния непосредственно и чрез высочайшие учреждения. Этого надобно было и ожидать»²⁵⁷.

Санкционировали Судебные уставы институт ходатаев, сохранявшийся наряду с институтом присяжных поверенных. Его легализовала ст. 386: «Тяжущиеся сохраняют право являться в суд лично, равно как подавать просьбы и другие бумаги и доверять подачу их посторонним лицам»²⁵⁸. Эта норма рассматривалась потенциально как временная²⁵⁹, поскольку «в тех городах, где имеет жительство достаточное число присяжных поверенных, тяжущиеся могут давать доверенности на хождение по тяжёлым их делам, а также объяснить свои дела и требования без обязанности избирать присяжных поверенных» (ст. 387). Понятно, что число таких городов должно постоянно увеличиваться с развитием юридического образования в стране.

Организация адвокатуры в России с соответствующим правовым статусом ее членов не имела аналогов ни в одной из стран Европы. Она отличалась сравнительной самостоятельностью. Так, во всех государствах Европы, кроме Америки, за советом адвокатов надзирал прокурор. «Присяжные поверенные в судебном заседании были поставлены независимее, чем во Франции, от произвола суда и прокуроров. В судебных заседаниях судьи лишены права немедленно налагать на присяжных дисциплинарные взыскания»²⁶⁰.

Устав уголовного судопроизводства устанавливал смешанный следственно-состязательный процесс²⁶¹. Государство в лице следователя начинало по собственной инициативе уголовное преследование, велось оно тайно. Прав равной стороны за обвиняемым на предварительном расследовании не признавалось. Члены комиссии предполагали ввести адвоката на стадии предварительного расследования. Но отказались от этой идеи в связи с тем, что «при предварительном следствии трудно поставить защитника в надлежащие границы и нельзя не опасаться, что он сочтет своей обязанностью противодействовать собиранию обличительных документов и способствовать обвиняемому в сокрытии преступления»²⁶².

Резко розыскной характер предварительного расследования²⁶³ был смягчен составителями устава уголовного судопроизводства. Так, следователь был подконтролен прокурору (ст. 281)²⁶⁴, право участвующих в деле лиц подавать жалобы на «всякое следственное действие» (ст. 491, 509), которое разрешалось судом (ст. 501–508), и в судебном заседании – главной стадии судопроизводства, устно и гласно проверялись материалы предварительного следствия. Обвинение и защита являлись равными сторонами, имевшими право предъявлять доказательства виновности или невиновности подсудимого. Решение присяжными вопроса о вине подсудимого, по словам С. И. Зарудного, было «несколько ограничено»²⁶⁵. Председателю суда вменялось в обязанность объяснить присяжным: 1) существенные обстоятельства дела и законы, относящиеся к данному преступлению; 2) «общие юридические основания к суждению о силе доказательств, приведенных в пользу и против подсудимого» (ст. 801). Это делалось для того, «чтобы предостеречь их от всякого увлечения к обвинению или оправданию подсудимого» (ст. 801).

За мировым судьей сохранялась роль примирителя спорящих. Статья 120 констатировала: «В делах, которые могут быть прекращены примирением сторон, мировой судья обязан склонять их к миру и только в случае неуспеха в том приступать к постановлению приговора». В случае неуспеха он разрешал конфликт на основе «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». В нем давались формулировки правонарушения и допустимого наказания²⁶⁶. Появление «Устава» означало отказ от доминировавшей первоначально в среде реформаторов славянофильской концепции о мировой юстиции как суде по совести. На это обратил внимание К. Лебедев. «Против проектов и начал 1862 г., – писал он, – сделано существенное отступление. Мировые судьи судят по законам и им подписан особый устав о взысканиях и наказаниях, довольно широкий и довольно неполный»²⁶⁷.

Определенным изменением позиции в понимании задач мировой юстиции законодатель обязан стремлению ряда участников разработки проекта судебной реформы обособить институт мировой юстиции от общей системы судов. В этих условиях предоставление

мировому суду права решать по совести, а не по закону означало ослабление, если не потерю всякого влияния правительства на мировую юстицию.

Устав гражданского судопроизводства законодательно разрешал спор в среде реформаторов об основаниях вынесения решения мировым судьей по гражданским делам. Статья 129 предписывала оценивать по «совести» только доказательства. Решение допускалось выносить то, которое не противоречит закону. Приоритет закона над обычаем закреплялся в ст. 130, согласно которой обычай применялся только в случаях, «неразрешаемых законами». Подробно регулировалось производство дел мировыми съездами. Оно происходило гласно и публично в присутствии сторон (ст. 172–173). Предусматривалось мировое разрешение споров по соглашению сторон (ст. 178). Допускалось кассационное обжалование решений мировых съездов в Сенат в случае «нарушения прямого смысла закона или неправильного его толкования», существенного нарушения «обрядов и форм судопроизводства» (ст. 186).

Подтверждался состязательный порядок судопроизводства. В ст. 367 подчеркивалось: «Суд ни в каком случае не собирает сам доказательств или справок, а основывает решения исключительно на доказательствах, представленных тяжущимися»²⁶⁸.

Подробно характеризовались доказательства: показания свидетелей, документы, признание и др. (ст. 366–455). Определялись сила письменных доказательств (ст. 456–478), проверка доказательств (ст. 499–565). Особое внимание авторов судебных уставов к доказательствам – основе судопроизводства, объяснялось желанием максимально облегчить вынесение судом объективных решений.

Характеристика судебных уставов 20 ноября 1864 г. будет неполной без оценки Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Этот кодекс не обсуждался комиссией, разрабатывавшей судебные уставы, а был подготовлен II отделением с. е. и. в. канцелярии; 1, 9 июля и 30 сентября 1864 г. он рассматривался Государственным Советом и был утвержден монархом вместе с прочими судебными уставами.

По своей сути Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, представлял собой перечень извлеченных из Уложения о наказаниях 1845 г. проступков²⁶⁹, подлежащих рассмотрению мирового судьи с четким указанием санкций за их совершение. Так, ст. 1 «Устава о наказаниях» констатировала: «За проступки, означенные в сем уставе, мировые судьи определяют, на основании изложенных ниже правил, следующие наказания: 1) выговоры, замечания и внушения; 2) денежные взыскания не свыше 300 руб.; 3) арест не свыше трех месяцев и 4) заключение в тюрьме не свыше одного года»²⁷⁰. Его принятием подтверждалось окончательное решение реформаторов регламентировать юрисдикцию мирового судьи, исключить возможный произвол с его стороны, облегчить отправление правосудия. Это подтверждала структура кодекса, вводная часть которого напоминала наставления, которыми должен руководствоваться судья при разрешении дела. В ней, в частности, устанавливались случаи, когда мировой судья не должен наказывать правонарушителя, смягчающие и усугубляющие вину обстоятельства и т.п. (ст. ст. 9–14 и др.). Пояснения по поводу структуры кодекса дали его составители. Они писали: «Для устранения всякого повода к произволу единоличного состава суда, а также при возможности избрания в мировые судьи лиц, не получивших основательного юридического образования, признано полезным, по примеру многих иностранных судебно-полицейских кодексов, предпослать к настоящему уставу общую часть для руководства мировых судей при разрешении дел»²⁷¹.

Основная часть Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, содержала перечень конкретных правонарушений и наказаний за их совершение. Среди них: о проступках против «общественного благоустройства», «народного здоровья», «личной безопасности», «чужой собственности», «о нарушениях устава пожарного», «устава о паспортах» и т.п. Наказания, налагаемые за них, относились к каждому нарушителю без различия сословия, что подтверждало последовательное проведение принципа равенства всех перед правосудием, уголовным законом, закрепленным «Основными началами преобразования судебной части в России», Судебными уставами, указом 17 апреля 1863 г. об отмене телесных наказаний. Об этом заявляли составители Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями²⁷².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К XIX столетию государственно-правовая система России, базировавшаяся на крепостничестве, изжила себя, вступив в состояние кризиса. Острый кризис переживала и юстиция. Российское судопроизводство пронизывали инквизиционные принципы: оно было тайным, письменным с формальной оценкой доказательств, неравенством сторон, происходящим от сословности, с зависимостью суда от администрации. Судопроизводству соответствовала судебная система с множеством инстанций, по которым бесконечно следовали дела. Царил вопиющий произвол. Законность не существовала даже для представителей господствующего класса – дворянства. Необходима была судебная реформа. Ее предложил М. М. Сперанский, подготовивший законопроекты на основе принципов буржуазного правосудия. Против них выступили реакционеры-крепостники, опасавшиеся, что реформа правосудия ослабит устои крепостничества. Их идеологом стал Н. М. Карамзин, доказывавший необходимость разработки законодательства на основе «русских исторических начал», отличных от западноевропейских. Он предложил отказаться от подражаний «наполеонову кодексу» и систематизировать отечественное право. Реализация этой идеи привела к появлению «Свода законов Российской империи», который, несомненно, имел прогрессивное значение. Однако, являясь по сути феодальным источником права, он не мог изменить правосудие, обеспечить законность, создать юридические гарантии неприкосновенности личности посредством независимого аппарата юстиции, стоящего на страже законности. Это вполне соответствовало эпохе феодализма, детищем которого являлся «Свод законов».

Неудача попыток М. М. Сперанского реализовать замысел создания суда и правосудия на буржуазных принципах показала зависимость судебной реформы от отмены крепостного права, без которой осуществить преобразования суда и правосудия оказалось невозможно. Крепостничество стало непреодолимой преградой для развития судебного-процессуального законодательства.

Крымская война 1853–1856 гг., закончившаяся поражением царизма, обнажила пороки крепостничества. Правительство решилось отменить крепостное право – первопричину общественных пороков. Крестьянская реформа с неизбежностью вела к судебной. В то же время без коренного изменения основ судебного-процессуальной системы не могла осуществиться отмена крепостного права: изменение юридического статуса 22 млн ставшими свободными крестьян требовало судебного обеспечения.

Обозначались три направления во взглядах на судебную реформу. Первое олицетворял министр юстиции граф В. Н. Панин. Являясь реакционером-крепостником, он считал невозможными какие-либо изменения. Наиболее влиятельным представителем другого был глава II отделения с. е. и. в. канцелярии граф Д. Н. Блудов. Он хотел улучшить судопроизводство и судоустройство без существенных изменений, исправляя его одиозные недостатки путем синтеза «исторических начал» российского законодательства и элементов западноевропейского. Выразителем третьего направления стал директор комиссариатского департамента Морского министерства князь Д. А. Оболенский, считавший необходимым полностью отказаться от наследия прошлого в отечественном законодательстве, взяв за эталон институты, широко применяемые в судоустройстве и судопроизводстве стран Запада (ввести гласность, устность, состязательность, адвокатуру, упразднить формальную теорию доказательств и т.д.).

Реакционная позиция Панина не нашла поддержки. Борьба развернулась между направлениями, представляемыми Блудовым и Оболенским. Она прослеживается на протяжении всей судебной реформы. Первоначально позицию графа Д. Н. Блудова поддерживали влиятельные сановники и Александр II, но развитие «хода вещей» привело к изменению соотношения сил в правительственной и общественной среде и обусловило отказ от доктрины главы II отделения с. е. и. в. канцелярии о частичных улучшениях правосудия. Победила концепция полного отказа от «исторических начал» суда и правосудия и реформы

юстиции на «общечеловеческих началах». На этот процесс оказали влияние два фактора: 1. Решение правительства отменить крепостное право с наделением крестьян землей, т.е. создание многочисленного класса собственников. Это предполагало наличие аппарата юстиции, стоящего на страже собственности, неприкосновенности личности, коммерческой деятельности. Обстоятельства диктовали спешную организацию реформы правосудия, поскольку большинство господствующего класса дворянства и значительная часть бюрократии выступали противниками крестьянской реформы, могли бы сорвать ее. На юстицию можно было опереться, реализуя Положение 19 февраля 1861 г. 2. Реформа военно-морской и военно-сухопутной юстиции. Эти реформы явились частью реформ вооруженных сил страны, проводимых с учетом прогрессивных западноевропейских аналогов. Вполне понятно, что изменения судебно-процессуального законодательства могли осуществиться только на соответствующих передовых началах. Однако юстиция вооруженных сил не могла существовать на обособленных от общегражданского правосудия принципах. Поэтому подготовленные на передовых основах раньше общегражданских проекты судебной реформы вооруженных сил побуждали отказаться от паллиативных вариантов судебной реформы.

В результате поворота правительственного курса в судебной реформе ее подготовка перешла из II отделения, возглавляемого графом Д. Н. Блудовым, в Государственную канцелярию. Специальная комиссия разработала «Основные положения преобразования судебной части в России» и судебные уставы 1864 г., радикально изменившие правосудие. Судебная реформа была осуществлена дворянской бюрократией, осознавшей неизбежность буржуазного развития страны. Во имя сохранения принципиальных позиций дворянства она уступила прерогативы своего класса в области суда и правосудия. Судебная реформа, воплотив достижения мировой правовой мысли, явилась результатом социально-экономического, политического и культурного развития России.

Заложенный в судебных уставах судебно-процессуальный механизм, нацеленный на защиту личности от противоправных посягательств, основывался на принципах взаимных «сдержек» и «противовесов» участников судопроизводства, ограничивавших злоупотребления должностных лиц. Это создало реальные гарантии неприкосновенности собственности, личности, ее прав. Судебная реформа 1864 г. в России ограничила произвол административной власти, явившись первым шагом на пути создания правового государства в стране.

¹²⁰ См.: Журнал о главных началах, принятых соединенными департаментами законов и гражданских дел Государственного Совета при рассмотрении проекта нового устава гражданского судопроизводства 15 ноября 1857 г. и 8 мая 1859 г. // ОР и РК ГПБ. Ф. 637. Д. 289.

¹²¹ ЦГАОР. Ф. 782. Оп. 1. Д. 460. Л. 6 об.

¹²² Там же. Л. 7, 45.

¹²³ ЦГИА. Ф. 1162. Оп. 1, 1857. Д. 27. Л. 5.

¹²⁴ Там же. Л. 5, 13–15 об.

¹²⁵ Общая объяснительная записка по проекту положения о судоустройстве // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 4. С. 35.

¹²⁶ Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений // Материалы высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части. СПб., 1900. С. 253.

¹²⁷ ЦГИА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 16. Л. 357.

¹²⁸ Общая объяснительная записка по проекту положения о судоустройстве. С. 38.

¹²⁹ Проект положения о судоустройстве // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 4. С. 2.

¹³⁰ Общая объяснительная записка по проекту положения о судоустройстве. С. 40.

¹³¹ Мировой суд, по мнению видного судебного деятеля О. И. Квиста, принимавшего активное участие в обсуждении данного института, должен «ограждать права и личность нового государственного сословия» – крестьянства, вышедшего из крепостной зависимости. «Суд для этого сословия должен быть первою школою, элементарным обучением его гражданских прав, его правомерных отношений к обществу и к владельцу земли». Суд должен быть скорый, чтобы

оперативное «восстановление нарушенного права его (владельца земли. – М. К.) внушало ему потерянное у нас в народе уважение к закону» (ОР и РК ГПБ. Ф. 637. Д. 295. Л. 6, об 7).

¹³² См.: Объяснительная записка о порядке производства дел по маловажным преступлениям и проступкам, подлежащих ведомству судов мировых // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 4. С. 2.

¹³³ Там же. С. 4.

¹³⁴ Проект положения о судоустройстве. С. 1–4.

¹³⁵ ЦГИА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 17. Л. 63, 76.

¹³⁶ ОР и РК ГПБ. Ф. 379. Д. 187. Л. 1, 1 об.

¹³⁷ Отечественные записки. 1859. № 11: Раздел «Современная хроника». С. 26.

¹³⁸ Там же. С. 30.

¹³⁹ Русский вестник. 1859. № 12, кн. 2 : Внутреннее обозрение. С. 329–330.

¹⁴⁰ Современник. 1860. № 2. С. 243.

¹⁴¹ Государственный Совет, «признавая, что соединение магистратов и ратуш с уездными судами как мера новая требовало еще предварительного испытания в практическом его приложении, дабы правительство, не колеблясь, могло решиться на окончательное введение оной вместо существующего ныне порядка, который городские общества привыкли почитать своим правом», решил объединить магистраты с уездными судами в тех местах, на которые укажет министерство внутренних дел и министерство юстиции (см.: Записка магистра внутренних дел 1860 г. № 2610 о соединении магистратов и ратуш с уездными судами // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 68. С. 4).

¹⁴² Извлечения из представленного генерал-адъютантом кн. Васильчиковым обзора положений губерний: Киевской, Подольской и Волынской и действия главного местного управления в 1861 году // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17. С. 1–2.

¹⁴³ См.: ЦГАОР. Ф. 722. Оп. 1. Д. 478. Л. 2 об.

¹⁴⁴ См.: ЦГИА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 16. Л. 487.

¹⁴⁵ Общая пояснительная записка к проекту нового устава судопроизводства по преступлениям и проступкам // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 7. С. 70–72, 132.

¹⁴⁶ См.: Объяснительная записка к проекту раздела 7 Устава судопроизводства уголовного об особенных родах судопроизводства в делах по преступлениям и проступкам // Там же. С. 11.

¹⁴⁷ Записка Государственной канцелярии об основных началах судоустройства и судопроизводства гражданского и уголовного // Там же. Т. 18, ч. 1. С. 4.

¹⁴⁸ Свод общих замечаний на проект и на главные начала судопроизводства гражданского, принятые соединенными департаментами // Там же. Т. 12. С. 8, 52 и др.

¹⁴⁹ Свод замечаний на проект положения о присяжных поверенных // Там же. С. 10.

¹⁵⁰ Свод общих замечаний на проект и на главные начала судопроизводства гражданского, принятые соединенными департаментами // Там же. С. 111, 122.

¹⁵¹ См.: Общие замечания на проект о порядке производства спорных гражданских дел, подлежащих ведомству судов мировых // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 13. С. 62.

¹⁵² Общие замечания на проект положения о судопроизводстве // Там же. С. 94.

¹⁵³ Гольтгоер. Замечания на проект уголовного судопроизводства // Там же. Т. 17. С. 1.

¹⁵⁴ Соображения Государственной канцелярии о судоустройстве гражданском, уголовном и судопроизводстве // Там же. Т. 18, ч. 2. С. 3.

¹⁵⁵ Русский вестник. 1860. № 6. С. 381–382.

¹⁵⁶ См., например: Об аресте по делам уголовным // Московские ведомости. 1860. 13 сент.; *Чебышев-Дмитриев А.* Очерк уголовного процесса Англии, Франции и Германии // Отечественные записки. 1861. № 10. С. 397–436 ; № 11. С. 135–178 ; *Утин Б.* О мировой юстиции и самоуправлении в Англии // Современник. 1860. № 11. С. 1–24 ; и др.

¹⁵⁷ См.: *Барцев С.* Об апелляции в области уголовного суда // Журнал Министерства юстиции. 1860. № 2. С. 4–42 ; *Кистяковский А.* Очерк английского уголовного процесса // Там же. № 6. С. 367–384 ; № 11. С. 285–318 ; № 12. С. 487–534 ; Устав уголовного судопроизводства Франции // Там же. 1860. № 12 ; и др.

¹⁵⁸ Сочинение Бентама вышло в свет в том же году отдельным изданием // Бентам И. О судоустройстве. СПб., 1860. Исследования Бентама предполагал издать также М. М. Сперанский, которому осуществить это не удалось (см.: Бентам И. Рассуждение о гражданском и уголовном законодательстве. СПб., 1805–1811. Т. 1–2).

¹⁵⁹ *Книрим А.* Бентам и его сочинения // Журнал Министерства юстиции. 1860. № 4. С. 53.

¹⁶⁰ См., например: *Нестержецкий А.* Владение как условие перехода права собственности // Там же. № 3. С. 3–54; *Полежаев П. Б.* О праве собственности по русским законам // Там же. С. 30–59; и др.

¹⁶¹ См.: *Алексеев Н.* Несколько слов о судебных следователях // Московские ведомости. 1860. 23 авг., 11 окт.

¹⁶² *Чернышевский Н. Г.* О судоустройстве. Соч. Бентама // Современник. 1860. № 2. С. 289–304.

¹⁶³ Из бумаг князя В. Ф. Одоевского // Русский архив. 1874. Кн. 2. С. 48.

¹⁶⁴ «Отечественные записки» писали в то время: «Мы ничего не знаем о предстоящих судебных преобразованиях, кроме тех отрывочных и скудных известий, о которых сообщили два месяца назад» // Отечественные записки. 1861. № 1. С. 10.

¹⁶⁵ *Спасович В. Д.* О теории судебных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством // Журнал Министерства юстиции. 1860. № 11. С. 163.

¹⁶⁶ Отечественные записки. 1862. № 10. С. 67.

¹⁶⁷ Журнал Министерства юстиции. 1860. № 12. С. 445.

¹⁶⁸ Там же. С. 459–460, 463. Впоследствии Спасович вспоминал: «Читая в 1860 г. публичные лекции о теории уголовных доказательств, я не предчувствовал возможности в России суда с присяжными. Конечно же, пришлось больше, чем кому бы то ни было другому, радоваться, что учреждение пустило корни и доказало свою живучесть» (*Спасович В. Д.* Собр. соч. СПб., 1913. Т. 3 : Предисловие).

¹⁶⁹ *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 2. С. 167.

¹⁷⁰ См.: Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных началах судоустройства за 1861 г. № 48. С. 6 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 16; Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета по замечаниям на проект присяжных поверенных. С. 15 // Там же.

¹⁷¹ ЦГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 21. Л. 18.

¹⁷² В отчете о деятельности министерства внутренних дел 1861–1864 гг. говорилось: «Крестьянские положения требовали не только введения их в действие и предупреждение и подавление всех возможных при этом беспорядков, но и в самих основаниях изменить веками сложившийся порядок вещей вызывает неотложную необходимость преобразовать на более соответствующих началах всю вообще внутреннюю администрацию в той мере, в какой этого требовала связь с новым устройством быта 22 млн подданных» (ОР и РК ГБЛ. Ф. 287. Д. 40. Л. 1).

¹⁷³ ЦГАОР. Ф. 109 (секретный архив). Оп. 3. Д. 95. Л. 1.

¹⁷⁴ ЦГАМ. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 57. Л. 4 об. – 5 об., 9–9 об.

¹⁷⁵ См.: Дело о службе председателя Государственного Совета ДТС Блудова (ЦГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 42. Л. 130–130 об.).

¹⁷⁶ См.: *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы. СПб., 1914. С. 82.

¹⁷⁷ ЦГАМ. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

¹⁷⁸ См.: *Джаншиев Г.* Первые страницы истории судебной реформы в России 1862–1867 гг. // Русская старина. 1886. № 9. С. 489.

¹⁷⁹ Бутков возглавлял канцелярию – «силу, которая имеет действительную власть у нас» (Письмо А. В. Головкина князю Барятинскому 16 января 1861 г. // Русский архив. 1889. № 6. С. 263).

¹⁸⁰ ОР и РК ГПБ. Ф. 208. Д. 22. Л. 75 об. А. В. Никитенко дал Буткову следующую характеристику: «Говорит он бойко и легко, и это, кажется, была одна из причин его быстрого возвышения. Судит он очень либерально и, кажется, хочет так судить, чтобы казаться человеком времени, человеком просвещенным, прогрессистом, потому что ныне на стороне прогрессистов много ученых людей. Но суждения его очень поверхностны; на них очевидные следы слегка прочтенного или слышанного. Ничего глубокого, основательного, государственного в нем не заметно. Это ум беглый, по преимуществу легкий. Ему очень хочется казаться выше бюрократического порядка вещей, и потому он бранит бюрократию и защищает принцип сословной представи-

тельности. Но все это носит на себе печать незрелости и чего-то навеянного, а не выросшего из глубины собственных убеждений и соображений» (*Никитенко А. В.* Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 465). Аналогичное мнение высказал князь П. Долгоруков (см.: *Долгоруков П.* Петербургские очерки. 1860–1867. М., 1934. С. 148).

¹⁸¹ *Кони А. Ф.* Собр. соч. М., 1969. Т. 5. С. 29.

¹⁸² ЦГАОР. Ф. 728. Оп. 1 и 2. Д. 2687. Л. 1.

¹⁸³ *Орлов Н. А.* Об уничтожении телесных наказаний в Российской империи и в царстве Польском // *Русская старина.* 1881. № 5. С. 95–102.

¹⁸⁴ Журнал комитета, учрежденного для рассмотрения проекта Воинского устава. Б. г. и м. С. 9.

¹⁸⁵ Там же. С. 12–13, 23.

¹⁸⁶ ЦГИА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 18.

¹⁸⁷ Журнал комитета, учрежденного для рассмотрения проекта Воинского устава. С. 99–106, 127–129.

¹⁸⁸ См.: Там же.

¹⁸⁹ ЦГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 335. Л. 158.

Глава IV

¹ См.: Материалы, приложенные к статье А. Ф. Кони о Зарудном // Пушкинский дом (ПД). Оп. 134. Оп. 1. Д. 189. Л. 11 об.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 107.

³ ЦГИА. Ф. 850. Оп. 1. Д. 11. Л. 58.

⁴ *Гагарин П.* Судебная реформа в России. СПб., Б. г. С. 8.

⁵ См.: Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 18, ч. 1.

⁶ Соображения Государственной канцелярии о судопроизводстве гражданском, уголовном и судостроительстве // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 18, ч. 2. С. 1.

⁷ Соображения Государственной канцелярии об основных началах гражданского судопроизводства по проекту, составленному II отделением с. е. и. в. канцелярии и рассмотренному соединенными департаментами законов и гражданских дел Государственного Совета и по замечаниям, составленным на этот проект // Там же. Т. 18, ч. 1. С. 1.

⁸ ЦГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 15. Л. 34 об.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ Аналогичные сведения содержатся в Отношении В. П. Буткова Ф. П. Корнилову 31 декабря 1861 г. (ЦГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 23. Л. 40 об.–41).

¹¹ ЦГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 об.–7.

¹² Александр II внимательно следил за подготовкой судебной реформы (см.: Всеподданнейшие записки графа Д. Н. Блудова о представленных в Государственный Совет проектах судебных преобразований 1858–1861 гг. // ЦГИА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 15–18).

¹³ Дневник князя П. П. Гагарина (1861–1870 гг.). Ч. III (на фр. языке) (см.: ОР и РК ГПБ. Ф. 170. С. 12).

¹⁴ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. 1862. № 65. С. 10 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 19.

¹⁵ ЦГИА. Ф. 1162. Оп. Д. 15. Л. 37.

¹⁶ См.: *Победоносцев К. П.* Дневник (см.: ЦГИА СССР. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.).

¹⁷ ЦГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 15. Л. 37.

¹⁸ С. И. Зарудный признавал, что, разрабатывая «Основные положения», «мы полагали предоставить подсуд [имому] больше свободы» (*Ровинский Д. А.* Дневник // ЦГАМ. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 54. Л. 12 об.). О том, что, осуществляя судебную реформу, «наше законодательство задалось мыслью поставить суд на стражу гарантий гражданской свободы и прав гражданских», писал К. П. Победоносцев (см.: ОР ГБЛ. Ф. 230. Кар. 4394. Д. 3. Л. 12).

¹⁹ ОР ГБЛ. Ф. 230. Кар. 4394. Д. 3. Л. 2.

²⁰ См.: *Гагарин П. П.* Дневник. Ч. 3. С. 42.

²¹ *Буцковский Н.* Об основных началах уголовного судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17. С. 1.

²² Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. 1862. № 65. С. 12.

²³ Буцковский Н. Об основных началах уголовного судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17. С. 15.

²⁴ Там же. С. 19, 22.

²⁵ Там же. С. 34. См. также: Буцковский Н. А. Записки о теории доказательств в уголовном судопроизводстве // Там же.

²⁶ Соображения Государственной канцелярии о судопроизводстве гражданском, уголовном и судоустройстве. С. 4.

²⁷ Там же. С. 10.

²⁸ Буцковский Н. Об основных началах уголовного судопроизводства. С. 39, 43 и др.

²⁹ Комиссия не составила записок о гражданском судопроизводстве. Это объяснялось сравнительно полной разработкой проекта основ гражданского судопроизводства II отделением и Государственным Советом.

³⁰ Соображения Государственной канцелярии об основных началах судоустройства по проекту, составленному II отделением с. е. и. в. канцелярии // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 18, ч. 1. С. 1–2.

³¹ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. 1862. № 65. С. 295.

³² Победоносцев К. П. Предварительные замечания о плане и главных основаниях устава о судопроизводстве // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17. С. 1–2, 22.

³³ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. 1862. № 65. С. 173.

³⁴ Там же. С. 174.

³⁵ Победоносцев К. П. Предварительные замечания о плане и главных основаниях устава о судопроизводстве. С. 22.

³⁶ ПД. Ф. 134. Оп. 1. Д. 109. Л. 12.

³⁷ Ровинский Д. Устройство уголовного суда // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17. С. 18.

³⁸ Зарудный С. И. Общие соображения о составе уголовного суда // Там же. С. 1.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Зарудный С. Об особенных или специальных присяжных для особого рода дел в Англии, Франции и Италии // Там же. С. 7.

⁴¹ Соображения Государственной канцелярии об основных началах уголовного судопроизводства по проекту, составленному II отделением с. е. и. в. канцелярии, и по замечаниям, составленным на этот проект // Там же. Т. 18, ч. 1. С. 25.

⁴² Соображения Государственной канцелярии о судопроизводстве гражданском и судоустройстве // Там же. Т. 17. С. 11, 14.

⁴³ См.: ПД. Ф. 134. Оп. 1. Д. 109. Л. 10.

⁴⁴ См.: Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17.

⁴⁵ Там же. Т. 17. С. 7–10.

⁴⁶ См.: Чичерин Б. Н. Русское дворянство // Наше время. 1862. 12 янв.

⁴⁷ Бреверн Е. Соображения о некоторых главных вопросах уголовного судопроизводства (возражения против статьи Ровинского) // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17. С. 5.

⁴⁸ Миттермайер К. Ю. А. Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии в отношении к уголовному судопроизводству. СПб., 1864. С. 180–182.

⁴⁹ Соображения Государственной канцелярии об основах уголовного судопроизводства по проекту, составленному II отделением с. е. и. в. канцелярии, и по замечаниям, составленным на этот проект // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 18, ч. 1. С. 8, 47.

⁵⁰ ЦГАМ. Ф. 1650. Д. 55. Л. 3–3 об.

⁵¹ Ровинский Д. Соображения об устройстве гражданского суда // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17. С. 2–4.

⁵² ЦГАМ. Ф. 1650. Д. 56. Л. 2 об.

⁵³ Там же. Оп. 1. Д. 54. Л. 31.

⁵⁴ Ровинский Д. Соображения об устройстве гражданского суда. С. 2.

⁵⁵ Окунев. Записка о лицах, получивших специальное юридическое образование в Российских университетах // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 26, ч. 2. С. 1–2. По

другим данным, с 1821 по 1861 г. юридические факультеты России, включая Дерптский, лицей и училища правоведения, окончило 9 тыс. чел. // Журнал Министерства юстиции. 1863. № 4. С. 291–292.

⁵⁶ Ровинский Д. Соображения об устройстве гражданского суда. С. 4.

⁵⁷ Соображения Государственной канцелярии об основных началах судоустройства по проекту, составленному II отделением с. е. и. в. канцелярии и Государственного Совета, и по замечаниям, составленным на этот проект // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 18, ч. 2. С. 10.

⁵⁸ Там же. С. 28.

⁵⁹ Бреверн Е. Разбор замечаний на проект о присяжных поверенных // Там же. Т. 17. С. 1–2, 4.

⁶⁰ Зарудный С. И. Об отмене окончательных решений судебных мест // Там же. Т. 9. С. 2.

⁶¹ Буцковский Н. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 г. СПб., 1874. С. 10.

⁶² ПД. Ф. 265. Оп. 1. Д. 23. Л. 162.

⁶³ Зарудный С. О реформах судоустройства в Италии в текущем 1862 году // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17. С. 16.

⁶⁴ Соображения государственной канцелярии об основных началах судопроизводства. С. 40–41, 47.

⁶⁵ Там же. С. 73, 76–77.

⁶⁶ Буцковский Н. О переходных мерах от существующего ныне к новому порядку судебного устройства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17. С. 2–3.

⁶⁷ ЦГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–7 об.

⁶⁸ ЦГАМ. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 104. Л. 7 об.–8.

⁶⁹ Там же. Д. 109. Л. 1–1 об.

⁷⁰ ЦГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 15. Л. 42.

⁷¹ Современники называли назначение великого князя Константина Николаевича в марте 1862 г. председателем Государственного Совета «важным событием», охарактеризовав его «всемогущим» (см.: Лебедев К. Н. Записки // Русский архив. 1911. Кн. 1. С. 396; Есипович Я. Г. Записки // Русская старина. 1909. № 8. С. 226). «Он по убеждению, возрасту и духу времени, – писал в это время приближенный ко двору В. А. Муханов, – должен быть либералом (может быть неумеренно); но занимаясь важными делами, он необходимо войдет в пределы либерализма, поставленные благоразумием и опытностью жизни, подчиненной не мечтательности воображения, а практическим требованиям и условиям государственной действительности» (Муханов В. А. Из дневных записок // Русский архив. 1877. № 4. № 1–4. С. 165). Однако не следует преувеличивать либерализм великого князя, считавшего не возможным в России политические реформы, а независимый суд и законность совместимыми с самодержавием. «Конституция, – писал он в записке «О необходимости созыва при Государственном Совете совещательного собрания депутатов от дворян» (1866 г.), – была бы совершенно пагубна, потому что обратилась бы в олигархию. Мы должны всеми силами поддерживать самодержавие» (ЦГАОР СССР. Ф. 722. Д. 526. Л. 5). Любопытно в связи с этим мнение известного американского историка Р. Пайпса, что «формальная законность является тем элементом либерального государства, который авторитарный режим может ввести, не подрывая собственных устоев» (Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж; Массачусетс, 1981. С. 397).

⁷² Гагарин П. П. Дневник. Ч. 3. Л. 38.

⁷³ См.: Бунге. Возражения против соображений Государственной канцелярии об основных началах гражданского судопроизводства // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17.

⁷⁴ Одоевский В. Ф. Дневник, 1859–1867 // Лит. наследство. 1934. № 22–24. С. 148.

⁷⁶ Победоносцев К. П. Дневник. Л. 11.

⁷⁷ В. Н. Панин знал, как и остальные члены заседания, что Александр II и великий князь Константин поддерживают проект «Основных положений». Поэтому как царедворец, не мог противиться воле монарха. В беседе с великой княгиней Еленой Павловной Александр II говорил: «Вы не знаете характер графа Панина... У него вовсе нет убеждений и будет только одна забота угодить мне». (Из записок Марии Агеевны Милютинной // Русская старина. 1899. № 4. С. 123). Сам В. Н. Панин утверждал: «У меня есть убеждения... сильные убеждения. Напрасно иногда думают противное. Но по долгу верноподданнической присяги я считаю себя связанным прежде всего узнавать взгляд государя императора. Если я каким-либо путем, прямо или косвенно,

удостоверюсь, что государь смотрит на дело иначе, чем я, – я долгом считаю тотчас отступить от своих убеждений и действовать даже наперекор им, с тем, и даже большею энергией как если бы я руководствовался своими собственными убеждениями» (*Валуев П. А. Дневник // Русская старина. 1891. № 10. С. 150*). См. также характеристику В. Панина, данную А. Герценом (см.: *Герцен А. И. О граф, Виктор Никитич! // Собр. соч. М., 1958. Т. 13. С. 264–265*).

⁷⁷ *Победоносцев К. П. Дневник. Л. 11 об.*

⁷⁸ *Гагарин П. П. Дневник. Ч. 3. Л. 38.*

⁷⁹ См.: ПД. Ф. 134. Оп. 1. Д. 109. Л. 56.

⁸⁰ *Победоносцев К. П. Дневник. Л. 12.*

⁸¹ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. 1862. № 65. С. 30–31 // *Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 19.*

⁸² Граф Н. М. Муравьев писал: «Князь Гагарин человек двусмысленный и неверный в своем направлении, изменяющий его, соображаясь с более или менее выгодными для него политическими обстоятельствами» (*Муравьев Н. М. Записки о мятеже в Северо-Западной России в 1863–1865 гг. // Русская старина. 1883. № 1. С. 151*). Однако несмотря на такую характеристику, у нас нет оснований в данном случае подозревать Гагарина в низкопоклонстве. Его активная поддержка судебной реформы в Государственном Совете, а также после принятия судебных уставов свидетельствовала об искренности убеждений (см.: *Записка сенатора Я. Г. Есиповича // Там же. 1909. № 3. С. 562*).

⁸³ *Победоносцев К. П. Дневник. Л. 14 об.*

⁸⁴ *Гагарин П. П. Дневник. Ч. 3. Л. 40–41.*

⁸⁵ Характеризуя Г. П. Ольденбургского, Д. А. Милютин писал: «Председатель департамента гражданских и духовных дел Петр Георгиевич Ольденбургский... подавал всегда свой голос в том смысле, какой считал угодным государю» (ОР ГБЛ. Ф. 169. Оп. 9. № 15. Л. 43).

⁸⁶ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. 1862. № 65. С. 163.

⁸⁷ Там же. С. 164–165, 262.

⁸⁸ *Ровинский Д. А. Дневник. Л. 54.*

⁸⁹ *Лебедев К. О судебных преобразованиях // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 17. С. 22, 24, 26, 29.*

⁹⁰ *Ровинский Д. А. Дневник. Л. 7.*

⁹¹ *Победоносцев К. П. Дневник. Л. 14.*

⁹² Там же. Л. 14–15 об.

⁹³ Там же. В дневнике П. П. Гагарина за 19 мая содержится запись: «Я очень озабочен злобой оппозицией Панина» (*Гагарин П. П. Дневник. Ч. 3. Л. 12*).

⁹⁴ См.: *Ровинский Д. А. Дневник. Л. 9.*

⁹⁵ Там же. Л. 10.

⁹⁶ Там же. Протокол заседания департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета по рассмотрению представления II отделения с. е. и. в. канцелярии об отмене телесных наказаний 21 мая 1862 г. (ЦГАОР. Ф. 722. Оп. 2. Д. 497. Л. 1).

⁹⁷ *Ровинский Д. А. Дневник. Л. 10.*

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Протокол заседания департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета по рассмотрению представления II отделения с. е. и, в. канцелярии об отмене телесных наказаний. Л. 2–4.

¹⁰⁰ Мнение членов комиссии о губернских и уездных учреждениях С. И. Зарудного и П. Н. Даневского. Б. г. б. м. С. 4.

¹⁰¹ ЦГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 37. Л. 51–52.

¹⁰² Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. СПб., 1900. С. 253.

¹⁰³ *Гагарин П. П. Дневник. Ч. 3. Л. 42*; 21 мая в департаментах законов и гражданских дел Государственного Совета рассматривался проект закона об отмене телесных наказаний, имевший непосредственное отношение к судебной реформе (ЦГАОР. Ф. 722 Оп. 2. Д. 497).

¹⁰⁴ *Ровинский Д. А. Дневник. Л. 12.*

- ¹⁰⁵ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. 1862. № 65. С. 197–198.
- ¹⁰⁶ Ровинский Д. А. Дневник. Л. 12 об.
- ¹⁰⁷ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. 1862. № 65. С. 274.
- ¹⁰⁸ Ровинский Д. А. Дневник. Л. 14.
- ¹⁰⁹ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. 1862. № 65. С. 204.
- ¹¹⁰ Ровинский Д. А. Дневник. Л. 17 об.
- ¹¹¹ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. 1862. № 65. С. 301, 304–305.
- ¹¹² Там же. С. 355–356, 320.
- ¹¹³ ЦГАМ. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 59. Л. 23.
- ¹¹⁴ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. 1862. № 65. С. 322–323.
- ¹¹⁵ Ровинский Д. А. Дневник. Л. 23.
- ¹¹⁶ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. 1862. № 65. С. 287, 327.
- ¹¹⁷ ЦГАМ. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 59. Л. 23.
- ¹¹⁸ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. 1862. № 65. С. 293, 295, 357.
- ¹¹⁹ Гагарин П. П. Дневник. Ч. 3. Л. 44.
- ¹²⁰ См.: *Победоносцев К. П.* Граф В. Н. Панин – министр юстиции // *Голоса из России.* Лондон, 1859. Кн. 7. Факсим. изд. М., 1974–1975. С. 110–103. П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал: «Всем известно, какой страх Панин внушал своим подчиненным по службе, а большинство сенаторов до их назначения были его подчиненными» (*Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Мемуары. (1857–1861 гг.). Пг., 1914. Т. 3. С. 146).
- ¹²¹ Ровинский Д. А. Дневник. Л. 20.
- ¹²² Там же. Л. 23.
- ¹²³ Там же. Л. 24.
- ¹²⁴ С 1857 по 1862 г. в соединенных департаментах рассматривались проекты судебной реформы, не увенчавшиеся принятием актов (см.: гл. II, III настоящей работы).
- ¹²⁵ Интересное свидетельство в связи с этим содержится в дневниковой записи К. Победоносцева от 27 июня 1862 г.: «До Зимнего дворца довез меня, – писал он, – Ив[ан] Матв[еевич] Толстой. Рассказывал он о Корфе. Корф, Бахтин и Литке втроем были того мнения, что присяжных следует распространить на политические дела. Государь узнал о том, сказал Толстому: я надеюсь, что в Государственном Совете не найдется члена, который пристал бы к такому мнению. Толстой шепнул Литке. Литке Корфу и т.д. – и все трое отменили свое мнение» (*Победоносцев К. П.* Дневник. Л. 20 об.). Сохранилась и соответствующая конфиденциальная записка того времени Корфа Ровинскому следующего содержания: «Покорно прошу Ваше превосходительство в вопросе о судопроизводстве в делах по государственным преступлениям и пр [очее]: присоединить мой голос к большинству, приняв труд доводить о том и князю Павлу Павловичу (Гагарину)» // ЦГАМ. Ф. 1650. Д. 83.
- ¹²⁶ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. 1862. № 65. С. 234.
- ¹²⁷ ЦГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 15. Л. 53.
- ¹²⁸ *Победоносцев К. П.* Дневник. Л. 20 об.
- ¹²⁹ Ровинский Д. А. Дневник. Л. 21.
- ¹³⁰ Журнал общего собрания Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России от 4 сентября 1862 г. С. 14 // *Материалы по судебной реформе в России 1864 г.* Т. 20.
- ¹³¹ Ровинский Д. А. Дневник. Л. 37 об.
- ¹³² П. А. Валугев намекал на необходимость подчинения мировой юстиции Министерству внутренних дел, ссылаясь на существующую якобы практику во Франции // Там же. Л. 34 об.

¹³³ Там же. Отразив выступление Валуева, Ровинский против этих слов написал: «contra», имея в виду позицию министра внутренних дел, стремящегося свести на нет замысел института мировой юстиции в России.

¹³⁴ Там же. Л. 38.

¹³⁵ Журнал общего собрания Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России. С. 2, 6.

¹³⁶ ЦГИА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 15. Л. 72–73, 75.

¹³⁷ Журнал общего собрания Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России от 4 сентября 1862 г. С. 4.

¹³⁸ Ровинский Д. А. Дневник. Л. 34 об.

¹³⁹ Там же. Л. 38 об.

¹⁴⁰ Победоносцев К. П. Дневник. 21.

¹⁴¹ Гагарин П. П. Дневник. Ч. 3. Л. 66.

¹⁴² Ровинский Д. А. Дневник. Л. 38.

¹⁴³ Победоносцев К. П. Дневник. Л. 21 об.

¹⁴⁴ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. 1916. Т. 4. С. 432.

¹⁴⁵ Гагарин П. П. Дневник. Ч. 3. Л. 66.

¹⁴⁶ В ответ на заявление А. В. Головнина, назначенного министром народного просвещения, что «решительно невозможно будет говорить в литературе об общих началах, когда они утвердятся... Зарудный, раскрасневший, просто напал на него, как он министр народного просвещения говорит такие речи» (Победоносцев К. П. Дневник. Л. 12 об.).

¹⁴⁷ ЦГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Л. 81.

¹⁴⁸ Гагарин П. П. Дневник. Ч. 3. Л. 68–69.

¹⁴⁹ Победоносцев К. П. Дневник. Л. 22 об.

¹⁵⁰ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел (1861–1864 гг.). М., 1961. Т. 1. С. 188.

¹⁵¹ ЦГА ВМФ. Ф. 223. Д. 322. Л. 22 об.

¹⁵² См.: Победоносцев К. П. Дневник. Л. 22 об.

¹⁵³ ЦГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 15. Л. 87 об.

¹⁵⁴ ЦГАМ. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 91. Л. 4.

¹⁵⁵ Зимой 1862 г. впервые опубликовали в печати бюджет.

¹⁵⁶ Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1905. С. 58–59.

¹⁵⁷ Здесь и далее цитируются «Основные положения», опубликованные в журнале Министерства юстиции за 1862 г. № 10. С. 1–71.

¹⁵⁸ На 50 млн населения России требовалось 10 тыс. адвокатов (см.: Беликов С. Адвокатура в России // Журнал Министерства юстиции. 1863. № 3. С. 282).

¹⁵⁹ Журнал общего собрания Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России от 4 сентября 1862 г. С. 13.

¹⁶⁰ Характерно, что в «Основных положениях» имелось немало декларативно-отрицательных положений. Они объяснялись желанием «специально отметить те стороны, которые представляли наиболее серьезное зло, словно желая успокоить, что избавление от тяготевших над страной ужасов будет полное» (Гессен И. В. Указ. соч. С. 59).

¹⁶¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 4: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1867. С. 2.

¹⁶² «Основной элемент суда, – писал И. Аксаков, – элемент нравственный. Суд есть выражение общественной нравственности. Это голос бытовой совести. Суд должен твориться по разуму и по совести». Соотношение «правды внешней и внутренней таковы, что не формальный закон делает уступку нравственному, не внешняя правда внутренней, а наоборот... Такой принцип должен господствовать в судопроизводстве» (Аксаков И. О судебной реформе. Б. г. б. м. С. 21–22).

¹⁶³ Даневский В. Н. Сравнительное обозрение некоторых форм народного суда (суд шеффенов, сословных представителей и присяжных) // Русская мысль. 1895. № 1. С. 10, 15.

¹⁶⁴ Видный чиновник министерства внутренних дел граф Д. Н. Толстой, считавший начала судебной реформы ошибочными, убедил П. А. Валуева: «Члены комиссии (готовившие судебную реформу. – М. К.) все проникнуты недоброжелательством к административной власти и под видом свободы суда стремятся связать ей руки» (Записка графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. № 5. С. 65).

¹⁶⁵ Корректурa и поправки сенатора С. И. Зарудного на статью Д. А. Саранчева «Судебные уставы» (1862–1864) // ПД. Ф. 265. Оп. 1. Д. 23. С. 161.

¹⁶⁶ Нельзя согласиться с утверждением, что в судебной реформе сохранились «очевидные пережитки крепостничества» (см.: История СССР. М., 1968. Т. 5. С. 101). Дадим оценку аргументам (см. там же) этого вывода. Наличие особой юрисдикции для военных, духовенства и чиновников составляли «изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства», не колеблющие сути преобразований. Ограничение действия новых судов территорией городов и сохранение волостных судов для крестьян, составлявших большинство населения страны, относится к пространству действия нового правосудия, а не принципов реформы. Введение судебной реформы постепенно на территории России объяснялось недостатком высококвалифицированных юристов, способных занять судебные места, и отсутствием необходимых денежных средств, а не атавизмами нового законодательства о правосудии. Что касается утверждения об антидемократическом составе присяжных заседателей, наполнивших «демократический» институт, то это не подтверждается фактами (см.: Афанасьев А. К. Состав суда присяжных в России // Вопросы истории. 1978. № 6. С. 199–203).

¹⁶⁷ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 299.

¹⁶⁸ Неубедительно утверждение, что «при судебной реформе в высших сферах» не представляли себе «подлинного смысла ее принципов» (Шавров А. В. Надзор и дисциплинарная ответственность в судебном ведомстве пореформенной России (1864–1917 гг.) // Сов. государство и право. 1985. № 12. С. 100).

¹⁶⁹ Д. Н. Альшитц, найдя похожие элементы при сопоставлении судебной реформы времен Ивана Грозного и 1864 г., заключил, что первая явилась «далекой предшественницей» второй. И сделал неожиданный вывод: «Реформы и проекты XVI в. ...носят значительно более демократический характер, чем проведенные позднее» (Альшитц Д. Н. Начальный этап истории самодержавия // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 52). Автор не аргументировал такой вывод. Вероятно, на него повлиял тот факт, что в XVI в. был введен суд «лутчих людей», т.е. присяжных, сохранялись элементы состязательного процесса (устность, гласность). Но эти элементы свойственны состязательному судопроизводству вообще времен рабовладения, феодализма и капитализма различных государств (см.: Чельцов-Бebutov. Курс советского уголовного процесса. М., 1957. Т. 1. С. 186–197 и др.). Механическое сопоставление элементов судебных конструкций по их «похожести» не может быть основанием полноценных выводов. Искать прототипы судебно-процессуальных систем следует во всем комплексе их элементов как едином целом.

¹⁷⁰ ОР и РК ГПБ. Ф. 208. Д. 22. Л. 33.

¹⁷¹ П. А. Валуев в записке 12 ноября 1862 г. писал о многочисленных имущественных спорах между крестьянами и помещиками, которые невозможно разрешить, несмотря на высочайшее повеление (ЦГА. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 144. Л. 94 об.). Проистекали они из недостаточности правил, постановленных в Положении 19 февраля 1861 г. (Там же. Д. 126. Л. 1).

¹⁷² § 1 и 3 настоящей работы.

¹⁷³ Меншиков А. С. Дневник 1858–1865 гг. (ЦГАОР. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2533-а. Л. 36.).

¹⁷⁴ См.: Материалы для упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Берлин, 1861. Вып. 3. С. 174, 313.

¹⁷⁵ ЦГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 334. Л. 78 об.

¹⁷⁶ См.: Джаишев Г. Сергей Иванович Зарудный. Материалы его биографии // Русская старина. 1888. № 9. С. 614.

¹⁷⁷ Правящие круги видели распространение революционных идей в России, способных привести к катаклизмам. Об их влиянии свидетельствует популярность «Колокола» А. И. Герцена, которым интересовалась царская семья, регулярно читал даже Панин (ЦГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 333. Л. 20 об.; Семенов К. П. Граф Виктор Никитич Панин // Русский архив. 1887. № 12. С. 542).

¹⁷⁸ ЦГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 333. Л. 50–51.

¹⁷⁹ ОР и РК ГПБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

¹⁸⁰ Показательно, что даже «Н. А. Милютин смотрел вообще очень пессимистически на исполнение крестьянской реформы» (Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Пг., 1916. Т. 4. С. 19).

¹⁸¹ Показательно, что 23 октября 1861 г., когда Александр II санкционировал решение передать подготовку судебной реформы из II отделения в Государственную канцелярию, в своей памятной книжке он записал: «1/2 10 док [лад] Милют[ина], Краббе, Пуят[на] новые мысли о преобразовании» (ЦГАОР. Ф. 678. Оп. 1. Д. 315).

¹⁸² ЦГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 310. Л. 84.

¹⁸³ ЦГИА. Ф. 1261. Оп. 4. Д. 20. Л. 65.

¹⁸⁴ Там же. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 60. Л. 2. 2 октября 1862 г. А. В. Головин писал великому князю Константину Николаевичу: «Главные наши новости – обнародование вчера в Сев[ерной] почте главных начал преобразования судебного и устройства будущих земских собраний... Эти два объявления производят наилучшее впечатление и в России, и за границей, доказывая, что правительство не остановилось на пути прогресса и улучшения» (ЦГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 336. Л. 38–38 об.).

¹⁸⁵ Санкт-Петербургские ведомости. № 233.

¹⁸⁶ День, 1862, 27 октября. Славянофилы к концу 1862 г. не выработали программы государственно-правового развития России. Поэтому наряду с отрицанием институтов «Основных положений» слышались в их среде голоса о соответствии суда присяжных, гласности, адвокатуры, состязательности, независимости суда исконно «русским началам» (см.: Юрий Г. О новом суде // День. 1863. 16 февр.); Его же. К вопросу о новом суде // Там же. 1864. 8 февр.).

¹⁸⁷ См.: Мещерский В. П. Мои воспоминания (1856–1865). СПб., 1897. Ч. 1. С. 314.

¹⁸⁸ Осуждал «Основные начала», чуждые якобы «историческому образованию у нас суда», деятель крестьянской реформы Н. Семенов (см.: Семенов Н. Наши реформы // Русский вестник. 1884. № 1. С. 262).

¹⁸⁹ Критический обзор судебных преобразований: из ежемесячного приложения к ежедневной политико-экономической газете «Народное богатство». СПб., 1868. С. 34.

¹⁹⁰ Соловьев Н. О преимуществах теоретических основных законов русского судопроизводства против устного западных государств. СПб., 1863. С. 85.

¹⁹¹ Московские ведомости. 1863. 18 дек.

¹⁹² Зарин. Указ. соч. С. 141.

¹⁹³ Ткачев П. Мировой суд по смыслу «Главных оснований для проектов гражданского и уголовного судопроизводства и судоустройства» // Время. 1862. № 11. С. 78.

¹⁹⁴ Отзывы иностранных газет о судебной реформе // Журнал Министерства юстиции. 1862. № 12. С. 674–685.

¹⁹⁵ Авторство установлено текстологическим совпадением материалов газетных статей с опубликованными записками «отцов» судебной реформы.

¹⁹⁶ См.: Журнал Министерства юстиции. 1862. № 12. С. 529–564.

¹⁹⁷ Там же. № 1. С. 105–117.

¹⁹⁸ См.: Голос. 1864. 20, 25, 30 сент., 15, 20, 21 окт.

¹⁹⁹ См.: Журнал Министерства юстиции. 1864. № 12. С. 365–380.

²⁰⁰ Миттермайер упрекнул судебных реформаторов в отрицании состязательного принципа на предварительном расследовании (см.: Миттермайер К. Ю. А. Новый проект русского уголовного судопроизводства // Журнал Министерства юстиции. 1864. № 8. С. 3–24).

²⁰¹ Журнал Министерства юстиции. 1864. № 12. С. 377.

²⁰² Выбор поверенного для судебного представительства только из адвокатской корпорации называли «тираническим нарушением одного из самых неприкосновенных прав, до которого никакому закону не должно быть никакого дела». Подсудимый должен иметь право поручать защиту кому угодно без навязанного казенного поверенного (Голос. 1863. 4 июня).

²⁰³ Журнал Министерства юстиции. 1864. № 12. С. 379.

²⁰⁴ ЦГИА. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2, 5.

²⁰⁵ ЦГАМ. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 91. Л. 4.

²⁰⁸ Шубин-Поздеев Д. П. Сергей Иванович Зарудный // Русская старина. 1863. № 2. С. 482.

²⁰⁷ ЦГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 46. Л. 22–23.

²⁰⁸ 7 октября 1862 г. Бутков обратился к министру народного просвещения А. В. Головнину с просьбой передавать комиссии оттиски статей о суде и правосудии, отзывы об «Основных положениях» как опубликованные, так и не пропущенные цензурою (ЦГИА. Ф. 1190. Оп. 1. Т. 16, ч. 1. Д. 2-а. Л. 1–4).

²⁰⁹ ЦГИОР. Ф. 1405. Оп. 60. Д. 5967. Л. 4–5.

²¹⁰ В судебной реформе, писал «Голос» 20 сентября 1864 г., «каждый чувствовал себя непосредственно, лично заинтересованным, и если многие хладнокровно взглянули на «Основные положения о преобразованиях судебной части в России», то не потому, чтоб не сознавали необходимости преобразования, а потому только, что ясно не сознают еще, насколько улучшается наш процесс от тех начал, которые приняты «Основными положениями».

²¹¹ См.: Замечания разных лиц о развитии «Основных положений преобразования судебной части» // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 21–25.

- ²¹² См.: Свод замечаний и приложений о развитии «Основных положений преобразования судебной части в России». СПб., 1863. С. 2, 15–16, 18, 33, 47, 148, 161–162, 208.
- ²¹³ Шубин-Поздеев Д. Н. Указ. соч. С. 483.
- ²¹⁴ Корректурa и поправки сенатора С. И. Зарудного на статью Д. А. Саранчева «Судебные уставы» (1862–1864). Л. 162.
- ²¹⁵ Объяснительная записка к проекту Учреждения судебных мест. (1863). С. 12 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 50.
- ²¹⁶ Там же. С. 11.
- ²¹⁷ ЦГАМ. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–1 об.
- ²¹⁸ Объяснительная записка к проекту учреждения судебных мест. (1863). С. 289.
- ²¹⁹ ЦГАМ. Ф. 1650. Д. 58. Л. 1.
- ²²⁰ Объяснительная записка к проекту учреждения судебных мест. С. 19.
- ²²¹ Победоносцев К. П. Дневник. Л. 40 об.
- ²²² См.: ЦГИА. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.
- ²²³ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета по обсуждению проекта устава гражданского судопроизводства. 1864. № 44. С. 9 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 60.
- ²²⁴ Там же. С. 10.
- ²²⁵ См.: Там же.
- ²²⁶ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета по обсуждению проекта устава уголовного судопроизводства. 1864. № 49. С. 17 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 60.
- ²²⁷ Там же. С. 26.
- ²²⁸ См.: Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета по обсуждению проекта устава гражданского судопроизводства. 1864. № 47. С. 26, 40 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 60.
- ²²⁹ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета по обсуждению проекта устава уголовного судопроизводства. 1864. С. 25.
- ²³⁰ Там же. С. 26.
- ²³¹ Там же. С. 27–29.
- ²³² Там же. С. 45.
- ²³³ В общественных кругах продолжали муссировать мысль, что в России не найти кандидатов для формирования «сословия присяжных поверенных, от существования которого преимущественно зависит успех реформы» (Беликов А. Присяжные поверенные при будущем нашем гласном суде и разборе законодательных работ по этому предмету // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 63. С. 33). Известный русский писатель Ф. М. Достоевский считал проблему юридических кадров надуманной. Он писал: «Куда же денется страшно обедневшее и ни при чем находящееся дворянское сословие, особенно второго и третьего разрядов? Безденежье скоро доконает и научит выходу: явятся адвокаты и учителя, а покамест они переговариваются и перекликаются по-французски на земских сходах. Но это уже последние могикане...» (Достоевский Ф. М. Статьи и заметки. 1862–1865 // Полн. собр. соч. Л., 1980. Т. 20. С. 180).
- ²³⁴ Объяснительная записка к проекту учреждения судебных мест. С. 255–256.
- ²³⁵ Победоносцев К. П. Дневник. Л. 44 об.
- ²³⁶ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета по обсуждению проекта устава уголовного судопроизводства. 1864. № 49. С. 32.
- ²³⁷ Объяснительная записка к проекту учреждения судебных мест. С. 260–262.
- ²³⁸ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета по обсуждению проекта устава гражданского судопроизводства. 1864. № 47. С. 44.
- ²³⁹ Там же. С. 46, 115.
- ²⁴⁰ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета по учреждению судебных мест. 1864. № 48. С. 5 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 60.
- ²⁴¹ Там же. С. 49.
- ²⁴² Там же. С. 5.
- ²⁴³ Весть. 1864. № 9.
- ²⁴⁴ «Русский инвалид» (1864. № 52) писал, что допущение в мировые судьи земледельцев приведет к тому, что они могут из охранителей интересов местного земства и беспристрастных судей превратиться в «бич для свободного крестьянского населения».

²⁴⁵ Весть. 1864. № 13–14.

²⁴⁶ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета за 1864 г. № 47. С. 32.

²⁴⁷ См. § 2 настоящей главы.

²⁴⁸ Полное собрание законов Российской империи : собр. второе. Т. 38. Отд-ние первое. СПб., 1863. С. 352–360.

²⁴⁹ *Никитенко А. В.* Дневник. М., 1955. Т. 2. С. 321.

²⁵⁰ А. В. Никитенко, ознакомившись с судебными уставами, записал: «Читал обнародованные на днях законы о судах. Вот великий монумент нашего времени. Дело это станет рядом с освобождением крестьян» (Там же. Т. 2. С. 480).

²⁵¹ Полное собрание законов Российской империи : собр. второе. 1864. СПб., 1867. № 20982.

²⁵² Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 3.

²⁵³ См.: *Корректурa и поправки сенатора С. И. Зарудного на статью Д. А. Саранчева «Судебные уставы» (1862–1864).* С. 162 ; *Леонтьев А. А.* Мировая юстиция во Франции // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 6. С. 135–139.

²⁵⁴ Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета по учреждению судебных мест. 1864. № 48. С. 42.

²⁵⁵ Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 3. С. 169.

²⁵⁶ Там же. С. 155.

²⁵⁷ *Лебедев К. Н.* Записки // Русский архив. 1911. № 5. С. 153.

²⁵⁸ Там же. С. 238.

²⁵⁹ В Государственном Совете высказывалось мнение, что предоставление права вести дела в судах лицам, не принадлежащим к присяжным поверенным, создает условие необходимой конкуренции между ними и профессиональными адвокатами, что будет способствовать развитию института присяжных поверенных (см.: Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета за 1862 г. от 4 сентября. С. 12).

²⁶⁰ *Беликов С.* Адвокатура в России // Журнал Министерства юстиции. 1863. № 2. С. 274.

²⁶¹ См.: *Лыкошин А. С.* Уголовный процесс // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и А. Е. Ефрона. СПб., 1898. Т. 25-а, С. 584, 587 ; Обвинительный процесс // Там же. СПб., 1987. Т. 21-а. С. 491–492.

²⁶² Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета за 1864 г. № 47. С. 32.

²⁶³ *Чельцов-Бебутов М. А.* Указ. соч. С. 780.

²⁶⁴ Любопытен нюанс, подмеченный К. Марксом: «Согласно некоторым статьям закона судебный следователь обязан использовать только «законные» требования прокурора; между тем другие статьи вменяют ему в обязанность безоговорочно исполнение приказов прокурора (хотя бы следователь и признавал их незаконными) (например, требование доследования, когда следователь считает следствие законченным» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1952. Т. 12. С. 117).

²⁶⁵ *Корректурa и поправки сенатора С. И. Зарудного на статью Д. А. Саранчева «Судебные уставы» (1862–1863).* С. 162.

²⁶⁶ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 4.

²⁶⁷ *Лебедев К. П.* Записки // Русский архив. 1911. № 5. С. 153.

²⁶⁸ Судебные уставы с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1. С. 68.

²⁶⁹ Там же. Ч. 4. С. 2.

²⁷⁰ Там же. С. 5.

²⁷¹ Объяснительная записка к проекту устава о взысканиях за проступки, подведомые мировым судьям (ЦГИА. Ф. 1149. Оп. 6. Д. 46. Л. 59).

²⁷² См.: Там же. Л. 68–72, 88–91 ; Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного Совета по обсуждению Устава о проступках, подведомых мировым судьям. С. 4–5 // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 59.